

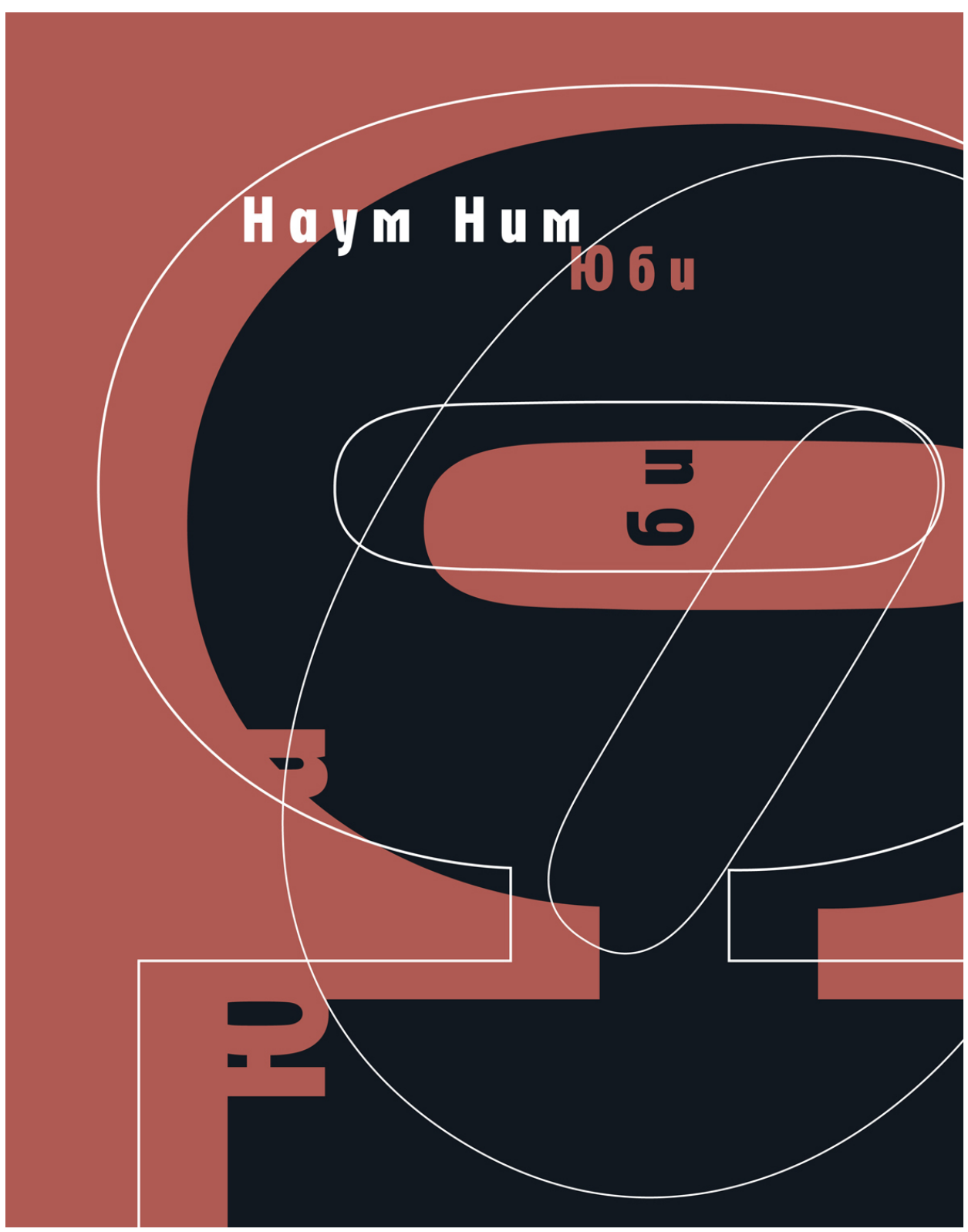
Наум Нум

Ю 6 и

6 и

и

и

Самое время!

Наум Ним
Юби: роман

«WebKniga»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

Ним Н.

Юби: роман / Н. Ним — «WebKniga», 2017 — (Самое время!)

ISBN 978-5-96-911690-0

Предыдущий роман Наума Нима удостоен премии имени братьев Стругацких, он был сочтен фантастическим. Этот роман тоже своего рода фантастика — настолько он фантастически реален и точен. Известно время действия — тридцать с лишним лет назад, 28 мая 1986 года (напомним, это день приземления немецкого летчика Матиаса Руста на Васильевском спуске у Кремля). Известно место действия — бесконечно далекий от Кремля городок Богушевск в Витебской области. Известно все, что потом случилось со страной и ее жителями. Чтобы не оставалось совсем ничего неизвестного, расшифруем и название книги: "Юби" — это призыв "Люби" в фонетике одного из героев, подростка, как сказали бы теперь, с особенностями развития, а тогда именовавшегося просто придурком. Предисловие к роману написал Дмитрий Быков, искренне восхищенный и книгой, и ее автором. "Перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем", — обещает Быков. Чтобы снова не ждать тридцать лет и сразу попасть в число тех, кому все станет понятно уже сейчас, книгу нужно непременно прочесть.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-96-911690-0

© Ним Н., 2017
© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Дмитрий Быков. Бог с Ним	7
1. Недоумок	9
2. Недомерок	37
3. Недотепок	62
4. Недобиток	90
5. Неделок	117
Над книгой работали	136

Наум Ним

Юби

Информация от издательства

Наум Ним

Юби: роман / Наум Аронович Ним; предисловие Дмитрия Быкова. – М.: Время, 2018. – (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1690-0

Предыдущий роман Наума Нима удостоен премии имени братьев Стругацких, он был сочтен фантастическим. Этот роман тоже своего рода фантастика – настолько он фантастически реален и точен. Известно время действия – тридцать с лишним лет назад, 28 мая 1986 года (напомним, это день приземления немецкого летчика Матиаса Руста на Васильевском спуске у Кремля). Известно место действия – бесконечно далекий от Кремля городок Богушевск в Витебской области. Известно все, что потом случилось со страной и ее жителями. Чтобы не оставалось совсем ничего неизвестного, расшифруем и название книги: «Юби» – это призыв «Люби» в фонетике одного из героев, подростка, как сказали бы теперь, с особенностями развития, а тогда именовавшегося просто придурком. Предисловие к роману написал Дмитрий Быков, искренне восхищенный и книгой, и ее автором. «Перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем», – обещает Быков. Чтобы снова не ждать тридцать лет и сразу попасть в число тех, кому все станет понятно уже сейчас, книгу нужно непременно прочесть.

© Н. Ним, 2018

© В. Калныньш, макет и обложка, 2018

© Состав, оформление, «Время», 2018

Дмитрий Быков. Бог с Ним

Обычно в предисловии разъясняется, кто такой автор и почему вам необходимо приобрести его сочинение. Наум Ним не нуждается в рекомендациях – по крайней мере в моих, потому что я, как говорится, недостойн застегивать ему сандалии. Ним – известный правозащитник, главный редактор журналов «Досье на цензуру» и «Неволя», жестокий и мрачный прозаик, чьи наиболее известные произведения – «Звезда светлая и утренняя» и «До петушиного крика» – рассказывают о советской тюремной системе. Его предпоследний роман «Господи, сделай так!» удостоен премии братьев Стругацких – это первый опыт Нима в жанре фантастики. Многие из героев «Юби» впервые – правда, мельком – появляются именно в этом романе. Но чтобы понять «Юби», читать предыдущие книги Нима не обязательно. Лично мне из всего написанного им больше всего нравится небольшой рассказ «Витэка сказал», опубликованный в свое время под псевдонимом Сергей Хвощ (не буду вдаваться в причины, так надо было). При желании эту вещь можно найти в интернете. Рассказ не просто хороший, но, я бы сказал, эталонный – о том, как Бог открывается не искавшим его, да много еще о чем.

Что касается самого романа, который перед вами – он тоже не нуждается в рекомендациях. Ним всегда рассказывает увлекательно, динамично, точно, зная, какие читательские страхи и надежды задеть в первую очередь. Эта книга может вам не понравиться – и даже, допускаю, не хочет вам нравиться – но оторваться от нее трудно, что умеет, то умеет. Хотелось бы обратить читательское внимание на три вещи, которые можно, конечно, назвать спойлерами, но никаких сюжетных тайн они не раскрывают.

Первое. В романе описывается один день с четырех разных точек зрения, показанный глазами четверки главных героев. Это 28 мая 1986 года – эпоха переломная, точка критическая, перестройка еще толком не началась, но уже буксует. Читателю полезно об этом помнить, чтобы не путаться в обстоятельствах.

Второе. Этот роман – один из многих сегодня (можно сказать, что это даже тренд), где описывается жизнь диссидентов. Мы много знаем о том, как она проходила в столицах, но роман Нима призван высветить всю глубину ада советской провинции. Что такое инакомыслие в этих обстоятельствах – многие попросту не представляют. Одна из авторских задач – не главная, но существенная – как раз в том, чтобы показать всю катастрофичность героизма, который не приносит ни славы, ни удовлетворения. Только унижение, позор, ощущение затравленности, бесконечное сомнение в своей правоте и никаких перспектив.

И третье. Автор пытается описать жизнь настолько изжитую, до дыр заношенную, жизнь, в которой начисто скомпрометированы все ценности – что даже завет «люби» воспринимается как полная чушь. Все обесмыслилось. И может быть, репортаж из 1986 года – всегда, как у Нима, точный и дотошный – объяснит сегодняшнему читателю, почему перемены в России были неизбежны, и почему они были благотворны, и почему они все-таки запоздали – а потому иначе кончиться не могли.

Последняя ремарка – скорее для того читателя, который уже дочитал книгу. Если после всего прочитанного и сказанного посыл этого короткого, умного и сдержанного романа остался читателю непонятен, я бы посоветовал ему задуматься прежде всего о том, почему герой по фамилии Угуч обладает способностями, которых не дано другим. Или, иными словами, почему абсолютный, казалось бы, недоумок один еще способен удержать распадающуюся ткань мира. Но это я уже вторгаюсь в области, о которых автор предисловия говорить не должен.

Должен же он, по-моему, сказать, что перед вами одна из главных книг одного из главных русских писателей. Когда-нибудь это будет понятно всем, и тогда книги Нима будут выходить с совсем другими предисловиями – где будут излагаться научные данные о первых изданиях и о биографии автора. Наверное, надо что-то на эту тему сказать и сейчас. Ним родился в Богу-

шевске (где и происходит действие книги) в 1951 году, его настоящая фамилия Ефремов, он сразу вводит себя в текст романа, чтобы у читателя не возникло подозрение, будто он прячется в ком-то другом. Сейчас он живет и работает в Москве. Книга выходит в издательстве «Время», потому что остальные издатели расхвалили роман и сказали, что печатать его нельзя. Впрочем, говорил же Борис Стругацкий, что времени страх неведом – ему бояться нечего.

1. Недоумок

– Что он тебе сказал? Что?..

Физкультурный учитель сжамкал крепкими кулачками Угучеву рубаху и тряс его за грудки, не давая перевести дух. Угуч был на голову выше учителя и с легкостью мог бы высвободиться из его цапких кулачков, если бы только такая мысль пришла ему в голову, но его голова, и без того не особо сообразительная, совсем отключилась и только дергалась взад-вперед, впуская лапая зубами.

– Ты че творишь? – В проеме двери служебного входа на кухню стояла тетя-Оль, и звонкий ее голос наполнял всю школьную территорию. – Смотрите, люди добрые... Сауладал с убогим. Ты ровню сабе отшукай... Ишь зенки бесстыжие вылупил!..

Никто не мог спорить с тетей-Олей. Даже сам директор школы-интерната менялся голосом, и все его «я не допущу» тут же превращались в разговор с ней в «пожалуйста, не забывайте»...

Да и кто бы смог устоять! Глаза, чуточку ухватив ее в поле обзора, тут же поворачивали всего тебя ей навстречу, и надо было сделать немалое усилие, чтобы отвести их в сторону и следовать дальше по своим делам, которые и вспомнишь-то не сразу. Звонкое тело тети-Оли внатяг заполняло столовский белый халатик, и только пуговицы маняще поскрипывали да постанывали в крепких петлях. Даже не верилось, что обычные пуговицы могут сдерживать такой зовущий напор, и сил не было отвернуться, потому что отвернешься и вот оно – освобождение красоты, а ты все пропустил. Только в холодную пору жизни вся эта телесная звонь как-то упрятывалась из виду, и можно было более-менее нормально общаться с тетей-Олей, которую в это время чаще всего звали Ольгой Парамоновной. Вот если бы лето было круглый год, то была бы здесь совсем другая жизнь и у Ольги Парамоновны, и у всех нас...

Понятное дело, физрук отцепился от Угуча и кроликом потянулся на манящий голос поварахи (всегда манящий, о чем бы он ни кричал, ни говорил, ни приговаривал).

«А еще чекист», – подумал Угуч, шмыгая за угол. Земля продолжала раскачиваться вперед-назад и ступать по ней надо было с осторожностью.

Ничего хорошего думать про напавшего на него учителя Угуч не мог, хоть будь тот и вправду самым настоящим чекистом. Недомерок – и все тут... Свисток-с-кепкой.

Такие меткие прозвища слетали с острого язычка все той же тетей-Олей, припечатывая много кого и приликая раз и навсегда. Угуча вот с ее подачи прозвали Недоумком. Правда, после того, как Лев Ильич устроил скандал в учительской, в глаза его так не звали из высоких воспитательных соображений, а школьники еще раньше перестали его так дразнить, потому что Угуч как-то вдруг стал громадным и крепким. Но все равно давняя обида вспомнилась и плесканула в сердце. А как тетя-Оль только что защитила его от Недомерка? Вроде и защитила, а вроде и обозвала по-обидному...

* * *

Еще вчера Угуч помогал тетей-Оле на кухне, и никакие обиды даже и не витали вблизи его замершего сердца. Лучше всего было вперегонки с ней чистить картошку. Они сидели друг против друга над огромной кастрюлей, стоявшей между их расставленными ногами, и Угуч боялся поднять глаза выше кастрюли. Боялся, но все же украдкой косил, а иногда мимолетно взглядывал чуть повыше, пытаясь углядеть что-то за расстегнутыми по случаю жары верхними пуговицами белого халата.

Эта работа на кухне была почти ежедневная добровольная повинность Угуча, а когда пару недель назад теть-Оля неожиданно прислонилась к нему жарким бедром и засмеялась: «Ого, да у тебя уже и женилка выросла», Угуч сразу понял, что после школы первым делом поженится на ней, и они будут каждый день хозяйничать на этой кухне как им только вздумается.

Угуч даже впервые пожалел, что дважды оставался на второй год, а мог бы окончить школу на пару лет раньше и тут же пожениться на теть-Оле, а теперь жди еще целую вечность...

Добровольным помощником на кухне Угуч стал не из-за бескорыстного обожания теть-Оли. Надоумил его на это дело Дмитрий Степанович, школьный завхоз и неутомимый организатор всяких массовых работ по поддержанию вверенного ему хозяйства – от покосов всего, что растет, до покрасов всего, что гниет. Где-то на этих трудовых праздниках он и заметил сильного и ловкого Угуча.

– Табе эта вся учеба без патрэбы, – наставлял завхоз малолетнего тезку. – Это пушай те, у кого голова крепкая... Оне по училищам пристроятся и как-то проживут. А те, мил-друг, один путь отседа – в дурку. Вот и надо те заране о себе похлопотать. Там помогай, тут помогай, глядишь – к тебе и привыкнут, а когда школу закончишь, тебя и оставят работать в помощь другим... А не то – в дурку, а там, мил-друг, не сахар... Ой, не сахар...

Может, завхоз шутил, а может, хотел часть своих забот переложить на крепкого паренька и в полный мах предаваться безмятежной праздности, изредка выговаривая малосообразительному работнику за нерадивость скрипучим директорским говорком. А может, Дмитрий Степанович на полном серьезе учил Угуча уму-разуму, по-своему беспокоясь о его будущем, которое все эти школьные педагоги, конечно же, обеспечить не смогут.

В любом случае завхозовы слова нашли благодарного слушателя. Угуч очень даже хорошо знал, что дурка – не сахар. Позапрошлой зимой кто-то умыкнул из столовой трехлитровую банку сахарного песка, а ночью обнаружилось, что вся Угучева рожа перепачкана прилипшими сахарными крупинками.

Упекли его в психушку на все зимние каникулы, и, вдосталь натерпевшись да насмотревшись тамошних порядков, Угуч понял, что жизнь надо прожить так, чтобы быть подальше от дурки. Долго еще он просыпался в ужасе среди крошечной ночной тьмы и несколько страшных мгновений соображал, где это он лежит, а сообразив, что не в дурке, – засыпал совершенно счастливым...

Теперь Угуч изо всех своих не по возрасту недюжинных силенок помогал в хозяйственных делах огромной школы. Труженики котельной, прачечной, автомастерской, кухни и разных иных служб всегда были рады сачкануть и переложить какую-либо грязную работу на Угуча. И вот сейчас Угуч вдруг сообразил, что раз его все равно считают убогим и недоумком, то хоть разбейся в лепешку, а все без толку. А коли так, кто ж его оставит в работниках после школы?.. И разве теть-Оль поженится с ним, если тоже считает его убогим?..

Славно распланированная будущая жизнь рушилась в прах...

* * *

Правда, были у Угуча и другие варианты обустройства будущего, но, похоже, и там все полетело под откос.

Самую желанную мечту про дальнейшую жизнь принес Махан – Вася Маханов, который появился в начале этого вот, считай, уже оконченного учебного года в шестом классе, где на задней парте отсиживал уроки Дима Угучев по прозвищу Угуч. Чаще всего Угуч прогуливал уроки с молчаливого согласия почти всех учителей, считавших, что Дима проведет время с большей пользой где-нибудь в прачечной.

В общем, Угуч с удивлением обнаружил Махана за своей партией, но турнуть не успел.

– У меня к тебе дело, – прошептал Махан, критически осмотрев Угуча, – секретное. Я тут не просто ля-ля-буквари, а со спецзаданием...

Оказалось, что их отцы (и отцы еще нескольких учеников этой лесной школы-интерната для легочников) работают советскими разведчиками в Америке (совсем как Штирлиц), и Махана специально послали для связи и поддержки, потому что его отец там, в Америке, руководит остальными отцами, а Махан должен руководить и заботиться здесь...

Малорослый и шептун Махан удивительно ладно подходил к своей фамилии и, соответственно, к прозвищу. Он не мог ни сидеть, ни говорить спокойно. Махал руками, щелкал пальцами перед глазами слушателей, гримасничал и дергал плечами и даже потопывал в помощь своему стремлению подчинить всех вокруг пацанов (приглядываясь уже и к девчонкам). Сам Махан объяснял свою неумную жестикуляцию тем, что целый год был в побеге из детдома и жил с уголовниками, а у них принято так выражать свои мысли.

Были уголовники или не были, но вернее всего директор Дома малютки, куда Махан попал в неразумном возрасте, был физиогномист от бога и весьма удачно припечатал младенца фамилией Маханов. Кстати, вполне может быть, что он же парой лет раньше нарек Угуча Угучевым...

Сам Махан настаивал, что все дело в уголовниках. Разумеется, и уголовники появились не сами по себе, а по заданию разведцентра, который таким образом прятал Махана от американских шпионов, чтобы они не могли его похитить и потом этим шантажировать отца. А потому всем им – детям разведчиков надо быть начеку, никому ни гу-гу и во всем слушаться Махана.

Все клялись самым страшным, жрали землю и выпарапывали из ладошек кровь, которую надо было слизнуть в закрепление клятвы...

* * *

Еще одна мечта о послешкольной жизни появилась на год раньше, чем мечта, принесенная Маханом. Тогда Угуч начинал учебный год в пятом классе (а по возрасту мог быть в седьмом), и в школу пришел новый учитель Лев Ильич, – он и стал классным начальником у пятиклашек – одноклассников Угуча. Заодно он вел уроки математики и всякие другие занятия, когда приходилось заменять заболевших или где-то пропадавших учителей и воспитателей.

Знаменит Лев Ильич стал даже раньше своего появления в школе, потому что оказался он здесь по рекомендации прежнего учителя, а того прежнего посадили в тюрьму за продажу родины.

– Один жид пристроил на свое место другого жида, значит, место хлебное... – рассуждал в кочегарке завхоз Степаныч, разливая чернила в два стакана – себе и Григорию Недобитку, главному своему работнику хоть по котельной, хоть по гаражу.

– И чем же оно хлебное? – поинтересовался Недобиток, приняхиваясь к подозрительному пойлу.

– А вот веришь – не знаю. Но хлебное... – Степаныч собрался с духом и опрокинул стакан... Отдышался. – Жид на другое не пойдет... – Он некоторое время молча пережевывал соленый огурец. – А ничего себе винишко. Думал, совсем отравя, а оно и ничего...

* * *

Лев Ильич был молодым, веселым, заводным и смешным. Он не выговаривал чуть ли не половины букв в словах и когда при первом появлении в классе объяснял, как к нему обращаться, все покатались со смеху – получилось Йеф-Иич. Так его и прозвали, сократив со временем отчество до короткого Ич, а иногда безо всякого отчества – просто Йеф.

Но – удивительное дело, – когда Йеф начинал говорить, когда заводился и увлекался, – слушатели переставали замечать, что он чего-то там не выговаривает и где-то там картавит. А может, он даже и переставал картавить, и все звуки стройно становились на положенные им места.

Кстати, тетя-Оль сразу прилепила к нему прозвище Недотепок, но не какой-то там неумеха-недотепок, а как-то даже жалостно – недотеепок. В общем, звучало не обидно, по крайней мере от самой теть-Оли.

Главное, что Недотепок был не один. К нему должна была приехать из самой Москвы семья, и целую осень Йеф-Ич перестраивал старую и с виду негодную школьную квартиру на втором этаже древнего кирпичного дома, первый этаж которого был занят разными складскими помещениями. В помощь ему подтянулись из поселка друзья прежнего учителя, который сидел сейчас, как мы знаем, за продажу родины... Угуч по собственной воле был на этой стройке самым первым помощником, и как ему ни втолковывали, что это нельзя, что не должен, мол, учитель пользоваться трудом ученика, все равно, Угучу эти резоны что горохом о стену...

– Жиды завсегда друг за дружку... Кажинный норovit другому пособить...

– Вядомае дело...

Работяги школьных хозяйственных служб понимающе поцокивали, глядя на спорый ремонт запущенной квартиры. Они были совсем не прочь тоже включиться и чего-нибудь сделать да в чем-нибудь подмогнуть (не бесплатно, разумеется), но их не звали.

– Слушай, – обратился к Недотепку парень из поселка, которого звали Серегой, – а почему это они все жужжат «жиды да жиды»? – Ладный Серега кивнул на зрителей из школьных работников. – Ты еврей, что ли?

– Азумеется, – подтвердил Йеф.

– Вот так номер, – присвистнул Серега. – Я вообще-то евреев как-то не очень...

– А как же ваш и мой длуг? – остолбенел Йеф.

– Какой друг? – не врубился Серега.

– Ним. – Похоже, и Йеф ничего не понимал. – Наум Ним, который нас длуг с длугом....

– Наума? – удивился в ответ Серега. – Тимка! – позвал он. – Мешок! Идите сюда! Слушайте, чего он гонит!

Друзья, утирая пот, разогнулись и подтянулись поближе.

– Че стряслось? – поинтересовался Тимка, прополаскивая рот водой.

– Он говорит, что наш Наума – еврей...

– Я вообще-то евреев не очень, – недоверчиво протянул Тимка, – но помню, что-то такое Наума говорил.

– Точно говорил, – вступил Мешок. – Еврей, без сомнений.

– Тогда другое дело, – тяжело вздохнул Серега. – Тогда я к евреям всей душой...

* * *

Квартира была готова к первым холодам, и сразу же к Йефу прикатила жена с сыном Даниилом, обезноженным загадочной хворобой с произносимым названием. Но про это узнавали погодя, а первым делом все замирали, глядя на Йефову жену. Надежда Сергеевна была невероятно пригожа нездешней, киношной какой-то красотой и с первого шага сразу же отодвинула далеко назад всех школьных красавиц, включая даже тетя-Олю. Только вот жила Надежда Сергеевна словно на ощупь, как потерянная...

– Несмеяна, – выдала тетя-Оль свое фирменное. – Хотя, по правде кажучи, и не придумать, с какой радости ей смеяться...

Угуч буквально прилип к сыну Йефа. Даниил был по годам вровень Угучу, но, щуплый и хрупкий, из-за болезни казался Угучевым младшим братом.

Они натурально срослись друг с другом. Угуч сажал Даниила себе на плечи, и перед тем открывался огромный и ранее недоступный мир. Куда там креслу-коляске гоняться за крепким и быстрым Угучем!.. Да и не за Угучем вовсе, а за кентавром Дим-Даном, как сразу же прозвал их Йеф-Ич, объяснив Угучу, что жили когда-то такие диковинные существа в Греции, только у них было по две руки и четыре ноги, а у Дим-Дана – наоборот. Угуч даже не придерживал своего всадника – так ладно чувствовали они друг друга. Йеф мужественно замирал, глядя на их стремительный бег с прыжками через разные пни да колдобины, а вот Надежда Сергеевна бледнела в полотно и спешно отворачивалась.

- Я не могу этого видеть, – говорила она Йефу... и Угучу... и Даниилу.
- Мам, а ты и не смотри, – отзывался сын.
- Трусиха наша, не отнимай у Данилы такую радость, – вторил сыну Йеф.
- Угу, – соглашался с ними Угуч.

* * *

Ясное дело, к Даньке в комнату Угуч шастал, как к себе домой, хотя никакого дома у него отродясь не было и он знать не знал, как туда шастают. Понятна и уверенность Угуча в том, что Йеф оставит его после школы рядом со своим сыном. Может, усыновит, а может, и просто оставит. Угуч не знал, как это будет выглядеть в разных скучных деталях, и про эти детали не думал. Это же был не план действий, а мечта. И кто бы решился осмеять эту его мечту!..

До сегодняшнего неправильного дня, до недавнего странного нападения Недомерка и до обидного заступничества теть-Оли Угуч хранил и взращивал эти свои три мечты. И вот в один день все они расплзлись так, что и не ухватить...

Еще вчера он затруднялся в выборе мечты, по которой станет проживать свое после-школьное будущее. Хорошо, конечно, пожениться на теть-Оле и ходить по здешней кухне-столовой полным хозяином. Но и с героем отцом уехать отсюда под завидуемыми глазами всей школы – тоже хорошо. И хорошо остаться в семье Йефа, даже и при откровенной и такой несправедливой неприязни к нему Надежды Сергеевны.

Иногда Угуч пытался совместить разные мечты в одну свою жизнь, но получалась полная ерунда. Ну вот, например, несетя он кентавром Дим-Даном по лесной тропе, а рядом теть-Оль в подвенечном платье. Разве ж она угонится за кентавром?.. А как можно свести вместе отца – самого настоящего чекиста и Йефа, друг которого продал родину?.. А Недомерок говорит, что и сам Йеф продает родину. Как же его соединить с отцом-чекистом?..

Угуч представил, как его отважный отец-разведчик, похожий на Штирлица, подходит к ослику Иа-Иа, на которого чем-то неуловимым походил Йеф-Ич...

«Ну что, брат, – спрашивает умный и неотразимый Штирлиц, сжимая в кармане рукоять пистолета, – хвоста не было?»

«Откуда бы ему взяться? – вздыхает ослик. – Я же его еще с утра потерял...»

«Вот и славно, – прищуривается Штирлиц, вытаскивая...»

* * *

Пронзительно засвистел серебристый репродуктор – вверху над парадным и в обычные дни наглухо запертым школьным крыльцом.

«...есять часов московского времени, – оглушительно громко оповестил репродуктор всю школу, и лес за школьной оградой, и кладбище, рассыпанное среди сосенок этого леса,

и дальше – весь поселок, куда, если пешком, то пилить и пилить... Радиорупор снова засвистел-захрипел-закашлялся: – ...заботой Коммунистической партии и советского правительства о жителях тех районов, которые в результате аварии на атомной электро... – Потом снова все слова заглушил треск, его сменил резкий, разбойничий какой-то свист и опять захрипело – в этот раз совсем надолго. – ...переменная облачность, без осадков, температура воздуха 19 градусов по Цельсию. Вы слушали прогноз погоды на сегодня, 28 мая 1986 года. А теперь...» – Репродуктор еще раз свистанул и затих...

Угуч лежал клубком в одном из своих тайников-укрывов. Этот был обустроен в корневище здоровенной ели, которая вцепилась в самый край крутого оврага. Благодаря такому расположению, заросли переплетенных корней с той стороны ели, что глядела в овраг, свисали открытыми, пока не доставали до земли, чтобы уже там вкрутиться в нее изо всех сил и удержать могучую мачту дерева. За этой занавесью корней и располагалась тайная берлога Угуча.

Сегодня Угуч поднялся чуть свет, и потому не было ничего странного в том, что он закемарил в этом своем укывище, в стороне от непрестанно гомонящей суеты интерната. Если бы не вопли из репродуктора, он, может, проспал бы до самого обеда. А куда ему спешить? Уроки в шестом классе закончились уже с неделю как... Хотя и на уроки он давно уже не спешил и редко ходил, даже зная, что Йеф опять будет по этому поводу выговаривать да втолковывать какие-то невзаправдашние книжные истины... Ему ведь учеба не впрок. Спроси хоть кого, кроме Йефа конечно, – каждый учитель и каждый воспитатель подтвердит, что не впрок. Даже тетя-Оль...

Угуч вспомнил, что ему надо было помогать на кухне. Наверное, тетя-Оль волнуется, думает, куда это Угуч запропал... Спрашивает одного, другого – не видал ли кто?.. А кто ж его увидит, когда он в укромке своей, о которой никто ничего... Может быть, она даже нашла Йефа, остановила его и спрашивает: не видел ли? не знает ли?..

Надо бежать, пока они там не подняли тревогу... Да какую тревогу? Будут они тебе из-за какого-то убогого недоумка тревожиться!..

Угуч окончательно проснулся.

* * *

Первый раз он сегодня проснулся, едва засветало. Его разбудил Махан. Сперва Угуч даже испугался, увидев перед собой страшное лицо, но потом признал Махана, только с жуткими подглазьями, заплывшими в сплошной синяк.

«Наверное, это из-за вчерашнего падения с лошади, – догадался Угуч. – Только ведь Махан сам виноват. Он долго выпрашивал эти свои синяки».

И правда выпрашивал. С того самого времени, как пришел в эту школу и увидел кентавра Дим-Дана, а увидел он счастливый полет Угуча и Даньки на второй или третий день нового учебного года. Весь класс выстроился на уроке физкультуры и вот тут рядом с дорожкой, на которой физкультурничали шестиклашки, наискосок по футбольному полю пронесся Угуч с Данькой на плечах – пролетел, проскакал и скрылся в лесу. («Значит, сынок сачкует, – непонятно прошипел Свисток-с-кепкой. – Значит, папанька отсутствует. А где же он, скажите, пожалуйста».) Потом из-за деревьев раздался лихой свист Даниила, и этот свист окончательно добил Махана. Жгучая зависть поселилась в его довольно добродушном сердце и корежила его изворотливую душу.

Сначала он просто и честно предложил Угучу стать его, Махановым, персональным конем. Не на все время, а только в исключительно важных случаях. Может, только раз в год и – все. Они же дети советских разведчиков и должны помогать друг другу. А кроме того, Махан – главный, и Угуч должен во всем его слушать.

Махан чуть ли не силой влез Угучу на плечи и взялся командовать: «Вперед!», «Стой!», «Повернись!»... Угучу и не трудно, тем более Махан оказался совсем легким – вот только сидел он как-то незграбно, все время боялся упасть, уцепился в волосы, ногами стискивал так, что и не вздохнуть, цапал за лицо и даже глазам закрывал обзор мира. Наверное, все это Угуч стерпел бы, но Махан категорично потребовал, чтобы Угуч перестал возить Даньку да и вообще перестал с ним возиться.

– Ты пойми, он же Недоделок, – повторял Махан подслушанное прозвище Даниила, которым его безо всяких сомнений окрестила языкатая тетя-Оль. – Да в придачу он ведь жид, – вколачивал Махан Угучу главные истины жизни. – Ну сам скажи, разве не так? Так, натурально жид, а жида всегда на нас ездют. А мы не должны их возить. Ты же разумный пацан, а таких простых вещей не сечешь... Ты меня слухай, и будет у нас полный ажур...

Уговорить Угуча не удалось – ни проклятьями, ни матюгами, ни приказами из разведцентра, ни даже угрозой лишения загробной жизни, которую за просто так не дают. Все это было такой мелочью по сравнению с полетами кентавра Дим-Дана, что смешно и говорить...

Махан вроде отступил. До конца он от своих планов не отказывался и время от времени снова долбил в Угуча про жидов и про Недоделка, но даже без видимости успеха. Угуч бычил упрямую бошку и стоял скалой – не сдвинуть. Махан даже иногда влезал Угучу на плечи и звонко командовал, но совсем недолго. Он сам чувствовал себя в роли наездника не слишком уверенно и втайне боялся, что Угуч сейчас вот взбрыкнет и полетит, как с Данькой, и настанет тогда полный звездеч...

Однако совсем от своих планов Махан не отказывался. Он не мог уступить какому-то жалкому инвалиду, да к тому же еще и жиденышу... Стоит только раз уступить и ты уже никто, меньше, чем никто, – мразь и сор. По крайней мере, так считается среди уголовников, где Махан вроде бы обретался то ли по собственной дурости, то ли по заданию таинственного разведцентра...

* * *

Учебный год давно уже закончился, и три дня назад классный руководитель Йеф-Ич собрал своих теперь уже семиклашек и повел на экскурсию. Эти мероприятия любили все, потому что Йеф не просто ходил с ними туда-сюда, а о чем-нибудь рассказывал, и с рассказами этими и кино не сравняется. Даже ворчливый Махан, который предпочитал сам оказываться в центре внимания и для этого врал напрапалу о чем угодно, задиристо и неумело, – даже он умолкал и, открыв рот, слушал Йефа, хотя рожица его все равно была готова скорчиться в гримасу «подумаешь, ничего особенного».

В тот раз Йеф рассказывал про рыцаря Айвенго.

Махан надолго задумался, а вчера под вечер в компании почти всех пацанов их класса и с поддержкой пацанов постарше, двое из которых тоже были детьми чекистов-разведчиков и потому всячески выражали готовность побить кого надо, остановил кентавра Дим-Дана у дома Йефа.

– Слухай сюда, стручок, – обратился Махан к Даньке, игнорируя Угуча напрочь. – Сейчас мы устроим рыцарский турнир. Ты на нем. – Махан показал на Угуча. – А я на Воване. – Он ткнул пальцем в чекистова сынка из восьмого класса – вполне себе крепкого пацана. – Кто победит, тот и берет Угуча своим конем навсегда, – предложил Махан. – Ну, че молчишь?.. Ссышь?..

– Он не конь, – прошипел Данька сверху.

Махан с Данькой зыркали друг в друга заклятыми врагами, будто не было долгих совместных походов, шкод да проказ – ничего не было. Все сжигалось в пепел...

– Тебе не конь, а мне будет конь, – отмахнулся Махан. – Ну, че замолчал? Спужался?

Данька согласился и, по обыкновению, всю организацию турнира взял в свои руки, а Махан, тоже по обыкновению, делал вид, что все происходит по его воле и под его руководством.

Местом турнира определили физкультурную площадку с краю от футбольного поля, точнее гимнастический бум – бревно, укрепленное на высоте полутора метров над землей. Всадники должны были мчаться каждый по своей стороне бума. В копья выбрали половые щетки на длинных деревянных ручках, а в шлемы – плетеные мусорные корзинки для бумаг.

Пришлось совершить набег на склад кастаньянши и позаимствовать там зимние шапки – без них корзинки не держались бы на разгоряченных головах. Щетки с палок решили не снимать, потому что к смертоубийствам и увечьям никто не стремился, да и враждебные зырки и подначки как-то незаметно сошли на «нет», а турнир обернулся не поединком врагов, а состязанием приятелей. Все увлеклись предстоящим сражением.

– Не бойсь, – сказал Данька Угучу, – мы победим. Главное – мчись со всех сил. Чем быстрее будешь бечь, тем сильнее будет удар.

Угуч удивился. Ему казалось, что сильнее и обстоятельнее можно ударить, если подойти неспешно и остановиться, хорошо замахнувшись. Но Даньке виднее...

Угуч рванул...

Махан от удара щеткой в грудь вроде даже взлетел вверх, увлекая за собой Вована, которого он намертво обхватил ногами. Их разом отшвырнуло назад, и оба они грохнулись навзничь, а Махан вдобавок шибанулся своим шлемом-корзинкой о корягу. Хорошо, что они нацепили зимние ушанки под шлемы, но все равно Махан несколько минут охал и тихо матерился. Потом он кое-как встал, но тут же осел...

До своих коек они добрались далеко после отбоя, теньями прошмыгнув мимо не очень бдительных воспитателей. Махан – качающейся тенью.

И вот на рассвете Махан зачем-то разбудил его. Может, попросту хотел напугать своим синюшным видом?..

– Не пужайся, – прошептал Махан. – Я вот чего тебе скажу... Тока что получил сообщение из разведцентра. Батьку твою ликвидировали... Смертью храбрых. Американцы выследили и – кранты. Что с них взять – звери...

Угуч заплакал...

* * *

Школа со всеми своими обитателями крепко спала сладким предутренним сном.

Угуч бесшумно скользил к дому Даньки. По кирпичным выбоинам в разрушающейся стене он с легкостью поднялся на второй этаж и влез в Данькино окно. Наверное, Угуч двигался не совсем бесшумно, потому что в соседней комнате закрипела кровать и Надежда Сергеевна приоткрыла дверь к сыну, проверяя сон Даньки. Все было в порядке, и она, успокоенная, вернулась к себе, а Угуч выскользнул из-под кровати Даньки и забрался к нему в постель. Побулькивая скрывааемыми рыданиями, Угуч прямо на ухо поведал верному другу про все свои горести.

Тут надо уточнить, что Данька был не только ловким всадником кентавра Дим-Дана, но и самым настоящим другом. Он научил Угуча говорить, читать и писать. Правда, Угуч все равно предпочитал жить молчком, потому что люди, как правило, ничего не слышат – хоть говори, хоть кричи в полный голос. И писал Угуч пока еще с трудом печатными буквами, распадающимися на отдельные подпорки и перекладины. Читал он тоже не очень, медленно, с пыhtениями, приклеивая новое слово к прежним. Но читать Угуч любил и упрямо добирался

от слова к слову до смысла всего рассказа. Чаще всего это были сказки, которые ему подбирал Данька.

В общем, Данька все понял и тоже всхлипнул сочувственно, а по звуку будто бы и всхотнул, но, наверное, громче, чем надо бы...

– Сынок, у тебя все в порядке? – окликнула из своей комнаты Надежда Сергеевна.

– Все хорошо, мам, – отозвался Данька. – Спи.

– Да чего уже спать, – сквозь зевок возразила Надежда Сергеевна, – скоро папка придет... Давай потихоньку подниматься-умываться...

Угуч уже лежал под кроватью, куда мгновенно проскользнул ловким ужакой. Он несколько раз видел долгие утренние процедуры Даньки и понимал, что во время этих процедур Сергеевна его обязательно обнаружит и снова начнет скандалить, а Угучу уже хватило беды на это утро.

Пора было выбираться...

– Прибегай позже... Когда папка придет, – шепнул ему Данька.

Йеф из своих частых поездок в Москву приезжал всегда спозаранку, на шестичасовом дизеле из Орши. То есть приезжал он из Москвы, но сначала в Оршу, а уже потом на дизеле в поселок Богушевский, близ которого и обосновалась школа-интернат для детей с легочными заболеваниями. Долгий путь от станции до школы Йеф обычно шел пешком, увешанный сумками с подарками, колбасой и книгами. Более всего – с книгами. Наверное, за ними он и мотался туда раз в месяц, а то и чаще. А с другой стороны, он же родом оттуда, и, наверное, там его близкие. Угуч как-то из-под кровати Даньки слышал, как ссорились Йев с Надеждой Сергеевной, и понял из их перебранки, что в Москве живут ее родители. Так чего ж не ездить? Если бы Угуч знал, где живут его родители, – он бы пешком...

Угуч вспомнил, что отца его во вражеской Америке замочили смертью храбрых, и ком снова подступил к горлу...

* * *

– По квартирам шуруешь? – Недомерок вырос из ниоткуда, стоило только Угучу спуститься по стене и ступить на землю. – Так ты у нас, оказывается, домушник?.. Что там? Нету хозяина? – другим, очень деловым голосом спросил физрук и тут же сам себе и ответил: – Конечно нет... Потому что хозяин в Москве. Он там родиной торгует. Ро-одиной! Понял?.. А ты к ним шастаешь... Прикормили они тебя, что ли?.. Вокруг столько хороших людей, а ты сюда... Медом тебе здесь намазали?.. Но мы не позволим, так сказать, мазать... Ни медом, ни чем другим... Так и заруби в своей тупой... то бишь упрямой голове – не позволим. Отъездился, голубок... Вот явится он из своей Москвы, а тут ему – подарочек... – Свисток-с-кепкой всмотрелся в обалдевшего Угуча и снова сменил голос – теперь на командный, как и на уроке – вот-вот в свисток дуванет. – Рот закрыл! Повернулся и – марш отсюда... Чтоб духу...

Угуч шмыганул за угол Йефова дома.

Наверное, Недомерок и вправду чекист, и у него такое задание – следить за Йефом. Впервые такие слухи поползли, как только Леонид Валентинович устроился в интернат учителем физкультуры. Имя его почти сразу забылось, а звали его исключительно так, как окрестила теть-Оль, но слухок о том, что он на самом деле чекист и работает физруком только для видимости – слухок этот становился все крепче. Недомерок вслух, а не тишком, ничего не подтверждал, но ничего и не опровергал и буквально достал всех своими расспросами, просьбами и разными бессмысленными требованиями.

Чекистов в здешнем народе мало любили. Пожалуй, даже меньше, чем евреев. И это несмотря на то, что евреи пьют кровь и спаивают русский народ, а среди чекистов сам Штирлиц, и, может быть, есть там еще кто-нибудь такой же замечательный. Но про Штирлица

хорошо смотреть в телевизоре, а чекистов здесь помнят еще с послевоенной. И не только помнят, но и рассказывают иногда шепотком, как те лютовали.

А лютовали и зверовали они на спаленных войной белорусских землях, кстати сказать, совсем не по злобности своей натуры и не из садистских наклонностей. Были они в основном молодыми и жизнерадостными, красивыми и очень счастливыми. Как же не быть счастливым, если война закончилась, а ты жив!.. Хорошие парни. Только вот дело им досталось не очень хорошее. Надо было мятущуюся здесь недавно партизанскую войну привести к виду правильного и мощного движения, воевавшего по плану самого Верховного... Если бы все партизаны в борьбе за освобождение от фашистской нечисти сложили свои головы поголовно, то не было бы никаких хлопот. Но многие остались живы и помнили не то, что надо, а, прямо скажем – черт-те что помнили... Кому, как не чекистам, надо было вправлять этот массовый вывих неправильной памяти?.. Они и направляли...

А теперь вот появляется какой-то Недомерок или даже Свисток-с-кепкой и своими идиотскими расспросами сходу возвращает все прежние дрожжи и страхи...

«Так он же Йефа подкарауливает, – дотумкал Угуч про Недомерка. – Точно как американцы подкарауливали моего отца...»

Угуч остановился, не соображая, что надо делать. Можно вернуться и придушить Недомерка. Плевое дело: сжал чуток – и готово. Но ведь он за Йефом уже целый год следит, и ничего... Угуч решил, что и сейчас все обойдется. Если бы он знал, что всего через несколько часов Недомерок набросится на него и будет трясти до зубовного лязга, он бы решил иначе...

* * *

Невозможно было уединиться: куда не затихаришься, кто-нибудь обязательно тут как тут и тычет ладошкой в грудь, закатывая глаза и восхищаясь Угучевой победой во вчерашнем турнире. А если не уединишься, то как сможешь придумать чего толкового про дальнейшую жизнь? Ничего не придумаешь. Одно ясно: с мечтой о жизни с родным отцом, который будет любить и баловать не за какие-то там успехи в учебе или в примерном поведении, а просто так – ни за что, как Йеф любит своего Даньку, – с этой мечтой приходится распрощаться навсегда. Остаются для Угуча два варианта судьбы: кентавром с Данькой или мужем с тетей-Олей... Ну или – дурка, но про это лучше вовсе не думать, чтоб не накликать...

– Опять к своим жидам ходил? – Махан поприветствовал Угуча взмахом руки с зеркальцем, в котором пытался рассмотреть свою опухшую в сплошную синь физиономию (а может, и не поприветствовал, а просто так махал рукой, как и всегда ею махал). – Табе батьку оплакивать, а ты... Ладно, не злись... Ты полюбуйся, чего со мной зробиу... Меня директор спыни¹ и давай пытать – чего? да кто?.. Но я ни гу-гу... Мы же сыны разведчиков. Мотай на ус и держи язык за зубами... Эй, пачакай², куда ты намылился? – Махан подбегом нагнал уходящего Угуча. – Я те самое цикавае³ не сказал. Йеф вернулся, ведаешь? Наверное, ведаешь, а вот то, что он сваю жонку тока что в лес повел, на шалашову поляну – этого не ведаешь. А зачем, думаешь, повел? Для этого самого – долбиться будут. Дома при сыне несподручно, а все равно хотся. Это же только ты считаешь, что они все из себя сю-сю-сю, а они долбятся, как и все вокруг – как и собаки подзаборные. Иди вот и сам полюбуйся... Думаешь, если Сергевна, то вся из себя принцесса, а ей бы только чебурашку почесать...

¹ Остановил (белорус.).

² Подожди (белорус.).

³ Интересное (белорус.).

Угуч дальше не слушал и пошел прочь, а Махан так и остался, хлопая ртом и пытаясь еще что-то досказать. Нет, все-таки по всем ухваткам получается, что он и вправду вожжался с уголовниками, – откуда бы еще брались эти все его поганые рассуждалки?..

А если Махан прав? Он и раньше всякие гадости спешил порассказать про всех вокруг, захлеб, а пальцы враслопырку для убедительности. И многие его рассказы потом подтверждались. Подтвердилось, что директорская жонка ходит в котельную к Григорию Недобитку и там они сцепляются по-собачьи, и с молоденькой воспитательницей Ириной Александровной сцепляются, и с учительницей географии Алевтиной Николаевной, и с врачихой по зубам Ниной Александровной, и еще с разными барышнями, и каждый раз Угуч получал проигранные Махану болезненные шалабаны – по два десятка на одну собачью радость Григория. А вот про тетю-Олю не подтвердилось – не сговорил ее Григорий, но зато подтвердилось, что она полными сумками таскает школьные продукты к себе домой, и Угуч снова огреб свои шалабаны...

«Когда я поженюсь на тетю-Оле, – решил Угуч, сворачивая на тропинку к шалашовой поляне, – у нас не будет ничего собачьего».

Низ живота обдало протестующей горячей волной...

* * *

Шалашовую поляну в запутанной круговерти лесных тропок и подальше от возможных глаз обустроивали всем классом под руководством Льва Ильича. Это было место частых экскурсий, где Йеф, усевшись поудобнее в кругу шестиклашек, неспешно и вкусно начинал очередное увлекательное сказание... На случай дождя соорудили прочный навес, и вот из-за него поляну стали называть шалашовой.

Угуч лежал в густых зарослях перед шалашовой поляной, впритык к навесу, под которым спиной к нему сидел Йеф в обнимку с женой. Сначала Угуч и глядеть опасался, но ничего такого из фантазий Махана и близко не было. Угуч превратился в слух.

– Левка, ну что ты как дурачок?.. – торопливо сыпала Надежда Сергеевна в мужа возмущенные слова. Ее голос с трещинкой – говорила она, или напевала, или кричала и скандалила – всегда завораживал Угуча. – Обманул ты его, а чего радуешься? Он же не отстанет. В шею дышит...

– До шеи ему еще, недомерку, тянуться и тянуться...

– Прекрати гусарить...

– Как-нибудь обойдется...

– Нам нельзя как-нибудь, – начала горячиться Надежда Сергеевна. – Данька без нас не выживет... Что же ты творишь? Тебя же посадят. Ну, увернешься еще раз или два, но при этом твоим гусарством обязательно посадят. А что будет со мной? Да мой родитель тут же упечет меня в психушку. Просто из мести, что наперекор ему, что вены резала, чтобы наперекор... Обязательно упечет... А что тогда с Данькой будет? Ты видел эти инвалидные дома, куда его сбаврят, если он останется без нас?.. Что ж ты творишь?..

– Я живу. Мы просто живем, стараясь, чтобы, извини – достойно. Чтобы правильно...

– И если Данька попадет в инвалидный интернат – это будет правильно? Мы зачем из Москвы уехали, забыл? Тебя уже должны были посадить, и твой приятель... как его?.. которого посадили?.. В общем, он удачно предложил эту передышку. Зачем же ты опять в Москву?.. Зачем ты опять книги эти?.. – Она всхлипнула.

– Это правильно, – как-то потверже надавил Йеф. – Нельзя прекратить жить правильно из-за того, что какие-то идиоты за это могут тебя придушить... Если Данька это поймет – ему будет легче...

– В доме инвалидов?.. – почти вскрикнула Надежда Сергеевна.

– Знаешь, дорогая... – Йеф построжал голосом. – Тебе придется постараться... – Он и не собирался утешать жену. – Представь, что меня сбила машина. От этого же не уберешься. Вдруг и – бац. Ходил правильно, а тебя – бац – и нету. Как с гебней этой сраной: живешь правильно, честно, а тебя – бац – и все... Может такое быть?.. Запросто. И в этом случае тебе придется постараться. Нечего прислоняться к родителям, которые считают, что для твоей же пользы тебя надо сдать в психушку. Не надо тебе такой помощи. Придется выживать без них. С Данькой. Друзья у нас, к счастью, есть, и они в беде не оставят. И никто никуда от живой матери Даньку не заберет...

– Как же без них? Это же мой отец... Знаешь, как он меня любил в детстве?

– Я знаю, как он тебя в психушку отвез, лишь бы за меня не отдать. И знаю, как он на Даньку даже взглянуть боится. И знаю, что он бывший СМЕРШевец, палач, стало быть. И этого достаточно, чтобы перестать вообще общаться с ним.

– Левка, а он ведь сегодня приедет.

– Кто? – не понял Йеф.

– Папка мой... Вчера позвонил и сказал, что будет проездом... выезжает на машине...

– Это с какой радости?..

– Не знаю... Говорит, дело есть...

– Ну вот и удобный случай попрощаться. Обстоятельно и спокойно...

– Ну что ты говоришь?! Он же меня любит... Он искренне думает, что мне без тебя лучше...

– И без Даньки?.. В психушке-то?.. Если так, то ему и правда думать нечем...

– Был бы к нему добрее – глядишь, он бы тоже помягчел...

– Не хочу я его «помягчел», – набычился Йеф.

– Левка, а давай уедем, – сказала Надежда Сергеевна непонятное.

– Во-первых, я не хочу уезжать, – раздраженно возразил Йеф. – Здесь моя родина... На этом языке я общаюсь с миром... А во-вторых, не факт, что отпустят – могут, опять же, посадить, и что тогда?..

– Тогда я буду знать, что тебя посадили за желание устроить нам с Данькой счастливую жизнь, – не надеясь убедить мужа, ответила Надежда Сергеевна. – А ты заладил попугайное: «родина – родина», «не хочу – не хочу»...

* * *

Семейное свидание стало спокойным, без угрозы ссоры и скандала и уж точно – безо всяких непотребств, о которых брехал Махан.

Угуч тихонечко отполз прочь и, встав на ноги, во всю прыть понесся к Даньке, чтобы первым обрадовать его. Не сразу, но через некоторое время Данька понял, что все у них складывается самым счастливым образом: Йефа посадят в тюрьму, Надежду Сергеевну отправят в дурку, а Даньку оставят с Угучем в интернате, и, значит, кентавр Дим-Дан будет всегда...

– Глупый ты, – пошуршал Данька волосами Угуча, устраиваясь у него на плечах. – Меня ведь отдадут не в этот интернат, а в специальный – для тех, кто не ходит... Там кентавры не выживают...

Угуч чуть не споткнулся. Потом он подумал, что все это будет не сегодня, а когда-нибудь после, а это ведь бездна времени. Кентавр снова был в полном порядке.

Для разминки Дим-Дан сделал кружок по дорожке вокруг футбольного поля, потом остановился под перекладной. Внизу стали собираться пацаны. Данька выцепил взглядом Махана и громко его окликнул:

– Эгей, проигравший рыцарь, предлагаю продолжить турнир. – Он сидел руки в боки на Угучевых плечах и выглядел необыкновенно внушительно. – Подтягивания на перекладине.

Сначала по десять раз, потом по девять и так далее. Рыцари подтягиваются по очереди. Кто проиграл – тот залезает на баскетбольный щит и орет во всю глотку: «Я салага, я салабон»... Ну что, проигравший рыцарь? – Данька внаглую издевался над Маханом. – Неужто ссышь?..

На глазах у собравшейся толпы Данька с легкостью подтянулся десять раз и снова опустился на плечи Угучу, отыскивая глазами Махана. Того нигде не было – слинял с ловкостью фокусника.

– Давай, кто быстрее! – предложил подошедший Йеф то ли сияющему Даньке, то ли задумчивому Угучу, а вернее – кентавру Дим-Дану. – Стометровка по дорожке, – уточнил условия Йеф.

У него не было никаких шансов, и почти все школьники, вывалившиеся на улицу в ожидании завтрака, приветствовали победителя громогласными «ура», сквозь которое пошел пробиваться сначала одиночно, а потом все более дружным ором: «Салабона на щит».

– Нет-нет, я этого слышать не должен, – замахал руками Йеф. – Домой-домой!..

Кентавр и Йеф шли рядом, и Йеф, слегка наклонив голову, шептал Угучу какие-то ласковые слова, щекоча ему ухо и щеку своей редкой рыжей бородкой. У дома их встретила Надежда Сергеевна, и Данька переключался на ее плечи, а Йеф все продолжал шептать на ухо Угучу, провожая его к столовой, где вот-вот должен был начаться завтрак. Шепот этот напоминал прощание, и Угуч затосковал всей своей дикой душой, понимая, что мечта его о жизни в семье Йефа звякнула мимо... Хотя вдруг да все обойдется и Йефа никуда не посадят. К тому же ведь есть еще тетя-Оля... Не так все и плохо...

Угуч посмотрел вслед уходящему Йефу и повернул к столовой, но не успел ступить и шагу...

– Что он тебе сказал?.. – заорал ему прямо в ухо Недомерок.

* * *

«Надо было его еще поутру придушить, – подумал Угуч. – Еще на рассвете у дома Йефа. Сколько же из-за него неприятностей...»

И вправду, неприятности буквально завалили Угуча, будто Недомерок сдвинул своим криком лавину, которая медленно засыпает его – не шевельнуться.

Но никакая это не лавина – Угуч попросту отлежал свое неуклюжее громадное тело, неудобно свернувшись в давно уже тесной для него укывке, обустроенной в корнях ели. Он выкарабкался из пещерки и стал на краю оврага, с наслаждением расправляясь в рост.

Какая красота открывалась отсюда! Если бы Угуч догадался влезть на стройную ель, под которой он так долго перетирал свою незадавшуюся жизнь, если бы глянул с верхушки этой ели на все вокруг – он бы обалдел в восхищении сразу и навсегда, а может быть, даже и грохнулся вниз, ломая ветки, не в силах сдержать восторг и не поспевая за ним.

Но Угучу все это по барабану...

Быть способным вздрагивать от красоты мира – это талант. Не такой уж и редкий, но, чтобы им обладать, надо как минимум иметь опыт жизни с теми, кого любишь и кто любит тебя, опыт домашней жизни. У тебя должен быть свой щенок, пусть даже и плюшевый с оторванной лапой, свои мама и папа, а на худой конец – одна мама, и тебя должны любить ни за что – просто любить, а не гладить по головке в обмен на заправленную, как положено, постель. Тогда ты вдруг начинаешь понимать, что твой щенок – очень красивый, и твоя мама тоже. Потом ты видишь, как красиво дерево у твоего дома, и лес, и речка за лесом, и весь мир, который дальше. Ты вдруг открываешь, что в этом мире живут замеча-

тельные люди... Но все это потом – когда ты успел некоторое время побыть самым любимым и самым главным в родном доме. Пусть даже и недолго...

Людам, выросшим в бездомье, все это недоступно. Они могут приспособиться (о, как они могут приспособиться!), могут ахнуть вслед другим у какого-либо дикого взморья, но все красоты мира для них никогда не станут красотой их мира (даже и купленные в полную свою собственность). Мир никогда не будет для них своим, потому что с самого детства у них никогда и ничего своего не было. Была видимость своего, была почти своя рубашка со штанами (спасибо, если без номера), была почти своя кровать и еще что-то, но не дай бог чему-то из почти твоего сломаться или порваться. Ты сразу услышишь, какая ты неблагодарная мразь, и как надрывается весь советский народ, чтобы у тебя, поганца, был сытный кусок в неблагодарной глотке... В общем, много чего услышишь, и все это почти правда – и о тебе действительно довольно неплохо заботятся, но никогда ты не очаруешься красотой мира, потому что это не твой мир, потому что у тебя никогда ничего своего не было – ни щенка с оторванной лапой, ни даже мамы, и ты никогда и никому не был самым дорогим.

Дети родом из бездомья навсегда останутся в жизни нахрапниками – ухватил и утащил, налетчиками. Им неведомо, что они и есть самое главное чудо мира, – у них нет опыта знания такого чуда, и потому из них так легко получают опричники всякого разбора да винтики на любую резьбу...

Наверное, на каком-то зверином уровне чувствуя все это, интернатовские питомцы, что из детдома, поголовно мечтали о своих родных семьях, которые появятся уже завтра... ну, может быть, через неделю. Приедет мама и заберет домой. А что такого? Житейское дело: мама ведь артистка, у нее гастроли, поездки... Муж – негодяй, бросил, и пришлось родное дитя отдать в приют... Временно...

* * *

– Эй, очнись! Столбнячка напала? – Восьмиклассница Валька Оторва ткнула кулачком в плечо Угуча. – Кричу-кричу, а ты и ухом не ведешь...

Угуч вспомнил, как Оторва запуталась и всех запутала в истории своей семьи. Родители ее были, оказывается, всемирно известными циркачами. Те, кто со зверьем. И совсем они уже договорились забрать Оторву домой, потому что она выросла и теперь можно ее брать с собой в цирковые поездки... В общем, уже собрались, а тут прямо на арене взбесился лев. Папу ррраз зубами, мама наперерез, а он и ее... Жуткое дело... Сейчас оба в больнице, но к концу учебного года...

Дело было зимой, и в самом ее излете Оторву зовет воспитательница: мол, Валя, не волнуйся, к тебе мама приехала... Оторва победно сверкнула глазами на подружек и походочкой самой настоящей дрессировщицы потанцевала в учительскую.

Оказалось, что матушка ее раскаялась в своих грехах (с Валькой вот грех и еще всякого), бросила пить насовсем и приехала, чтобы забрать дочку и жить с ней вместе, и чтобы простила ее доченька – сама не знала, чего творила, весь розум, почитай, пропила, когда ее прав лишали... А теперь вот договорилась в органах опеки, и они не против...

Оторва не слушала. Она вглядывалась в свои удаляющиеся фантазии про семью циркачей, видела их блестящие ослепительные одежды (более подходящие к слову раздежки) и натуральным бараном переводила взгляд на задрипанную тетку, чего-то лопочущую и посягающую обнять...

И тут Оторва открыла рот, который удачно не был ничем таким занят и мог громко сообщить окружающим, где именно Валуха видела эту тетку и чего с ней сделает, если та дотрется до нее хоть пальцем...

Циркачи возвращались обратно...

– Так ты чего тута робишь? – не отставала Оторва. – Никак видами любиешься? – подначила она. – Хошь мной полюбоваться? Цену знаешь – десять копеек... По дружбе можно за пятачок... А хошь – пососу... Могу в долг – свои люди. – Она вынула изо рта леденцового петушка на палочке и подождала ответа. – Ну, как знаешь, – протянула Оторва, засовывая леденец обратно. – Ты Махана не видел?

Свои люди – это потому что иногда (даже и часто) они в одной компании зашибали себе карманные деньги. Все это придумал Данька с подачи Махана, когда тот за игрой в подкидного похвалился, что лапал Аньку Сороку, их с Угучем одноклассницу.

– Как хотел, так и лапал, – гордо уточнил Махан.

– А еще кого-нибудь лапал? – заинтересовался Данька.

Потом он с неделю приглядывался, выспрашивал пацанов, подмигивал девчонкам, перебрасываясь с ними почти неприличными шуточками и в конце концов придумал грандиозный план. Для его исполнения сколотили шайку (те самые свои люди): Оторва, Анька Сорока, Анька Тихоня из седьмого и Натаха, тоже из седьмого, ну и Махан да Данька с Угучем. Махан в поселке искал пацанов при деньгах, Данька организовывал, чтоб все тип-топ, Угуч – для солидности и безопасности, а девчонки непосредственно трясли гроши. Оторва сосала за рубль, остальные показывали все-все, давали себя лапать, ласкали рукой до брызгов за 10, 20 и 50 копеек соответственно.

Понятное дело, все это предприятие работало только по теплу: осенью до холодов и с весны, как просохнет. Укромные лесные места отыскал Данька (конечно, с Угучем), пацанов из поселка находил Махан, девчонки собирались и таились в укывках, пока Данька не позовет. Пацанов предпочитали постарше, чтоб можно было припугнуть – совращение малолеток, то да се... Действовало. Да и на мелюзгу тоже действовало. Для страховки Данька еще с таинственным видом щелкал пацанов на пустой фотоаппарат... Все молчали рыбой об лед, хотя нетрудно догадаться, как иногда хотелось побахвалиться...

Деньги проедали, покупая в поселке, что могли, правда выбор был, прямо скажем, небогатым. Но есть хотелось всегда, а ночью, в самое голодное время, салат охотничий, который и на закуску никто не брал – по 16 копеек поллитровая банка – шел за милую душу. Махан еще тратился на сигареты. Как-то по мелочи вполне себе неплохие деньги утекали сквозь пальцы. Один Данька ничего не тратил, и, по Угучевым прикидкам, у него должна бы уже собралась солидная сумма. А с долей самого Угуча, которую он безропотно отдавал Даньке, – так и целое состояние...

– Понимаешь, – говорил Данька, – мне надо уйму денег... Уйму... Есть врачи, которые могут вылечить мои ноги. Но они не здесь, а за границей, и им надо много-много заплатить. Только дело даже не в этом. Главное, к ним не пускают... А все равно в один прекрасный день все изменится. Границы отменят. За мной прилетит специальный самолет, и я улечу к этим чудо-врачам. В общем, как увидишь, что летит самолет через все границы и его никто не сбивает, так и знай – начались чудеса...

Угуч, разумеется, ничего не понимал. Границы – это же на земле. Край родины, и там этот край пашут плугом, чтобы видно было, как идет враг, и чтобы наши чекисты могли его застрелить до смерти... А какие границы у самолетов? Там же не вспашешь...

Данька напевал прилипчивую песенку про самолет, которую на ночь иногда мурлыкал ему Йеф:

Самолет-стрекоза
принесет чудеса,

распахните глаза
в небеса, в небеса...
Там звенит, как оса,
самолет-стрекоза...

Глупая песенка... А что же будет с Угучем, когда Данька улетит?
«Подождите-подождите: так Даньку же еще раньше упекут в какой-то неправильный интернат. Как только Надежду Сергеевну...»

– Так ты Махана не видел? – напомнила Оторва. – Пошли отшукаем – дело есть: один усерыш надумал меня бортануть – рупь зажал...

* * *

Угуч глянул в сторону школы – до нее было рукой подать: спуститься пониже и чуть вперед на дорогу, что из поселка. Эта дорога втягивалась в густую липовую аллею, а та подкачивала прямоком к парадному и вечно запертому крыльцу учебного двухэтажного корпуса. К нему по торцам прилепились две пристройки, образуя всей конструкцией приземистую букву П. Если повернуть направо и пройти вдоль всей учебной двухэтажки, – доходишь до начала спального корпуса, там поворачиваешь налево, идешь до конца и попадаешь в столовую. А дальше интернатовские хозяйства: котельная, гараж, мастерские, директорский дом, какие-то непонятные строения под замками, откуда можно спереть всего всякого – и так вплоть до деревянной баньки у небольшого пруда (но не для учеников, а для сотрудников), и там уже и дом Йефа, а за ним – просторное поле с какими-то травами да злаками, но про все это лучше справиться у Степаныча.

Вернемся назад: всякие службы, столовая, спальный корпус, свернули направо за угол, прошли учебное здание до конца (во второй ножке-пристройке от буквы П – спортивный и актовый залы), далее – через липовую аллею попадем на угодыя Недомерка. Футбольное поле, спортивная площадка с бумом, перекладной, дорожками в разметку и баскетбольной коробкой, огороженная рабицей с торцов, где щиты, и скамейками по двум другим сторонам... Махана нигде нет...

На площадке перед учебным корпусом среди клумб и скамеек бродят понаехавшие родители. В интернате ведь обитают не только детдомовские питомцы, но и вполне себе домашние дети – примерно пополам на пополам. Трудно сказать, почему родители свозят сюда к первому сентября своих детенышей. Может, те становятся помехой в изменяющихся семейных конфигурациях, а может, и вправду думают, что здесь и на самом деле излечивают от разных бронхитов...

В любом случае, перед каждым каникулами эти родительские нашествия обеспечивали интернату неслабую встряску. Некоторые родители, бывало, навещали своих заморышей и в течение учебного года – по выходным, но это не вызывало особых психозов, потому что к воскресному вечеру они уезжали, а дети оставались («Ути-пути, моя роднулечка» – дразнили их еще пару дней), и все шло по-прежнему. Даже и лучше, потому что оставались разные гостинцы, и не было никакой возможности схомячить их тайком, не поделившись с детдомовскими волчатами.

Сейчас все было по-другому.

Вот-вот выйдут классные руководители, и каждый ученик из домашних получит свой табель за год (детдомовским такие серьезные документы никогда на руки не выдавали), и прости-прощай – на долгие летние каникулы, не оглядываясь... Пожитки уже собраны в сумки

и авоськи, сказаны все прощальные «пока-бувай», но вокруг каждого собравшегося домой ученика и его родичей, занятых проверкой, не забыто ли чего – отходя и снова приближаясь впритык, сложными и не очень вменяемыми орбитами, кружат еще вчерашние приятели или приятельницы (иногда и не по одному) в абсолютно неадекватной надежде, что в последнее мгновение их заберут с собой – в гости.

«... пусть и не на все каникулы, а только на недельку одну, ну что им стоит... Я и ем мало, и помогать буду, и нельзя меня оставлять, нельзя живого человека здесь оставлять, ну пожалуйста... Боже правый, сделай так, чтоб меня забрали – я не буду ругаться все лето... Ну, не целое лето, а то время, на которое заберут, – ни единого бранного словечка, пожалуйста...»

Пацаны, конечно, ведут себя солиднее – им по детдомовскому кодексу не положено распускаться (хотя и у них сердечко ходуном), а девчонки вообще – курам на смех. Вон Лидка Дикая – смотреть стыдно: еще вчера метелила всех подряд, особенно домашних, а сейчас...

Лидка вцепилась в рукав Аньки Сороки и шепчет-шепчет: «Возьми меня, Анют, ну возьми... ну давай попросим твоих папку-мамку. – И совершенно потеряв голову, тут же, чуть сдерживая слезы, сама прямо к ним: – Я вашу Анечку так люблю, я – еенная самая лепшая подруга – возьмите меня...»

Это какое же сердце не отзовется на подобный вопль!

– Анютка, какая у тебя милая подружка. Дай ей пряничек...

Это прямо при Лидке... Считай, над ее головой... Ну все – сейчас Лидка что-нибудь учудит. Держитесь крепче!.. Может, в волосье вцепится намертво, хотя у Анькиного папашки и волосьев-то нет... Скорее всего, она ему в пузо заедет... может, и ногой... А потом – кранты: потом Лидку в дурку – на все лето...

– Мяне шукаете? – окликнул Махан.

* * *

Угуч смотрел во все глаза и поверить не мог, что нормальные синяки способны так вот расплываться и бликовать всякими оттенками.

– У медсестры был, – буркнул Махан. – Просил забинтовать морду, а она ни в какую...

– Да-а, – посочувствовала Оторва, – тебя тока за деньги показывать: зарабатывал бы поболее моего.

Тут она вспомнила, зачем искала Махана, и торопливо поведала все свои печали.

– Валюха, ты дура несусветная, – зашипел Махан. – Мы всегда все впопыхах, с умом, чтобы никто носу не сунул, а ты – считай на глазах... Это же подсудное дело. Если прознают, нам в дурдоме париться давеку.

– Больш никогда, – затараторила Оторва, – ни единого разочка. Клянусь чем хошь... Вона эта козлина. – Она показала рукой на оборзевшего чмурика.

– Он откуда?

– Из-под Орши... Приехал разам с батьками за сестрой. Галка из седьмого – ну, русая такая, с косой...

– Пошли, – скомандовал Махан.

Блондинистый обидчик и не заметил направившуюся к нему троицу.

– Слухай сюда, – тронул его за плечо Махан. – И гляди на меня. Вот такую рожу мне сделал он. – Махан показал на Угуча. – И при этом он мой друг. Представляешь, какая рожа будет у тебя?..

Парень опасливо глянул на Угуча и забегал глазами в поисках родных.

– Даже не думай, – остерег Махан. – В общем так, ушлепок оршанских полей, быстренько гонишь рубль и еще быстрее забываешь всех нас и то, что у тебя с нами было. А не хочешь – я сейчас завуча кликну, он – милицию, и будет тебе море радостей...

Парень все Махановы угрозы принял за чистую монету и зашарил по карманам. Рубля не было – пришлось согласиться на 87 копеек, начатую пачку «Примы» и наборный мундштук...

Махан с Оторвой попрыгали дальше щебетать, а Угуч остался без дела и как-то сразу – одним обвалом – вернулось и то, что не позавтракал, и то, что не получится пожениться, и то, что Надежду Сергеевну определяют в психушку... постой, еще и Лидку Дикую – тоже определяют...

* * *

Угуч оглянулся, выискивая глазами остатки скандала, устроенного Лидкой, но ничего не было. Сорока сидела с родителями на лавочке и грызла пряники (Угуч вот даже и не завтракал), а Лидка кружила меж клумбами, оставив все свои глупые надежды про не ругаться целое лето, но и не в силах уйти куда-либо отсюда (а вдруг?)...

Получается, что совсем не обязательно отправляться в психушку. Надо объяснить Надежде Сергеевне про это. Незачем ей в дурку. А если кто-то захочет ее туда упечь, то ему надо дать по башке, чтобы никогда в ней не рождались такие неправильные мысли. Вот и решение всех проблем – все оказалось совсем просто. Пускай Йефа сажают себе на здоровье, а Надежду Сергеевну никто никуда не упечет. Надо только ее отцу все объяснить, а если он не поймет, то его можно удушить, как Недомерка... Точнее, вместо Недомерка. И все устроится лучше некуда. Угуч будет при Даньке и в помощь Надежде Сергеевне. Только она должна перестать его ненавидеть. Тем более ей совершенно не за что его ненавидеть. Требуется только ей показать, как он к ней хорошо относится. А что он хорошо относится к Даньке – она и так знает. Он и к Йефу очень хорошо относится, но это сейчас неважно... А ради Надежды Сергеевны он может даже насовсем отказаться от теть-Оли, тем более она его так обидела... Он может вместо теть-Оли пожениться на Надежде Сергеевне, когда Йефа посадят, и все устроится замечательно. Даже если бы он удавил на рассвете Недомерка – и то не было бы лучше... Остается лишь объяснить Надежде Сергеевне все эти такие понятные вещи...

Главное, чтобы Надежда Сергеевна полюбила его всей душой, как он этого и заслуживает. Может, все дело в том, что она до сих пор считает его припадочным?..

Давным-давно, когда Угуч еще не освоился в комнате Даньки, когда он еще стеснялся и забывал закрывать рот, оглядываясь по сторонам на разные диковинные вещи, в общем – давным-давно Надежда Сергеевна спросила его:

– Дима, у тебя еще бывают припадки?

Угучу так хотелось понравиться ей, так хотелось угодить, что он кивнул, сглатывая слюну и даже не понимая о каких таких припадках идет речь.

– Удостоверился? – повернулась Надежда Сергеевна к мужу. – Никаких кентавров – это элементарная забота о безопасности.

– Ну какие припадки? Какие ты выдумала припадки? – загудел-запротестовал Йеф. – Я был у врача, смотрел медицинскую карту. Припадки были у него невесть когда – в младенческом возрасте. С тех пор все нормализовалось...

– Но он же сам подтвердил.

– Он просто не может тебе возразить... Как и я, кстати...

– Ты очень даже напористо возражаешь...

«Вот с тех пор она меня и невзлюбила, – вспомнил ту давнюю непонятку Угуч. – Наверное, до сих пор ждет, когда я грохнусь в припадке».

Можно написать Надежде Сергеевне письмо и все объяснить... Понадобится очень большое письмо – такое большое, какого Угучу никак не написать... А еще можно все, что нужно, нарисовать на картинке. Можно и на нескольких... Так даже лучше – на рисунке все сразу видно, а письмо пока еще прочтешь слово за словом...

Угуч направился в свой закуток котельной, где были запрятаны его личные вещи – не выданные интернатом, а личные, свое богатство: книжка со сказками и разные огрызки карандашей, среди которых даже один химический. Вот бумаги не было, но Угуч что-нибудь придумает...

* * *

В котельной у Григория Недобитка за дощатым столом, давно забывшим свое гордое рабоче-крестьянское название «верстак», уже бузила разгоряченная компания. На столе кучковались здоровенные бутылки, называемые «фугасами» или «огнетушителями». Угуч знал, что внутрь этих тяжелых бутылей заливали чернила, а потом разливали по стаканам и пили, ругаясь по-всякому...

– Вот это отравы, – аккуратно выдохнул Степаныч, удержав тошноту внутри. – На свете и продукта такого не растет, из чего это делают...

– Отравы, – согласился завучев муж Алексей Иваныч, электрик и ремонтник широкого профиля, почти такой же рукастый, как и Григорий. – Лютая отравы, а народ усе адно давится в очереди – только б ухватить. Если бы знакомый рабочий с магазину со учора еще не оставил, то так бы и не добыл...

– Это не народ, – не согласился Степаныч, – это отребье. Народ у нас мозгастый и давно уже кажны сабе измозговал удобный агрегат... чтоб не гробить здоровье ихней химией... Вот скажите, Федор Андреич, – обратился он к директору интерната, – на кой ляд надо было уничтожить тот нужный и хитрый аппарат, что мы с Григорием соорудили?.. Мы же его по всем правилам да еще со своими находками... Это ж был всем приборам прибор – хоть на выставку отправляй...

– Ну прям как дети, – удивился директор. – Тут КГБ, можно сказать, под самыми окнами рыщет, вынюхивает все про все, а они – самогонный аппарат... И это в наше сложное время...

– Ваша правда, – согласился Степаныч, – да только Недомерок не за нами ведь дыбаёт... Нам-то чего ховаться да скрытничать?..

– А то ты не ведаешь, – осерчал Федор Андреевич. – Оне весь сор подбирают, все и на всех, чтобы потом на любого надавить и заставить кого свидетелем выступать, кого показания подписывать...

– А чаго мяне застауляць? Чаго? – зачастил вмиг протрезвевший Степаныч. – Я ни при чем...

– Вот для того и надо было уничтожить ваш агрегат, – подвел черту директор, – чтобы все ни при чем...

– Хоть бы хутчей уже этот Недомерок захомотал нашего Ильича, – вздохнул Алексей Иванович. – Совсем жизни не стало: ходи да оглядайся...

– Давайте повторим, – облизнул Степаныч пересохшие губы и принялся разливать, звякая горлышком фугасы по стаканам.

– Погодите, мужики, – остановил собутельников директор. – Давайте о деле договоримся.

– Чего такого? – не понял Григорий.

– Нам требуется, – задиктовал будто детям на уроке директор, – требуется как можно быстрее организовать наше школьное отделение всесоюзного добровольного общественного движения «Трезвость»... Я же с этим пришел, – удивился он, – как можно было забыть?..

– Я думал, шутка такая, – хихикнул Григорий. – Ну, пусть будет отделение... От нас-то чего требуется?

– Вступить надо, – объяснил Федор Андреевич, – заплатить членские взносы, выбрать председателя, составить план мероприятий...

– Каких мероприятий?

– Ну рейды там... по винным отделам, чтоб все по правилам у них...

– Вот это хорошо, – обрадовался Степаныч. – Не надо будет в очередях давиться... Не бойсь, Андреич, вступаем все как один, а старшыней избираем евонную жонку. – Он показал на Алексея Иваныча. – Она привыкшая к бумажной работе, она это дело любит, а мы согласные... – Он поднял стакан, приглашая присоединиться.

– Значит, за общество «Трезвость»! – хохотнул Григорий, выдохнул и с бульком влил в себя стакан густого зелья.

– Тогда я пошел, – поднялся директор, поставив опорожненный стакан. – Беготни еще...

– А все жиды, – свернул на привычное Степаныч, когда за директором закрылась дверь.

– А они тут при каких делах? – отмахнулся Григорий.

– А кто споил наш народ? Они и споили. А когда уже никак, устроили эту свистопляску со змаганьем⁴ за трезвость. Это же как... – Он не находил убедительного аргумента. – Как напоить вечером, а по утру опохмелиться не дать...

– Так это же Горбачев затеял – за трезвость, – не согласился Григорий. – А он природный русак.

– Не скажите, – вступил Алексей Иваныч, любивший по ночам послушать глушилки на частотах западных радиостанций. – У Горбачева первым советчиком некий Яковлев – носастый, брылястый и бровастый...

– Так то ж Брежнев, – удивился Степаныч. – Точный портрет... Так ен же помер...

– А откуда у него такая фамилия – Яковлев? – Иваныча не собьешь. И говорил он, как его жонка на уроках в начальных классах: задавал вопрос и неспешно отвечал на него, закатывая глаза. Не говорил, а наставлял. – Несомненно, что его пращур был просто Яковом и, как тогда было у них принято, спаивал нас. А теперь вот этот правнук того Якова насоветовал Горбачеву войну за твярозость...

Снова налили и выпили, молча прикидывая, как бы половчей вырваться из-под всех этих еврейских напастей: то с водкой воюют, то КГБ приваживают на свою и чужие головы, – никакой жизни...

Скрипнула дверь, и вошел Йеф-Ич, шурясь по сторонам и плохо различая с солнца сумрак внутри котельной.

– Дима здесь? – спросил он у всех сразу.

– Там, – кивнул Григорий в угол за котлами.

– А вот скажи мне, Ильич, – остановил Йефа Алексей Иванович сильно покачивающимся голосом. – Чернобыль – это серьезно или так себе – пужають?..

– Очень сейезно, – ответил Йеф. – Там же юди погибьи... и еще многие-многие погибнут, а как много будет тех... – Йеф старался выбирать слова, в которых он не спотыкался, – ...кто измучается недомоганиями... всякими.

⁴ С борьбой (белорус.).

– Это ты про радиацию? – не отставал Иваныч, поднимаясь и раскачиваясь уже не только голосом. – А я вот слышал, что не так уж, чтобы... Это американцы пугают, чтоб все, значит, против нас... А врач один так специально туда поехал, и его там снимали, что ничего опаснага...

– Врачу тому, полагаю, хорошо отбашляли за эту съемку. – Йеф будто бы и перестал глотать да изменять звуки, впрочем, как и всегда...

– Никто не станет за гроши рисковать своим здоровьем, – не согласился Степаныч. – Ни за якия гроши...

– Да-а? – засмеялся Йеф, критично оглядывая стол. – А я вот вижу, что даже и забесплатно... даже сами доплачиваете...

– Это ты против нашего питья и за трезвость? – уточнил Степаныч.

– Ну, можно и так сказать...

– Во! – Степаныч радостно хлопнул ладонью по столу. – Что я казал? Не дают опохмелиться...

– Дима, – позвал Йеф, убедившись, что вопросов к нему больше нет. – Идем к нам, – попросил он появившегося из-за котлов Угуча. – Нам с Надеждой Сергеевной надо отлучиться. Побудь с Данькой, пожалуйста... Пообедаете, почитаете...

– Слухай, Ильич! – снова окликнул Йефа Иваныч. – Говорят, к табе тесть едет, а ты яго не очень...

– Приехал уже, – буркнул Йеф. – Вон под Богушевском решил машину помыть и завяз в озере... Прислал зов о помощи – едем вытаскивать...

– А еще говорят, что он отставной офицер КГБ, – любопытствовал Иваныч.

– А я слышал, что отставных там не бывает, – пояснил Йеф и уже к Угучу: – Пошли, Дим?..

– Давай, Ильич, мы на тракторе... – от доброты душевной предложил Степаныч. – Дернем твою тестя на раз-два...

– Так вы же...

– В смысле – выпивши?.. Когда это кому мешало?!

– Не, Степаныч, спасибо... Я найду что-нибудь в Богушевске...

* * *

Угуч любил, когда его оставляли с Данькой. Правда после обеда Данька глотал какие-то сонные пилюли, точнее говоря, пилюли были для другого, а по совместительству вырубали Даньку в сон. Но и в этом не было ничего плохого, потому что Угуч в последнее время пристрастился разглядывать картинки в книжках. Это они его надумили нарисовать Надежде Сергеевне свое письмо картинкой, а не буквами... Буквы когда еще одолеешь, а картинка вот она – глядь и все понятно...

Но этим он займется потом, когда Данька уснет, а пока Данька не спит, Угучу еще лучше, чем при нем сонном глядеть книжки, потому что всегда интересно и всегда неожиданно.

Усидеть на одном месте Данька не мог, хотя именно это и было предназначено ему судьбой. По своей неугомонности он далеко опережал всех известных Угучу людей в целом мире. Даже Махана, который и во сне продолжал куда-то бечь и чего-то доказывать, а может и врать. К тому же Махан фантазировал все больше впусую – про всякие свои победы над выдуман-ными врагами (того р-раз, этого вырубил, и – ноги), а Данька рассказывал не про свои враные приключения, а про героев, которые такие героические, что их даже описали в разных книжках, – рассказывал почти так же интересно, как и сам Йеф, а может даже и лучше, потому что всяких непонятных слов в его рассказах было значительно меньше. Наверное, Данька иногда и привирал, но не чтобы выделаться, как это делал Махан, а для выгоды героев, о жизни которых

он сейчас вспоминал. Это были очень хорошие люди, и хотелось, чтобы все у них складывалось наилучшим образом и они преодолели все напасти – победили напрочь своих врагов и обязательно остались живы. Но в рассказах Даньки чаще всего герои гибли, правда никогда не сдавались... «Как неправильно все устроено в мире: хорошие люди помирают, а все остальные живут вокруг, и никакая хвороба их не берет...»

«Подумаешь!» – ставил неизменную точку Махан в окончании очередной истории – ему было необходимо перетянуть внимание на себя.

А вот Даньке не надо было ничего перетягивать – он легко и естественно оказывался в центре компании, чему смертельно завидовал Махан: ему-то приходилось для этого шумно махать руками, ругаться громче всех и нападать чуть ли не с кулаками на того, кто отвлекся и не внимает Махановым словам целиком и полностью. И чего Махан совсем не умел – это увлечь за собой своих приятелей, одноклассников или даже корешей по всяким шкодам. Он мог уволочь кого подальше от любопытных глаз и там чего-нибудь втирать в уши, придерживая, чтоб не убег, но организовать какое-то захватное мероприятие был не в силах, в отличие от Даньки, который, осененный какой-то идеей, сначала задумывался, а потом предлагал про-вернуть очень лихое дельце – иногда и опасное, но завсегда с приключениями, не слабже и тех, что случались с героями из его книг...

Махан и тут говорил свое предсказуемое «подумаешь», но быстро просекал все выгоды нового Данькиного замысла и с головой включался в организацию дела, по обыкновению, держа фасон, будто именно он главный командир предприятия, а Данька у него – первым помощником и ученым советником...

Ах, как хотелось Махану сдвинуть Даньку и стать взаправду самым главным выдумщиком в интернате! Если бы не Угуч, то Данька бы ни в жисть не угнался на хлипкой коляске за ихней компанией. Объяснений про Неделю и ездючих на нас жидях тупой Угуч не просек, к немалому удивлению Махана. Приходилось придумывать более хитроумные планы по устранению Угуча и полной победе над Данькой. Да и при Угуче Махан не оставлял надежд на победу...

Прошлой осенью по первому утреннему инею Махан сговорил всю большую компанию интернатовских дружанов отправиться в дальний лес, чтобы отрыть разные сокровища. Большая компания – это почти все пацаны из Маханова шестого плюс сыны разведчиков, что в Америке, да несколько пацанов из седьмого и восьмого, которые вечно крутятся возле Даньки в ожидании чего интересного. Следует сказать, что седьмой и восьмой были почти сплошь девчачьи, а пацаны этих возрастов оказались в недоборе: домашних не подвезли, а детдомовские – не меньше десятка – парились в дурке за всякие провинности, и если выберутся оттуда в ближайшее время, то не факт, что снова попадут в этот интернат, – могут оставить в детдоме, несмотря на бронхи с легкими, потому что перевод в интернат – это вроде поощрения, как грамота на стене или вымпел на парте...

В общем, такая вот компания, и кентавр Дим-Дан в придачу.

* * *

Рыли до темна. Лопаты, позаимствованные с пожарного щита, припрятали в кустах и вернулись назавтра. Несколько дней и в разных местах, в зависимости от уточнений Махана и его памяти, упорно изгрызали лесной грунт. Ну хоть бы они уже отыскались, эти Махановы сокровища, – так они всем надоели!..

В блужданиях по дальнему лесу компания таяла, как таял утренний иней, а потом, наконец, лег снег, и поиски сами собой заглохли. Только завхоз Дмитрий Степанович долго еще ходил по классам и спальным комнатам, выискивая гадину, что умыкнула нумерованные лопаты с пожарного щита...

А в другой раз, уже по весне, Махан прикалывал в узком кругу детей чекистов байку про то, как люди получают в жизни самый большой кайф. И это вовсе не про то, о чем все сразу подумали. Оказывается, достаточно человека – хоть кого – немного придушить... не до конца, а чуток, чтобы он в обморок – брык! – и там, в этом обмороке, он кайфует и тащится, как удав по жузелке... А потом по щекам его – хрясь! хрясь! И он опять как новенький...

Некоторое время помолчали – подумали да поприкидывали странную информацию ко всему ранее известному...

– Брехня, – не согласился Генка из седьмого. – Кабы так, то никто бы анашу не курил и водяру не пил. Все бы друг дружку душили по-разному и кайфовали... Дешевче же...

– Не веришь? – взвился Махан сразу в пену и в небеса. – Значит, ты мне не веришь? – продолжал он себя заводить, лихорадочно отыскивая выход. – Тогда давай я тебе наглядно покажу. Слабо?..

Как много гадостей происходит в нашей жизни «на слабо». Ну разве вслух не кричим как Махан – слабо! слабо! – но схватка амбиций (не уступить-доказать-уцучить) та же.

Пожалуй, именно так мы всего больше и душим друг друга – и не по чуть-чуть, а до посинения, причем безо всякого кайфа.

Кому «не слабо» признаться в том, что ему «слабо»?

Генка лег на землю, Махан сел ему на грудь и приладился душить. Сначала Генка хихикал и подпрыгивал (щекотно ведь), потом задергался, засучил ногами... Махан входил во вкус, а Генка дергался все сильнее и сильнее, а потом затих. Махан вытер пот, оставаясь сидеть верхом на Генке.

– Может, хватит ему кайфовать? – спросил Маханова одноклассник Вовка Муравей.

– Как скажешь, – согласился Махан и вмазал Генке две звонких оплеухи – справа налево и слева направо.

Никакого эффекта.

Муравей ахнул.

В общем, если бы испуганный Угуч не побежал за Данькой, еще когда Генке было только щекотно, если бы не примчал Даньку, а тот не взялся сразу же колдовать над Генкой, – всем сынам разведчиков очень крупно бы не поздоровилось: упекли бы их в дурку до окончания времен (кроме Генки, конечно), а как тяжело было бы после этого их отцам во враждебной Америке – можно только догадываться...

– Ну, поймал кайф? – первым делом спросил Махан вернувшегося жить дальше Генку. Тот держался за горло и молчал.

Даньке не требовалось подобными безобразиями удерживать внимание приятелей.

* * *

Несколько дней назад, 13-го мая, на Радоницу, когда отстальные люди, слегка отдохнув от недавней Пасхи, опять начинают верить в Бога и почитать померших, Махан и Данька наглядно продемонстрировали, какими разными путями они достигают своих целей, даже если эти цели практически одинаковы. Махан с самыми верными адъютантами из клуба сынов чекистов полдня таился за могилками поселкового кладбища. Кладбище это весьма удачно раскинулось в лесу за интернатовской оградой, приучая школьников к быстротечности всего, в том числе и неприятностей, и утешая посельчан, пришедших навестить родные могилки, тем, что и кроме смерти в жизни нашей полным-полно всякого «не дай бог».

Вперегонки с Маханом таились и поселковые пацаны. Все они ожидали, когда захмелевший люд покинет родных покойничков, оставляя малолетним налетчикам по яйцу, куску уже подсохшего с Пасхи кулича и рюмке самогона на каждой могилке. В то же самое время Данька верхом на Угуче и в сопровождении вечно затерханного пятиклашки по прозвищу Ушастый молча прошли вдоль могил, приостанавливаясь перед фотографиями померших поселян. Им и говорить ничего не приходилось: хорошо пьяные родичи покойных вперебой совали в сумку на Угучевом плече куличи, яйца и всякую вкусную снедь. Ушастый только успевал оттаскивать полную суму в заросли и заново появляться с пустой. Самогона им, конечно, не наливали, но потом, когда Махан (как и его соперники) с трудом осиливали третью-четвертую могилку, давясь куличом и не в силах уже на дух слышать запах самогона, Данька неспешно и деловито сливал стаканчики в заранее припасенный пятилитровый бидон – один за другим. Завуч Раиса Николаевна еще с неделю бросалась с жальбой ко всякому согласному наново послушать: «Зусим новый бидон... Муха еще не долблась... Намедни купила – ажно рупь пятнадцать... Помыла и опрокинула на забор, каб сохнул, и на минуточку всего отвярнула – на секундочку одну – нету... Я точно говорю, это нездарма: сначала Чернобыль этот, потом бидон... Это какая-то специальная банда вредителей...»

Завучев бидон, полнехонький самогоном, Данька чуть ли не на следующий день продал директору поселковой бани, выцепив того из бесконечной очереди в винный отдел продмага. Данька понимал, что этот мелкотный начальник ничего плохого ему не сделает – вокруг ведь сплошная борьба за трезвость, и самогон покупать очень неправильно... Махан, прознав про всю эту операцию, только завистливо протянул: «Во жиды-ы-ы!.. Во дают!» Ну а собранной Данькой пасхальной едой вся школа лакомилась дней пять – сам-то он ел дома, и для него эта операция была вполне бескорыстным приключением.

К слову сказать, завуч, надоевшая всем со своим бидоном, хоть и пальцем в небо, но случайно попала рядом. Была банда. Разумеется, к Чернобылю она никакого отношения не имела – работала исключительно по школе и поселковым дворам. Организовал эту мобильную группу неугомонный Данька, но как бы он ее обтекаемо и романтично ни называл, была это самая настоящая банда и промышляла она воровством, правда мелким.

Доведавшись, в конце концов, про Данькину шайку, Махан с неизменным «Подумаешь!» взялся сам за ремесло благородного разбойника, но был выловлен в учительской в первом же своем налете. Когда уже стало очевидно, что его вот-вот заметят, Махан даже зажмурился. В страшных снах эта уловка иногда помогала: ты не видишь и, стало быть, тебя могут не увидеть. Здесь не помогло. Поимщики сначала обрадовались – появилось объяснение всем мелким пропадам, но Махан так искренне наплел про двойку в журнале, которую он хотел стереть – так это было нелепо, никто не стал бы так нелепо врать, так чисты были его набухшие слезами глаза и так пусты его карманы (Махан попросту не успел), что легче было ему поверить. Отпустили почти без последствий – подумаешь, учительскую вымыть... и коридор... и сортир...

После неудачного опыта самостоятельного хищения чужой собственности Махан вступил в Данькину банду и радостно подхватывался исполнять дотошные Данькины планы по очередному набегу...

А вы думали, что подростки – это такие ангелочки?..

* * *

Воровать у взрослых – не грех. Это как воровать у угнетателей. Это не воровство даже, а восстановление справедливости. Исключения составляют те места, где ты свой – твой дом или

где тебя приняли и привечают. Там воровать – это крысятничать. Так одинаково понимали и детдомовский Махан, и домашний Данька.

Они вообще были во многом похожи ухватками и более всего – вечной неутомимостью. Угуч даже на полном серьезе предполагал, что они потерянные во младенчестве родные братья и сами не знают про это. Но Угуч и не собирался их просвещать, потому что тогда вместо него при Даньке будет жить Махан, а этого Угучу совсем не хочется...

Главное, чтобы другие не догадались про то, о чем знает Угуч. Учителя вот тоже почти одинаково ненавидят Даньку и Махана. Правда, за разное: Махан вызывал дикое раздражение своими кривляниями и гримасами, а Данька вдруг ни с чего особенного начинал спорить, доказывать свою правоту, и не было никакой возможности поставить его на место.

«...возмутительно. Да если настауник и ошибся ненароком – твое дело молчать в тряпочку и не вякать. Не смеет всякая недоделка ронять авторитет педагога прямо в классе при всем честном народе. Как можно не разуместь таких простых вещей!..»

Данька не разумел. Он даже устроил сердечный приступ своей классной руководительнице географичке Алевтине Николаевне по прозвищу Два Глобуса. При этом самого приступа никто не видел, если не считать приступом ходячие ходуном под кофточкой глобусы, пылающие в огонь щеки и визгливую истерику...

А настоящей виновницей этого приступа была Машка Зайцева – Данькина одноклассница из восьмого.

Поздней зимой вдруг прозналось, что Машка не просто поправляется для здоровья, а давно уже живет беременная. Была бы она детдомовская – и разговоров бы никаких: прямиком к врачам, исправили все, что она неправильно натворила, и заперли бы в карцер перед дуркой... Но Машка была домашняя, и не просто домашняя, а дочка не очень крупного областного начальства. Приходилось ждать, пока папаша-начальник соизволит забрать все свое потомство из школы. Но нельзя же просто ждать, сложа руки... Вокруг дети, и страшно подумать, как это может на них отразиться...

Алевтине поручили провести открытое собрание пионерского отряда восьмого класса о юношеской чистоте и любви к родине. По этому поводу открыли актовый зал. Машку посадили в первом ряду, чтобы ни одно слово не прошло мимо нее. Завуч говорила про родину, пионервожатая про Зою Космодемьянскую, а потом на сцену взошла Алевтина и втиснулась за самодельную трибуну, взгромоздив глобусы сверху. Она начала про девичью честь.

По ее словам выходило, что главная девичья честь – это отдать свою жизнь за счастье родины, как это сделала Зоя Космодемьянская, а потом нарожать много здоровых детей, которые тоже отдадут свою жизнь за счастье родины, но позже – когда придет их черед...

– А что у нас? – вопрошала Алевтина. – Где наша девичья чистота? – прогремели гневные залпы над Машкиной головой и затихли...

– Я няпорченная, – отозвалась вдруг Машка в неожиданной тишине.

– Чего? – не поняла Алевтина.

– Няпорченная, – громко повторила Машка. – Спросите хоть у врача... Так что никакой чистоты я не теряла...

– Где же это бачымо? – загремела Алевтина. – Николи такого не бывало...

– Бывало, – звонко, внятно и уверенно произнес Данька.

– Чего бывало? – взялась отбиваться классная.

– Невинная девушка становилась беременной, – отчетливо отчеканил Данька. Примерно две тыщи лет назад, – будто с книжки диктовал Данька. – А потом родила мальчика Иисуса, который стал Богом...

– Которого вы распяли? – съязвила с места во втором ряду химичка Зинаида Владимировна.

– Распяли не мы, – не согласился Данька, – но могли и мы. Это же наш мальчик и кому какое дело, как страна казнит или милует своих граждан...

– Как это ваш? – запротестовала Алевтина.

– Натурально наш, – взялся пояснять Данька. – Сын, рожденный еврейкой, – еврей, а Мария...

– Так что скажешь, Богородица тоже ваша?

– Безо всякого сомнения.

– Дети, не слушайте его, – влетела на сцену пионервожатая Клава. – Во-первых, Бога нет, – звонко отрапортовала она, – а во-вторых, он не имеет никакого отношения к евреям...

– Здрате, оп-па, Новый год, – хохотнул Данька.

– Вот видите: я – няпорченная, – невпопад, но упрямо повторила Машка.

– Недоцелка, – резанула тетя-Оль откуда-то из-за дверей, где кучковались любопытные поварихи, технички и медсестры.

Вот тут Алевтина и завизжала...

А к концу дня Машка высвистала Даньку на подоконник и расспросила с подробностями про ту давнюю историю с беременностью Марии.

– Знаешь, – сказала она раздумчиво, уяснив Данькин рассказ. – Я тоже Бога рожу. А когда он войдет в Иисусин возраст, – он вернется из своих странствий и спасет всех нас.

Прошло лет тридцать после тех событий. Я пишу эти строки и думаю про то, что, может, и вправду явится нам Машкин сын и спасет нас всех, если больше никому...

* * *

Данька уснул после обеденного пиршества, которое они устроили с Угучем. Точнее, уснул после пилюли, а вот Угуч мог бы уснуть и безо всякой пилюли – просто осоловев от еды.

Это правильно, что он решил пожениться на Надежде Сергеевне, а не на тетя-Оль. Надежда Сергеевна куда вкуснее готовит...

Угуч вспомнил про картинку-письмо и, стараясь не шуметь, открыл ящик Данькиного письменного стола, где, как он помнил, лежала коробка с красками в аккуратненьких тюбиках...

Когда под окном зафырчала и остановилась легковушка, Данька уже давно проснулся, сидел в кресле-коляске и подначивал Угуча, который хмурил брови, но все равно расплывался в улыбке.

– Ну что ты задумал? – не отставал Данька. – Признайся. Я же по твоей физии вижу, что чего-то учудил...

Заслышав шум, он подкатил к окну, и настроение его сразу испортилось.

– Приперся, – бурчнул Данька, углядев деда. – Ты не уходи, – остановил он собравшегося сбежать Угуча. – Тут сейчас будет маленькая война, и лучше мы с тобой от нее слиняем...

Он же знать не знал, что не будет никакой войны, а будет сплошная радость...

– ...по призыву этих негодяев, – негодовал Йеф, поднимаясь по лестнице, – помогать им против своей родни... В голову не укласть...

– Мы не разбираем – родня, не родня, – поскрипывал в ответ старческий голосок, задыхаясь на лестнице. – Если враг – нету тебе пощады... Даже товарищев своих приходилось...

– Товарищев – это на здоровье, – огрызнулся Йеф, первым входя в комнату Даньки, и, обращаясь уже к нему, представил: – Вот, сынок, твой дед Сергей Никанорович, отец нашей мамы. Приехал по письму своего коллеги Недомерка, чтобы помочь ему с нами бороться...

Сергей Никанорыч с сомнением переводил взгляд с Даньки на Угуча.

– Я помню, – отозвался Данька, помогая Сергей Никанорычу определиться, – это тот дед, который командовал заградотрядами и стрелял в наших солдат...

– Вот наглядный предмет антисоветского результата и воспитания извращения идеалов, – радостно завопил бодренький Сергей Никанорыч. – Правильно меня позвал молодой коллега. Правильный коллега. Как бы не поздно... Все запущено. – Он как-то ненатурально плеснул ладошками. – А ты, юноша, – обратился он к Угучу, – не слушай этих выпадов. Ты такой огромный и сильный – ты много пользы сделаешь родине. Только рот надо закрыть... Рот у советского человека должен быть закрыт... Не болтай! Слышал такое? Это наш советский девиз: «Не болтай!» Поэтому рот на замок. Вот что я надумал, – торжественно сообщил он всем-всем, – здесь совершенно запущена патриотическая работа по воспитанию нашего человека. Поэтому они тут и ходят, открыв рот и роняя слюни на враждебные наскоки... Я сей же момент обращаюсь к директору, и мы организуем мое выступление о подвиге советского народа в годину войны и о подвиге нас, скромных бойцов невидимого фронта...

– А как же про «не болтай»? – съязвил Йеф...

– Поздно... ах, как поздно! – Сергей Никанорыч бормотал под нос, и ухом не ведя в сторону Йефа. – Где мой чемодан? – обвиняюще вскричал он в лицо Йефу. – Мне надо достать пиджак с орденами...

– Опять кричите? – как-то тихо и равнодушно спросила Надежда Сергеевна, только сейчас поднявшись и входя в комнату сына. – У тебя все в порядке? – спросила она у Даньки, вовсе не ожидая ответа. Да и никаких ответов мужа и отца на свое замечание она тоже не ожидала. – Пойду прилягу – голова раскалывается...

Угуч радостно замер, когда за Надеждой Сергеевной закрылась дверь. Вот сейчас жизнь его круто изменится... Навсегда изменится...

* * *

– Лев!!! – пронзительно завопила Надежда Сергеевна из своей комнаты.

Это было так непохоже на нее, так не по ее натуре, что Йеф опрометью ринулся на зов. Сергей Никанорыч следом, а за ним и Данька, тормознувший из-за застрявшего колеса. Угуч остался стоять в ожидании того, как вся семья вернется назад и Надежда Сергеевна протянет к нему свои руки...

Семья молча рассматривала бывшую еще утром белой стену комнаты. Сейчас на ней были намалеваны какие-то насекомые – огромные насекомые... да, скорее всего насекомые. Хотя, может, и нет. Возможно, фигуры. Три фигуры из почти прямоугольников и одна из огурцов. Если взглядеться, то можно было обнаружить и подписи. Вот написано: «Йеф». Наверное, это туловище – огромное, от пола до потолка. Скорее всего, тело Йефа, а голова не поместилась и лежит отдельно у ног. Конечно, это Йеф – вон борода на лице. И цепи на руках-ногах... Пожалуй, так... А этот маленький квадратик с квадратиком поменьше сверху – наверное, Данька. Так и написано: «Дан»... А сидит Данька на огурце, и это, видимо, Надежда Сергеевна. Она схватилась за руку огромного прямоугольника с квадратной головой, сбоку от которой написано малоразборчиво: «Угуч». Угуч тянется к Надежде Сергеевне всеми своими конечностями... И даже пятой... Точно – Угуч нарисовал себе «женилку», чтобы уже никаких сомнений в его желаниях...

– Пусть он немедленно убирается, – спокойно и внятно произнесла Надежда Сергеевна. – Иначе я не знаю, что я с ним сделаю... Мы собаку не купили, чтобы она слюни по твоим книгам не роняла, а этот идиот капает тут – каждую книжку приходится за ним вытирать, хоть новую покупай. Все вещи, которые он трогает, – приходится перемывать. И так каждый день... А кто

знает, что ему завтра в большую голову взбредет? Вот это уже взбрело. – Она кивнула головой на Угучевы художества. – Вон! Сию же минуту! Кентавр распался на коня и всадника, – сказала она Даньке. – И конь сдох... Сдох от врожденного идиотизма...

Угуч слышал каждое слово. Но не до конца. В какой-то момент яркая вспышка саданула его изнутри. Он увидел мчащегося кентавра, перед которым вдруг выросла огромная стена – не перепрыгнуть и уже не увернуться... Угуч приготовился к резкому удару о стену – бацнуло не очень сильно, но мир повернулся, и Угуч оказался внизу – лежащим на земле, и не было никакой возможности подняться, как он ни дергался... В придачу свет начал меркнуть, и Угуч испугался. Вот уже полная темнота облепила его. Где он?.. Может, опять в дурке?.. Не было никакой возможности определить, в дурке он или нет. Тьма сгустилась еще больше – стала плотной... Тьмой становился сам воздух, и Угуч начал задыхаться... Никогда не было такой темноты. Да и не темнота это, а именно – тьма. Тьма, внутри которой только ужас, а внутри этого ужаса – беспомощный Угуч...

Угуч заорал, но ни единого звука не пропускала уплотняющаяся тьма... Угуч заорал изо всех сил – разрывая глотку:

– Свет!.. Пусть будет свет!.. Свееееееееет!..

Это был дикий природный вопль. Наверное, в начале времен какой-то подобный вопль вызвал Большой взрыв. Однако и сейчас небеса и все, что дальше, – все мироздание, ухнувшее вдруг в беспроглядную тьму, вздрогнуло от Угучевого вопля, и он увидел какой-то светлый всплеск в облепившей его тьме... Угуч видел свет... Свет возвращался, и тьма отступала... Угучу было хорошо...

2. Недомерок

«Что он ему сказал? Что?..»

Йеф и Степаныч тащили носилки с Угучем в медчасть интерната, а Недомерок шел позади и продолжал искать ответы на свои нескончаемые вопросы.

«...Ведь мог же Йеф скинуть все книжки этому бугаю, а тот раз – и приховал в условленном месте. Красиво получается. Все считают этого дебила самым настоящим дебилом, а он вовсе даже пособник... Как ловко они это устроили!.. Вот на рассвете куда, спрашивается, мчался пособник Угучев, сломя голову и сшибая все препятствия?.. Чуть и меня не сшибнул, кстати... Так куда он летел на всех парусах, выскочив из квартиры подозреваемого? А летел и мчался он к утреннему дизелю из Орши, чтобы первым встретить подозреваемого и забрать у него все улики антисоветской деятельности. Забрать и припрятать в месте, которое знают только он и его старший сообщник... Логично?.. Железно! Вот поэтому, когда я встретил подозреваемого, в его пожитках была только колбаса... и Щедрин...»

Именно так все и было. То есть не все, а то, что про Щедрина. Недомерок действительно встретил Йефа на подходе к школе (это и был первый из подарочков, о которых он ранней ранью поведал Угучу), встретил и предложил помочь. Да и кто бы не предложил, видя, как Йеф надрыгается, волоча перевязанный крепкой бечевкой внушительный бумажный пакет, сходу наводящий на мысль о стопке книг, и еще более внушительный баул, из которого торчали колбасные поленья (что же еще возить из Москвы, если не эти толстые поленья?).

Так что предложение помощи запарившемся под поклажей коллеге выглядело совершенно естественно. Йеф с благодарностью протянул ему баул, но физрук запротестовал, благородно ухватывая, что потяжелее – громадный книжный пакет, содержащий, безо всякого сомнения, так много прекрасного: там и книжные улики на ушлого подозреваемого, и благодарности от начальства, и премиальный дополнительный оклад, и отпуск в санатории, и главное – майорские погоны, так долго ускользающие из-за всяких неожиданностей...

Йеф посопротивлялся, поцеплялся за свой пакет, невнятно протестуя: «Ну что вы?», «Ну зачем вам беспокоиться?», «Я уж сам»... Но Недомерок победил. Да и любой бы победил с такими вдохновляющими стимулами...

Как только пакет оказался у него, Недомерок вспомнил о важных и неотложных делах и припустил вперед, изрядно задыхаясь (ноша-то действительно нелегка, но и майорские погоны просто на тьфу не заработаешь... и отпуск в черноморском санатории легкими прогулками не заслужишь – извольте попотеть)... В общем, Недомерок усвистал, крикнув, что принесет все в целости, как только закончит свои срочные дела, – прытко усвистал. Йеф посмеивался и шел следом, слегка, правда, ускорив шаг, потому что Недомерок, обнаружив в пакете полные собрания Достоевского и Салтыкова-Щедрина, может вернуться и претендовать на колбасу, а именно в колбасы-то и были упакованы те самые улики, хоть крошку которых безрезультатно искал Недомерок много месяцев подряд.

Сворачиваем тубусом машинописные сборники – по толщине примерно в колбасный батон, сверху и снизу в ту же скрутку укладываем концы колбасного батона и – попробуй углядеть разницу... Этим примочкам Йефа обучил здешний богушевский знакомец Серега, доставшийся ему наследством от друга, который его, можно сказать, сюда и сманил. Серега знал еще уйму способов прятать от ментов разные улики и некоторыми знаниями щедро поделился с Йефом. (Йефу все эти упрятки были не уликами, а очень важными для жизни книгами – жизнеобразующими, но это уже казусы терминологии, а мы сейчас описываем казусы оперативно-розыскной деятельности.)

Книги (кстати, вполне аккуратно завернутые в пакет, очень похожий на прежний) Недомерок припер, когда Йеф уже рассовал все московские гостинцы по предназначенным им местам.

– Хотите колбаски? – предложил Йеф. – Бутербродик к чаю?

– Спасибо, – отнекнулся Недомерок. – А зачем вам столько книг? Ставить уже некуда, – оглядел набитые полки гость.

– Это все остатки нашей московской библиотеки... Не пропадать же...

– Так вы, гляжу, предполагаете сюда на постоянно – все оттуда вывозите?..

– Как Бог даст...

– У нас говорят: на Бога надейся...

– А у вас – это где?

– В спорте... В советском спорте...

– А вы, простите, по какому виду спорта?.. Когда не учительствуете...

– Мы по стрельбе... Бац-бац! – и готово.

– А я думал, вы бум-бум...

– Нет, мы не бум-бум, а наоборот, бац-бац...

– Значит, ни бум-бум?..

Пикировка становилась все более интересной, но тут в комнату вошла Надежда Сергеевна.

– Вам самим не смешно? – осуждающе обратилась она к Йефу и Недомерку сразу. – Ну точь-в-точь мои пятиклашки...

Надежда Сергеевна работала воспитательницей в пятом. По образованию она была филологом, но филологов в школе оказалось с перебором.

– Так, значит, Щедрина любите? – повернулся на выход Недомерок. – Чтоб страну очерняли, любите?

– Любим, чтобы талантливо написано, – заледенела голосом Надежда Сергеевна. – А вы кого читаете?

– А мы – Шолом-Алейхема, – открыл дверь неприятный гость.

– Вот это правильно, – хлопнул себя по бедру Йеф. – Наш человек. Хотите колбаски?..

Кошерная...

– Надо поговорить, – сказала Надежда Сергеевна, когда они остались наедине, – но так, чтобы Данька не слышал.

Дверь в Йефовом доме была мощная, Надежда Сергеевна говорила тихо, и Недомерок напрасно напрягал слух. Это и хорошо – иначе бы он непременно пополз к шалашовой поляне вынюхивать семейные тайны и горести, а там бы он мог столкнуться с Угучем, и, чем бы это окончилось, никто знать не знает, – вдруг бы Угуч снова решил, что лучше всего Недомерка удушить...

* * *

Впервые Леонида Валентиновича обитатели лесного интерната увидели в середине прошлого учебного года – в разгар зимних каникул, а Недомерком он стал даже немного раньше, потому что тетя-Оль обогнала его на заснеженной аллее и там же среди выстуженных лип так про себя и окрестила.

– Некий Недомерок в школу пелехае, – сообщила она коллегам на кухне. – Можя и проверяльщик какой – одежда уж больно ладная. Но если и проверяльщик, то все одно не по нашей части, – мудро решила она. – Ни солидности, ни степенности – нет, не по нашей...

Так его и узнали – сначала прозвищем, а потом и собственной персоной. Но Федор Андреевич познакомился с ним заочно месяца на четыре раньше – в самом начале учебного года...

– Это директор передовой школы-интерната? – спросил из потрескивающей телефонной трубки вкрадчивый голос.

– Директор, – согласился Федор Андреевич, не узнавая, кто это прикалывается.

– Корнеев Федор Андреевич?

– Да. А кто говорит? – Директора начинали раздражать аноним и его расспросы.

– У вас работает некто Прыгин?

– Кто говорит? – повысил голос Федор Андреевич.

– С вами говорит капитан государственной безопасности Матюшин. Так у Вас работает некий Прыгин Лев Ильич?

– Работает, – вспотел ладонями директор.

– Такой человек – и работает с детьми? – наигранно удивился капитан из телефона. – Оказывает воспитательное воздействие? Странно... Очень странно...

Федор Андреевич еще некоторое время послушал короткие гудки и хрястнул трубку на рычаг.

«Допрыгался. Не надо было брать этого Ильича... Все беды у нас от Ильичей... Да еще по такой рекомендации!.. А что, скажите, плохого? Что вы мне, как мальчишке, выговариваете?! Няможна брать таких настауников? – так прямо и скажите. Приказом... с печатью – нельзя и все! А то придумали себе – стра-анно им... Вроде и не одобряют, но ничего не указывают. А мне, знаете, на ваше неодобрение начхать... и даже больш. Я вам не мальчишка – меня в области знают. Не последний человек... На важном, знаете ли, месте... И член партии. Да-да, член вашей сраной партии. И не абы какой, а в составе бюро райкома!.. В общем, наплевать и – забыть... К Ильичу этому, конечно же, надо будет повнимательней и уже потом, с фактами, так сказать, подумать наново – что с ним робить. А пока – наплевать... выкинуть из головы...»

Хряпнув еще одну рюмашку от спасительной заначки из директорского сейфа, Федор Андреевич совсем успокоился.

Если Федор Андреевич и преувеличивал масштабность своей персоны в областном измерении, то самую малость. Руководимое им учебное заведение выбивалось из всесоюзно установленного строя организаций и подчинялось не районному отделу народного образования, а напрямую областному (по-тогдашнему облоно). Удивительный парадокс был в том, что стоило в верховно-определенной и для всех единой иерархии появиться исключению, вылезавшему из общего ранжира, как это исключение становилось исключительностью во всем. Школа-интернат Федора Андреевича финансировалась отдельной строкой в бюджете облоно, но при этом деньги на некоторые хозяйственные нужды (от леса и кирпича на ремонт до угля на отопление) нагло гребла из районного бюджета. А кому выделить дополнительное финансирование из специальных образовательных фондов? Ну конечно же, Корнеевской школе, которая давно уже известна своими бесстыдными тратами на какие-то кабинеты лечебной физкультуры – целиком в зеркалах и ковровых дорожках. Все знают, что дорожки эти никак не влияют на действительное оздоровление воспитанников, но зато, если возникает вопрос, что показать въедливым проверяющим из столицы (республиканской или даже из самой Москвы), то никто и не сомневается – именно эти дорожки и эти зеркала... А отдай специальные фонды обычной школе – проедят бесследно и ничего стоящего не смогут показать никакой комиссии. Ну разве что изжелтелую от времени плакатную галерею пионеров-героев. Вы представьте только: приехали вы с проверкой, устали с дороги, хотите увидеть что-либо из передового опыта, новаторства хотите, чтоб сердце отдано детям и всякие новшества, а за вами повсюду следят огромные

требовательные глазищи какого-то Вали Котика или совсем страшные – Павлика Морозова... Ужас!..

То ли дело владения Корнеева! И встретят и примут...

Потому и любили всякие инспекции возить сюда. Но и отдельные начальствующие в образовании чиновники частенько заглядывали к Федору Андреевичу – одни или с приятелями, как правило, тоже какими-то начальниками.

Федор Андреевич умел не только хозяйствовать, но и дружить. Причем дружбы его всегда шли в помощь хозяйству, а обширное хозяйство всегда помогало дружбам.

Например, Григорий, редкий умелец-механик, номинально заведовал котельной, но еще подрабатывал автослесарем, и его мастерство помогало владельцам престижных легковушек забыть о кошмарах отечественного автопрома и автосервиса. Не всем владельцам, конечно, но друзьям Федора Андреевича – без очереди. А еще к услугам гостей устраивалась охота, топились банька, накрывался стол с самодельными копченостями. Ведь в школьной баньке время от времени организовывалась своя коптильня, которой пользовались все окрестные жители, разумеется, оставляя коптильщикам положенный процент лещей и окороков...

Справное было хозяйство у Федора Андреевича, и многочисленны были его друзья начальники. Поэтому Федор Андреевич не слишком перепугался из-за звонка капитана КГБ Матюшина... Слегка... Но еще больше разозлился.

«Какой-то капитанишка смеет вот так с ним разговаривать... А Федор Андреевич, между прочим, заслуженный работник образования, и пусть все (да и он вместе со всеми) посмеиваются над этим отличием – засрабоб, мол, но это тоже не хухры-вам-мухры, а целый засрабоб... и не какому-то засранцу капитану решать, кому здесь работать, а кому нет...»

Когда Федор Андреевич вспоминал о том паршивом звонке, он сначала привычно потел в легком перепуге, а потом заводил себя в защитный гнев, и степень этого гнева зависела от количества принятых рюмок. Но даже и в сильном гневе Федор Андреевич понимал: он абсолютно не прав и именно этот капитан, если захочет, будет решать, кому здесь работать, вернее, кому здесь не работать, а друзья-начальнички ничем не помогут – не смогут, да и не захотят... остерегутся...

* * *

Месяца через четыре после того памятного звонка, в самом конце первого полугодия, директорский телефон тренькнул несвойственным ему вкрадчивым дзыком. Почему-то Федор Андреевич сходу понял, что звонок «оттуда», и ладони его тотчас стали неприятно влажными. Он покосился на сейф, в котором таилась спасительная записка, и тут же обозлился безо всякой записки – обозлился на эту сраную гебню, которая среди бела дня пугает людей, и еще более – на свой же стыдный страх...

– Слушаю, – несвойственно грубо рявкнул он в трубку.

– Здравствуйте, Федор Андреевич. Это капитан Матюшин вас беспокоит. Скажите, у вас все еще работает Прыгин Лев Иль...

– Работает, – резко перебил капитана Федор Андреевич. – Хорошо работает. Если бы вы так хорошо работали, то давно бы уже были майором, – выпалил Федор Андреевич и бесцеремонно шлепнул трубку.

Вот тут ему стало страшно по-настоящему. Если бы он знал, по какому номеру можно позвонить этому капитану, он бы непременно позвонил и напел бы с три короба про не понял или про кого-то, кто поднял трубку в его отсутствие... К счастью, номера он не знал, и поэтому у него не было никакой возможности немедленно спасти себя, свою карьеру, свою семью...

Федор Андреевич оглянулся, будто опасаясь, что кто-то сможет подсмотреть разъедающие его страхи, но кто мог его здесь увидеть? В этом директорском кабинете не было даже

окна, свет в нем (точнее, электропитание) включался рубильником снаружи. Он был выкроен из обширного вестибюля и располагался чуть ли не у самого выхода из школы (или входа – кому куда), рядом с бухгалтерией. Весь этот кабинетик с казенной мебелью и инвентарными номерами наружу буквально кричал о бескорыстном труде и необыкновенной скромности директора интерната. Предназначался он в основном для приема родителей, которым незачем бродить по школе и высматривать, что там да как. Но и работать с важными бумагами тоже удобнее было в этом уединенном месте – не кабинет даже, а комната-сейф.

Для представительных приемов и для публичных взбучек или торжеств у директора был главный кабинет, что рядом с учительской, в учебном корпусе. Был у Федора Андреевича еще и учебный кабинет – кабинет физики, так как именно эту дисциплину он преподавал. Там все было устроено по последнему слову педагогических методик: диковинная раздвигающаяся доска, сделанная из толстого шлифованного стекла, автоматическое управление кинопроектором и фильмоскопом со слайдами и разные другие чудеса.

Но вернемся к Федору Андреевичу. Через некоторое время он упрятал свою записку в сейф и уже совершенно не раскаивался в грубости в адрес капитана Матюшина.

«Да и никакая это не грубость... Так и должен вести себя настоящий мужчина в подобных ситуациях... Ишь, взяли моду – звонить да пужать... Хотел бы я посмотреть на рожу этого капитана, – думал Федор Андреевич, запирая дверь кабинета и клацая рубильником. – Вот, должно быть, умора!..»

Желание Федора Андреевича увидеть эту рожу необыкновенно быстро сбылось – всего-то через несколько дней.

* * *

«Рожка как рожка – не особо противная... Ишь раскраснелся!.. А лыбится-то, лыбится – еще чуток и морду вывихнет!.. Радуетя, что ущучил...»

Федор Андреевич так и не сумел сконцентрироваться и прочесть все написанное в красной книжечке сотрудника КГБ, которую капитан Матюшин держал перед его глазами, не позволяя взять поближе.

Капитан и вправду улыбался, но не из злорадства, а по службе, располагая к себе собеседника, – как его и учили. Впрочем, не только по службе. Ему все здесь нравилось: и заснеженная аллея с заиндевевшими деревьями, по которой он только что шел, и девушка, что обогнала его на этой аллее, а потом обернулась и подмигнула (он точно видел – подмигнула), и более всего нравилось предстоящее дело...

– А как вас по имени-отчеству, – чуть вежливее, чем ему хотелось, спросил Федор Андреевич.

Капитан снова раскрыл свое удостоверение...

– Нет-нет, без чинов, – отмахнулся от страшной книжечки директор.

Федор Андреевич был несколько расслаблен – в валенках и домашней телогрейке он мало походил на подтянутого в меру строгого директора, которого знали, например, в облоно. Но ведь и день был вполне домашний: зимние каникулы, раннее утро...

В конце концов, Федор Андреевич понял, что именно надо от него представителю вездесущего департамента. Кликнул завуча, позвонил бухгалтеру, вызвал завхоза. Через пару часов новый учитель физкультуры школы-интерната заселялся в тесноватое бревенчатое общежитие из двух комнат, в которых проживали две молоденькие воспитательницы, выпускницы местного педа. Воспитательниц уплотнили в одну комнату, а в другую заселился улыбчивый физрук...

– Вы же понимаете? – долго тряс руку директора новый учитель. – Никому ни слова. Государственная тайна. Под страхом уголовного преследования...

– Так не маленькие... – Федор Андреевич почему-то заговорил о себе во множественном числе. – Все разумеет... Как рыба...

– И рассчитываю на ваше полное содействие и помощь в выявлении... в разоблачении, – не отпуская руку директора капитан-физрук. – Одно дело делаем...

– Это вы про что, извиняйте?..

– Храним идеалы, – не сразу сообразил капитан, – воспитаем советского человека...

– Ну да, – поспешно согласился Федор Андреевич.

– С вашей помощью мы враз разоблачим этого затаившегося врага, – продолжал вербовать капитан.

– А если человек просто запутался? – робко возразил Федор Андреевич.

– Распутаем... Все распутаем, – угрожал, а может и успокаивал капитан, не переставая улыбаться.

«Спекся Ильич», – понял Федор Андреевич.

* * *

Уже полтора года прошло с того зимнего дня, полного радужных надежд капитана Матюшина, а он ничего нового, считай, не распутал, топчется на одном месте, правда уже без неизменной располагающей к доверию улыбки...

Еле дождавшись, когда Йеф и Степаныч покинут изолятор, Недомерок вломился туда и бросился за помощью к дежурному врачу Семену Михайловичу, солидному хирургу из Витебска, на которого по знакомству свалилась такая синекура – полставки практического безделья. Семена Михайловича Недомерок уже давно завербовал себе в помощь, и поэтому можно было избежать долгих прелюдий.

– Что с ним? – кивнул Недомерок на Угуча.

– Не знаю. Говорят, изошел криком, теперь отдыхает, – как-то уж слишком равнодушно пробормотал врач, готовя капельницу. – Без сознания...

– Этот бугай располагает важными сведениями. Дай ему что-нибудь, чтобы развязать язык. Я его поспрашаю, пока он в бессознанке...

– Шпионских романов начитались? – обрел дар речи хирург. – Могу предложить немного спирта...

– Поможет? – с сомнением спросил Недомерок. – Он заговорит?

– Спирт не ему – вам, – хмыкнул врач.

– Я тебе о серьезном деле, – начал заводиться Недомерок.

– А вы мне не тычьте, – встречно вскинулся врач, но тут же потишел, заюзил, залезбзил. – Ему-то зачем? Он же вообще не говорит... Как он может заговорить от спирта или еще от чего, если он совсем не...

– Кто не говорит? – не понял Недомерок.

– Так он, – показал врач на Угуча. – Вы что – слышали, как он говорит?

– Не помню... Вроде слышал... А может и нет...

Капитан-физрук Матюшин в свои первые школьные дни завербовал себе в помощь почти всех работников интерната – мужчин точно всех. Разнообразием методов вербовки он своих новоиспеченных агентов не баловал – все, как и с директором, – красная книжка, гостайна, рот на замок вплоть до уголовной ответственности и обязательно: «разоблачим» и «выведем на чистую воду»...

Правда, бумаг не подписывали. Но молчали в перепуге несколько дней кряду – никому ни-ни. Молча собирались за столом Григория Недобитка и молча пили, безуспешно стараясь придумать хоть какую-то тему застольной беседы. Каждого распирала тайна, и ни о чем другом думать не получалось. Государственная тайна. Перемигивались со значительным видом: мол, я вам не кто-то тут, а ого-го!..

Уже и не вспомнить, кто первый проговорился. Жизнь сразу же наладилась и потекла по-прежнему, а встречаясь с Недомерком, с видом нашкодивших заговорщиков прижимали палец к губам: мол, я ни гу-гу...

Недомерок отворачивался, делая вид, что не понимает этих таинственных гримас.

«Вот же бестолочь, – злился он. – Столько глаз и ушей завербовано в оперативную помощь, а толку – ноль... А что, если они все сговорились с преступником и попросту водят меня за нос? – Даже дышалку перехватило от такой догадки. – Нет, не может быть. Каждый из них потеет всерьез, – вспомнил капитан с некоторым самодовольством и гордостью (гордостью не за себя, а за всю службу). – Этот страх не сыграешь...»

* * *

И вправду потели – а кто бы не потел? Только идиоты непуганые, а нормальному человеку, ясное дело, боязно, – это же ума не хватит, чтобы представить только все гадости, которые этот Свисток-с-кепкой может насвистать на твою голову. Вот и потеешь, потому что и услужить надо, чтобы беду отвести, и себя соблюсти требуется, потому как беда, может, еще и мимо просвистит, а с собой надо будет и дальше как-то жить, и все должно быть так, чтобы люди не чурались, и самому не стыдно было...

В такой вот мутоте (с одной стороны – так, а с другой – совсем даже эдак) и крутились навербованные Недомерком агенты, и добиться от них чего-нибудь ясного и определенного – никак, хоть вдребезги расшибись.

Я уже хотел приписать эти качества извечной неопределенности уникальным жизненным свойствам моих земляков-белорусов, но вспомнил, что и капитан Матюшин – тоже белорус, а в нем и в помине нет никакой подобной мутоты. Он, и проснувшись среди беззвездной ночи, первым делом думает, как принести больше пользы своей родине, и чтобы она его заметила и оценила – оценила и продвинула, но совсем не для личной славы с богатством, а для того, чтобы еще больше пользы можно было ей принести.

А ведь кроме капитана ни один человек, куда ни глянь вокруг, в этой темной ночи не думает о родине. И не потому что спят все поголовно – даже и проснувшись, например, по малой нужде, никто и не подумает подумать о родине. Стоит вот так проснувшийся гражданин, делает свои малые дела и по древнему зову смотрит в небеса. Что он там выискивает? Любуется мирозданием и думает о нравственном законе внутри Недомерка? Нет, это разве что Кант, а остальные невесть зачем озирают небосвод. Может, выискивают по звездам свой жизненный путь? Так и ночка выдалась без единой звезды – какой там путь?..

Если в такую жуткую ночь не думать о родине – совсем пропадет она. Хорошо, что у нее есть Недомерок...

Однако есть и еще один человек под темным небосводом, который думает о родине. Не так вот в лоб о своей для нее пользе, как капитан Матюшин, но думает. Это Лев Ильич. Он, например, считает, что мы все приходим в мир, чтобы сделать его лучше. Пусть это не прямо о родине, но и о ней тоже...

Вот и оказывается, что самый близкий человек для Недомерка во всей округе – это его главный враг и противник, а не кто-то из его добровольных агентов. И еще в одном схожи Недомерок и Недотепок – оба они живут вперед, обгоняя медленные жизни своих коллег и

соседей, разгоняя окружающее их вязкое время, где спешить – это насмешить, где дела откладываются на вечное завтра, а если и заканчиваются, то все равно недоделанными...

Они раскручивали затхлое время в сквозняки, а время тормозило их и окорачивало...

– Куды ты спешишь, Ильич? – посмеивается обычно водитель школьного автобуса Сергей Викентьевич, отправляясь с Йефом в Витебск загружаться разной хозяйственной мелочевкой, от тетрадей и карандашей до железных коробок с фильмами, которые надо сменять на новые в областном киноархиве (Лев Ильич освоил кинопроекторы, без пользы томившиеся в кинобудке, и запустил просмотр фильмов в актовом зале к огромной радости воспитателей и воспитанников, одинаково маявшихся вечерами без общего дела). – Куды спешить?.. – фило-софствовал водитель. – *Усюду аднолькавые⁵ колдобины и аднолькавые ямы...*

– Столько еще надо успеть, – подгонял Лев Ильич, – столько дел...

Но и Недомерок, отправляясь за своим спортивным инвентарем, досаждал Сергею Викентьевичу очень схожим нетерпением:

– Газуй!.. Жми!.. Не тормози!..

Сергей Викентьевич Недомерку не возражал – только побуркивал невнятно.

А вот начальство очень даже возражало:

«Куда ты прешь, капитан?.. С умом надо. Сейчас время такое... скользкое... Не сообразишь – сдует к едрене-фене... Не надо бечь впереди времени – незнамо куда занесет... Все эти ускорения не для нас. Медленно поспешай, по старинке, – так и сами удержимся и, может, всю страну удержим...»

Вот и получается, что у охотника куда больше общего с жертвой, чем с его помогающими-загонщиками, и при других обстоятельствах они могли бы стать хорошими друзьями. Трудно только представить, какими должны быть те обстоятельства...

* * *

В самом начале славной работы под прикрытием учителя физкультуры Недомерок избрал Федора Андреевича в советники. Не потому, что ему нужны были чьи-то советы, а по необходимости поделиться тайными мыслями и чувствами, взбудораженными ожиданием скорой победы. Да и попросту надо было выпить с кем-то тоскливыми зимними вечерами, свободными от физкультурных или гебешных мероприятий. Кроме директора, никто не подходил ни по чину, ни по статусу.

Федора Андреевича здорово тяготили эти вечерние посиделки, но он терпел, справедливо полагая: пусть уж лучше Недомерок спаивает его, чем, к примеру, соседок по общежитию. Да и спаивал Недомерок не пойлом из винного отдела богушевского продмага, а водкой «Пшеничная», запас которой у него был немереный – наверное, выделяли из оперативных соображений, невзирая на все более и более захватную борьбу за трезвость для всей страны...

– ...а как я вашего прежнего учителя вел? – бахвалился Недомерок. – Того, который удружил вам этого своего пособника, картавого на все буквы... Я же его по струнке вел – подсек, как рыбину, и уже не выпускал. Знатный был вражина, матерый... И наглый ведь был – открыто, можно сказать, плевал на нашу советскую мораль... Однажды устраиваем у него негласный обыск... – Недомерок осекся, подумал о том, что только что сказал, понюхал соленый огурец, откусил, еще раз подумал. – Это такое мероприятие, когда надо посмотреть... Но про это тсс – ни звука... Подписку о неразглашении помните?..

– Нет, – честно рванул в отказ Федор Андреевич. – Ничего не подписывал...

– Устную подписку... Слово давали... Помните?

– А-а, это помню...

⁵ Аднолькавый – одинаковый (белорус.).

– Ну вот... Заходим, значит. А жилье-то, жилье – смотреть не на что, и даже непонятно, куда только тратил деньжищи закордонных хозяев...

– Может, их и не было? – робко предположил Федор Андреевич.

– Кого – деньжищ или хозяев?

– Обоих...

– Как это – не было? Были. Суд установил... Поздно, но установил...

– Почему – поздно?..

– Ну так я ж и говорю. Раньше надо было. Мы как зашли – прямо ахнули: вражеская литература – стопками и открыто... Мог же припрятать от детей там или еще от кого...

– От вас?

– От нас не спрячешь – любой тайник на раз-два отыщем... Вот у вас есть какой тайник? – тыкнул пальцем в директорскую грудь Недомерок. – С самогоном, например?..

– Ни боже ж мой, – забормотал Федор Андреевич. – Мне-то чего таить?..

– Не скажите... – не очень доверчиво протянул Недомерок, но палец все-таки убрал. – У каждого что-нибудь да найдется для утайки...

– Ну так только если от бабы, – вильнул Федор Андреевич, – чирик или поллитру – это может, но чтобы от вас... или, не дай бог, от партии...

– Вот это правильно... А тому вражине все было нипочем... Это же представить невозможно: дети ходят, а Солженицын лежит... и под ним еще какая-нибудь Цветаева...

– И что – все забрали?

– Нет, забрать нельзя, обыск-то нелегальный, а у нас все и всегда строго по закону. Если обыск – так с понятиями, с протоколом. – Недомерок ронял слова солидно, на чуточку приоткрывая служебные сложности постороннему. – Посмотрели, чтобы понять – пора или пусть еще погуляет. Решили – пора. А он возьми и – ту-ту, переехал... – Недомерок обиженно вздохнул. – В общем, брали его уже ростовские коллеги. Им и награды, и звания, и разное другое, а нам только благодарность за содействие... с занесением.

– Да ладно, – не внял Федор Андреевич Недомерковым обидам. – Дело-то одно делаете... Все вместе...

– Делаем-то вместе и одно, – не отходил от обиды Недомерок, – а награждают розно и по отдельности...

– А у Льва Ильича тоже негласно смотрели? – не сдержал любопытство Федор Андреевич.

Недомерок понял, что сделал непростительный промах. И дело не в том, что негласный обыск подозреваемого ни к чему не привел, а в том, что потенциальный свидетель нюх потерял и забылся, осмеливаясь задавать вопросы о ходе расследования. Капитан представил, что этот разговор стал известным его начальству, и мгновенно протрезвел, потев ладонями и шеей...

«Хорошо, что у нас еще в дефиците жучки и прочая техника подслушки... Не узнают... Надо этого любознательного еще припугнуть...»

– Так не забывайте про подписку о неразглашении, – совсем уже не застольным голосом отчеканил Недомерок.

– А давайте я эту подписку и вправду подпишу, – осмелел Федор Андреевич.

Дело в том, что он уже посеekretничал с Йефом, и ему хотелось увидеть эту бумагу с подпиской и прочесть там, кто он такой в будущем деле Йефа – капитанов агент, или свидетель, или еще кто...

– Достаточно устного согласия, – отмахнулся капитан, сам еще не решивший, кем будет Федор Андреевич (пока что и дело не двигалось, и от директора никакого толку).

Этим застольем и закончились доверительные беседы Недомерка с агентом Федором Андреевичем – как отрезало. Взамен на капитана Матюшина стала нападать паника – правда минутная, но со слабостью в ногах и мокрыми ладонями.

Зато у Федора Андреевича ладони перестали потеть – совсем перестали.

* * *

Примерно в тот же зимний вечер, когда Недомерок так неудачно излил давние обиды своей души на Федора Андреевича, в котельную к Недобитку ввалился радостный Степаныч. Накануне, после того как обнаружилось, что все они являются хранителями примерно одной государственной тайны, до него вдруг дошла грандиозность таящихся рядом событий.

– Григорий! – заорал завхоз, сбивая снег с протертого полушубка. – Памятуешь, как я казау про хлебное место?

– Не-е, – попытался вспомнить Григорий, но не слишком усердно.

– Да я казау, что один жид устроил на свое место другого, – понукал к воспоминаниям завхоз. – Что, стало быть, – хлебное место...

– А-а, – вроде бы согласился Григорий, то ли вспомнив, то ли устав вспоминать.

– Нет уж, ты точно вспомни, – наседали Степаныч. – Ты еще спрашивал, чем это место такое из себя хлебное!

– Ну и что? – Григорий сделал вид, что все вспомнил.

– Дык я уразумел... Осенило...

– Ну? – довольно вяло поинтересовался Григорий.

– А у ты чего-нибудь для разговору найдется? Несподручно такое дело и насухую...

– Покуда бошка варит, а руки шаволятся – всегда найдется. – Григорий выставил на стоящий повдалеке от гудущих котлов стол самогонную пол-литру, только что полученную за реанимированный карбюратор.

– Такое вот дело. – Завхоз перетаптывался в нетерпении, пока мутная жидкость наполняла стаканчики. – За усе хорошее, – тостанул он и мигом заглотнул дурью пахучий напиток, занюхивая рукавом полушубка.

– Ну что ты, как на перроне, – пристыдил Григорий, ставя на стол ополовиненную банку соленых огурцов.

– Тут и закусывать-то нечего – на пару глотков, – сказал завхоз.

– Мало будет – найдем, – успокоил Григорий.

– Тады другое дело. – Степаныч расстегнул полушубок и уселся за стол, отполированный долгими душевными беседами. – Вот я и кажу, что место это, до которого наши жиды охочи, – самое хлебное. – Степанычу хотелось заинтриговать собеседника.

– И что же в нем хлебного? – лениво подыграл Григорий.

– На этом месте родину продают. – Степаныч явно ожидал другого эффекта.

– Не понял, – несколько обескураженно признался Григорий.

– Это ж, как на базаре. Стоит человек за прилавком, и усе ведают, что он чего-то продает. И главное, покупатели ведают и – сразу к нему. Другой человек, может, тоже продает, но не стоит на месте, где продают, и никто про то не ведаёт, – втолковывал Степаныч такие понятные вещи. – Вот и здесь то же самое: покупатели ведают, что на этом месте продают родину.

– Какие покупатели?..

– Ну, этого я ня ведаю... Те, которые покупают... Раз Ильич продает, то, значит, кто-то покупает... А Недомерок казау, что Ильич продает. Дыму ж без огня не бывает...

– Ну, у этих Недомерков дым бывает не только без огня, но и без дыма... – не соглашался Григорий. – Сам подумай, чего такого наш Ильич может продать?

– Кажны человек чего-то ведаёт, что можно продать.

– Ерунда какая, – начал горячиться Григорий. – Ну вот ты чего такого ведаешь, что можно бы продать?

– Я много ведаю, – со значением протянул Степаныч. – Много чего бачу – чаму ж не продать? Покупателя только знайти да прицениться... А как его найдешь? Вот для этого и надо знать место, на которое выйдет покупатель. Уразумел?

– Ты, Степаныч, разве не видишь, как Ильич живет? Если ты веришь во всю эту чушь про продажи и покупки, то где же его барыши? – с другого боку возразил Григорий.

– Этого ня ведаю. Должно быть, хавае. Каб у жида грошей не было? Немагчыма. Значит, хавае...

– Да актись, Степаныч! Ильич наш – хороший человек, а ты на него такую напраслину... да еще со слов этого Свистка...

– Вядома, хороший. И прежде который был – тож хороший. В том и беда. Хорошему тяжельче. Не потому что неприемности только по хорошим лупцуют – нет. Хорошему меньше возможностей от них извернуться. Они вообще хуже других изворачиваются, даже если и жида... – Степаныч выщевивал из бутылки последние капли. – Я табе больш скажу. От хороших усе люди страдают – которые вокруг... Вот мне батька рассказывау. Быу у их стараста, когда под немцем жили. Хороший быу человек: для людей старался, партизанам дапамагал. Потом наши пришли – и что? Был бы дрянцо-человек – повесили бы, и весь сказ. А тут и повесили, и деревню всю замордовали, потому что худого про него не казали. В общем, хороший человек – это настоящая беда.

– А как же хороший человек может торговать родиной? – поймал Григорий Степаныча.

– А что такого? – не понял Степаныч. – Прицениться надо...

С этого разговора или с чего еще, но скоро почти все работники школы были уверены в несусветных богатствах Льва Ильича, заныканных им неведомо куда...

* * *

«Может, застрелиться?» – неожиданно для самого себя подумал Недомерок, когда его снова накрыла минутная паника.

Положение его и вправду было незавидное.

Еще вчера, вызванный в управление, он источал уверенность в себе и в блестящем окончании затянувшейся операции «Лесная школа». Надо было согласовать приезд оперативной группы, встретиться с прокурором для получения санкций на обыск и задержание, договориться о телефонной связи, успокоить взбудораженное начальство...

– Ты, капитан, смотри – головой, пля... Помаешь?.. Чтоб улики – комар носу, пля... Вот какие улики!.. Они там сдурели. – Полковник доверительно кивнул на белый телефон, соединяющий с республиканским начальством. – Требуют все закончить, пля, оставить изменника недоразоблаченным и чуть ли не целоваться с ним... Время, памаешь ли, у них изменилось – ну не пля? Думают, что звериная ненависть наших заклятых врагов исчезнет сама собой. Камлают свое: «перестройка, перестройка»... А годы борьбы? А падшие товарищи? Да они там просто зассали, пля... Но мы будем защищать этих ссунов, даже если они сами не хотят защищаться... И родину будем защищать – больше некому... И мы закончим операцию, но по-нашему: победно закончим. Поэтому на тебе, капитан, – сам помаешь. Чтоб без сучка и – как там дальше? – задорненько?! Вот и заканчивай все, но – задорненько. А не то сгною. Будешь до конца дней хлебать грязную воду и лещей цеплять на крючки цековских засранцев...

«Да какие там крючки? Какие лещи и засранцы? У нас все продумано и все схвачено. Завтра поутру подозреваемый возвращается из Москвы. С собой у него непременно будут враждебные пасквили. Убеждаемся, что улики на месте, и готовимся к приезду опергруппы. То есть смотрим, чтобы в последнюю минуту подозреваемый преступник не сбежал, не уничтожил обличительные документы и вообще ничем не помешал. Потом приезжают коллеги. Обыск.

Изымаем вражескую литературу. Подозреваемого арестовываем и к вечеру доставляем в управление. Там он бьется головой о стены камеры от вечера пятницы вплоть до понедельника, а за это время мы составляем добровольные показания его коллег. Все. Финита ля...»

Удивительное дело, но капитана даже не беспокоил тот очевидный факт, что ранее после частых приездов предполагаемого преступника из Москвы никаких особых улик вражеской деятельности обнаружить не удавалось. Подумаешь, ранее!.. Тогда особо и не искали, да и не было такой тщательной подготовки. Завтра по приходу дизеля завхоз Степаньч на школьной гнедой, впряженной в раздолбанную телегу, нагонит подозреваемого по дороге в интернат и подвезет прямоком в руки встречающего их Недомерка. Ни минуты не будет враг без надзора, а это значит, что он не успеет приховать вещественные улики в каком-либо тайнике, и все будет точнехонько по плану Матюшина...

«А вдруг все окажется еще лучше, – размечтался Леонид Валентинович, – вдруг при обыске найдутся шифроблокноты и выяснится, что Прыгин этот не просто антисоветский балабол, а самый настоящий агент...»

Об этом, конечно же, оставалось только мечтать, ведь негласные обыски (к сожалению, всегда поспешные) ничего такого и близко не обнаружили. Но Матюшина это не останавливало – он мечтал...

Правда, это было вчера. А сегодня с утра Степаньч пригрохотал на своей телеге один и, махнув рукой куда-то назад, прокричал Недомерку:

– Не захотел на телеге... Гутарит, что спина болит – не можна трясти...

– А вещи? – вскричал Недомерок. – Вещи-то мог ему подвезти?!

– Не сообразил, – хлопнул себя по лбу Степаньч.

И вот капитан-физрук стоит возле медизолятора и бесполезно потеет. Скоро приедет опергруппа. Может, они все-таки найдут улики прямо на обыске – профессионалы ведь?.. А может, остановить операцию?.. А может, застрелиться?..

Через пару минут Недомерок смог взять себя в руки. День недавно лениво перевалился на вторую половину, и время еще было. Главное – использовать его толково. Как это он так промахнулся с Недоумком? Неужто тот и в самом деле не разговаривает? А вдруг и это тоже хитроумный сговор преступника и пособника?..

Необыкновенной удачей навстречу капитану выскочил Сергей Никанорыч, о котором Недомерок в нервотрепке сегодняшнего дня напрочь забыл.

– Мне сказали, что физрук – это вы, – подмигнул Сергей Никанорыч Недомерку, вцепившись в рукав его мастерки. – А я несчастный отец заблудшей дочери, – сокрушенно и одновременно весело сетовал худосочный старик. – Заблудшей, можно сказать, во вражеские сети...

Это был тот самый союзник, которого так не хватало сейчас капитану. Союзник хотел говорить, хотел сочувствия и понимания, хотел оказывать пользу и содействие, хотел учить и командовать, но согласен был поучать и помогать.

Недомерок поручил Сергею Никанорычу тайно обшарить всю квартиру, в которой, по словам старика, процветает антисоветский разврат. Обшарить и запомнить, где лежат враждебные и клеветнические книги, чтобы потом указать эти места кому надо...

Матюшин особо не надеялся на помощь отставного коллеги в нахождении улик преступной деятельности. Он вызвал его сюда несколько дней назад совсем для другого. Это был дальний прицел. Недомерок собирался поручить ему, так сказать, перевербовку дочери обратно в советского человека, чтобы этот советский человек выступил позже в судебном процессе над бывшим мужем и громогласно...

Да и неважно уже, как капитан-физрук планировал свое грандиозное сражение. Все понеслось кувырком. Опереться было не на кого. А менее всего – на Сергея Никанорыча. Очень

скоро капитан буквально бегал от отставника, а тот пыхтел следом, звякая тяжелым от наград добротным пиджаком.

– А можно еще так, – громко шипел запыхавшийся ветеран, выцепив в очередной раз Недомерка, – можно ликвидировать при попытке к бегству... Я знаю – мы такие штуки делали...

«Самого бы тебя ликвидировать», – вполне разумно фантазировал Недомерок, ходко убегая от преследователя.

У Сергея Никанорыча не было никаких шансов угнаться за молодым и прытким коллегой, тем более что Недомерок находился в отличной форме после столь продолжительных тренировок на уроках физкультуры.

– Куда же вы? – закричал старик, наплевав на конспирацию, которой был верен много десятков славных лет. – Вы мне поручили про книги...

– Так что там книги? – вернулся Недомерок, пойманный на прочную лесу надежды.

– Полно... – восстанавливал дыхание старый, но зоркий, чекист. – Полным полно антисоветской литературы. Советской совсем не видно. Ни «Молодой гвардии», ни Островского, ни даже про Штирлица, – ничего. Зато антисоветчины бери – не хочу. Есенин, пошляк и пьяница, – так все четыре тома, Зощенко – на тебе, Ахматова – эта... прости господи...

Недомерок усвистал, да не просто усвистал, а с каким-то нелепым подпрыгом. Мечта Сергея Никанорыча возглавить операцию по полному уничтожению собственного зятя разлетелась вдребезги...

* * *

«Надо прекратить истерику, – приказал себе Недомерок. – Не хвататься за все сразу, а сфокусироваться на том, что еще можно сделать».

Время неумолимо приближалось к финалу операции. О грядущем обыске можно было уже себя не расстраивать. Будет – как будет. А вот необходимые добровольные показания, которые уличат подозреваемого в преступной деятельности, можно еще успеть подготовить. Хотя бы начать готовить...

В том важном отделе управления КГБ, в котором работал капитан Матюшин, преступников и вправду избличали только изъятой у них антисоветской литературой и чистосердечными показаниями свидетелей. Тех, как правило, делали из соседей, сослуживцев, друзей, и чрезвычайно ценились их предварительные добровольные показания, которые в процессе увлекательной работы становились свидетельскими.

Наиболее подходящим на роль добровольного разоблачителя Недомерку представлялся воспитатель седьмого класса Василий Викторович. По образованию он был учителем биологии, но биологов, что филологов: плюнь – не промажешь, и потому Василий Викторович работал воспитателем. Главным в нем было не биологическое образование, а не очень давняя армейская служба. Все самое лучшее и самое яркое у Василия Викторовича осталось там. Из его рассказов (практически без слов – на одних вздохах и матерных пробормотах) выходило, что тут, среди вольняшек, никогда уже ему не упиваться той водярой, теми бабами и дружба-нами.

«Да и вся жизнь осталась там, потому как разве ж здесь жизнь?»

Ничего более внятного о своей службе, например о месторасположении такой дивной военной части, Василий Викторович не говорил.

Единственным воспитательным мероприятием, которому Василий Викторович отдавался с увлечением, была подготовка к конкурсу строя и песни. Каждое 9 мая в школе проводился этот конкурс, и класс Василия Викторовича занимал заслуженное первое место, а уже на следующий день начинались репетиции к будущему конкурсу. Надо признать, что школьники

маршировали самозабвенно, а пели про «отслужу два года и вернусь» так и вовсе – на разрыв глотки. Трудно было представить, что несколько минут назад за ними приходилось гоняться и силком втаскивать в строй...

– Надо поговорить, – бросил Василию Викторовичу Недомерок, когда тот приблизился, маршируя вместе с воспитанниками. – Жду у себя в тренерской (так назывался закуток учителя физкультуры, выгороженный в раздевалке при спортзале).

– Сержант в запасе по вашему приказанию... – уже через пару минут проорал во всю глотку Василий Викторович, застыв в дверях тренерской почти в «смирно».

«Идиот, – вздрогнул от неожиданного ора Недомерок. – Впрочем, это не помеха».

– Вот что, сержант... – Недомерок знал, как польстить воспитателю, – надо наконец честно разоблачить врага, который так долго скрывается в нашем коллективе...

– Рад стараться, – рявкнул сержант совершенно неожиданно для себя самого – так ему понравилось уважительное обращение сотрудника органов.

– Вот и постарайся, сержант, постарайся! Расскажи всю правду про эту враждебную личность. – Недомерок припер воспитателя к стенке закутка, где и одному-то тесно... припер и вынудил сесть за крохотный столик, на котором уже белел чистый лист бумаги.

– А что писать? – готовно отозвался Василий Викторович, щелкая шариковой ручкой.

– Добровольные показания о враждебной деятельности гражданина Прыгина Л. И., – продиктовал Недомерок заглавие требуемой бумаги.

– Добровольные? – потянул на себя сержант запаса. – Чего не хочу, про то и молчу?

– Показания, – перетянул к себе Недомерок. – Процессуальное понятие... С полной ответственностью...

– А и правда, чего мне его защищать, ешкин вошь? – Василий Викторович вспомнил, как на недавнем первомайском застолье его жена смотрела на этого Левку и как его слушала – дышать забыла, не то что закусывать... – Он будет баб кадрить на свое... – воспитатель pokrutil пальцами, – ...на это свое вольнодумство, ешкин вошь, а я его – защищай? Вот сами скажите – бабы чего на него летят? Потому что он выпендривается правдолюбом эдаким. Он будет тут павлином рисоваться, а я расплачивайся? Ему, выходит, от его правдолюбства сплошные радости: и бабы виснут, и в рот смотрят, – а нам его защищать? Шиш ему! Все расскажу. Чего писать-то? – Василий Викторович придвинул к себе бумагу и преданно уставился на капитана Матюшина.

– Ну вспомни. Вспомни конкретные случаи враждебных выпадов или разговоров, – подсказал Недомерок.

– Вот на первомайской встрече коллектива... – Василий Викторович никак не мог переключить ушибленную тогда память на что-то другое. – Да вы же сами там были, – осенило его. – Помните, как он ухмылялся, когда пили за мир да труд, ешкин вошь?

– Кто ухмылялся?

– Да Прыгин Л. И.! Кто ж еще?!

– Не видел. А он ухмылялся?

– Да во всю рожу. И хмыкал со значением...

– С каким значением?

– Ну знамо дело, с антисоветским – с каким же еще, ешкин вошь?!

Недомерок смотрел на воспитателя и старался понять, придуривается тот или правда придурок? Разве эти чистые глаза могут быть глазами притворщика?

На это Василий Викторович и ловил приставучих начальников и командиров всех мастей – включал дурака. Это помогло ему проскочить по жизни, не вляпавшись ни в стукачество, ни в какие другие комсомольские поручения...

– Василий Викторыч, – всунулась в тренерскую Сонька Растрепя из седьмого. – Делать-то чего? Давайте хуть помаршируем от скуки.

– Извините, – встал воспитатель, – служба требует.

– И с меня служба требует, – с угрозой надавил Недомерок.

– Да-а, у вас действительно служба! Служба с большой буквы. – Василий Викторович мечтательно закатил глаза. – Даже со всех больших букв... А разрешите я своим семиклашкам расскажу, что вы настоящий боец из невидимого фронта? Они после так отмаршируют, так впечатают – земля треснет...

Недомерок буквально онемел, не зная, как лучше отреагировать, а Василий Викторович полуобнял его, чтобы ловчей разминуться в тесноте каморки, и проскользнул за дверь. А там уж выдохнул, оглянулся, перекрестился, распрямился и – неспешно отправился тренировать своих недоморышей (привет тетя-Оле).

* * *

К финалу масштабной операции «Лесная школа» капитан Матюшин так и не имел на руках ни одного неоспоримого факта преступной деятельности Льва Ильича. Нелепая ситуация, но в ней не было ничего удивительного. Кто мог подумать, что поступит приказ немедленно сворачивать «долбаную лесную ахинею»? По планам управления предполагалось весь этот кайф продлить еще примерно на год.

И вообще Лев Ильич свалился на голову областного управления КГБ щедрым подарком судьбы. Обычная рутина областной безопасности не приносила ни удовольствия, ни премиальных, ни более весомых отличий. Поле деятельности – с гулькиным носом, при всех масштабах Витебской области. Ну есть оборонные предприятия, и на них требуется обеспечивать и поддерживать режим секретности. Есть несколько иностранцев, которых надо пасти вместе с их шалавами, точнее с помощью их шалав. Есть полтора прыщавых фарцовщика и столько же дряхлых коллекционеров. Простора нет, перспектив – ноль...

А тут нате вам: натуральный антисоветчик, с кучей друзей, с огромной перепиской. Это же буквально глоток свежего воздуха, даже и не глоток, а непрерывный обдув. Да одни командировки для выявления и привлечения его знакомых потребуют страшно подумать сколько офицеров. Кого привлечь к сотрудничеству, кого – к ответственности... А здесь, по месту проживания пожаловавшего внезапно преступника, сколько понадобится сил на всякие масштабные наружки-прослушки! А они еще и письма пишут, и даже в другие страны, не исключая потенциальных военных противников. Это же на сколько потребуется увеличить сметы-траты-штаты? Ужас и блеск!.. Не будь необходимости этого Прыгина разоблачать со всей строгостью, областные работники госбезопасности должны бы его на руках носить и целовать без перерыва.

Лев Ильич дал куче народу возможность радостной работы. И работали, не жалея себя, а уж тем более кого другого. Очень к месту пригласил идея капитана Матюшина о работе под прикрытием в непосредственной близости от объекта, без этого просто зашивались: наружка тупо шлялась по территории школы, невесть какую чушь отвечая на естественное любопытство: чего, мол, надо. Можно сказать, спас капитан своих коллег из наружки, на которых уже и собаку спускали, и ментов вызывали, и просто грозили морды начистить.

Усердно работали. Одних матюшинских еженедельных донесений под тысячу страниц. А еще свидетельства очевидцев о перемещениях объекта и его встречах, пересказы разговоров с ним, расшифровки телефонных переговоров... Тома подшитых документов могут много чего порассказать о преступнике и о его жизни. Не всё, конечно, – работа продолжалась. Сотрудники безопасности правильными кругами сжимали кольцо возмездия.

В таких делах спешить – себе дороже. Раздобудешь ненароком горячий и полностью обличающий документ, и все – кончай игру, арестовывай, сажай. А ведь сколько еще можно было разузнать всякого, только ведь во вкус вошли. Так что в этом деле преступника надо беречь – такие преступники каждый день на областных дорогах не валяются. Это в Москве

где-нибудь, где диссиды этой немерено – винты хоть сразу по первому подозрению – все равно их надолго хватит, а здесь не Москва, здесь диссиду беречь надо и холить.

Так что все правильно было в операции, главную партию которой вел капитан Матюшин. Все было по плану, уточняющемуся каждый месяц. И не так уж важно, что не было конкретных улик. Можно хоть кого брать безо всяких улик и – в изолятор, а через неделю-другую появятся и нужные показания, и нужные улики – не впервой. Допрос у следователя КГБ – это, знаете ли, не беседа с придурочными добровольными агентами, там не подуркуешь.

Кто же мог предполагать, что какой-то паршивый областной прокурор посмеет вякнуть про необходимость бесспорных доказательств. Его дело подписывать нужные постановления, а не доказательства проверять. Да и не то удивительно, что прокурор вякнул, мол, без веских оснований санкцию не даст, удивительно, что начальник управления это стерпел и не поставил на место зарвавшегося наглеца, а наоборот, перевел тяжелый взгляд на Матюшина:

– Слышал, капитан? Не будет улик, пля, – лучше застрелись...

* * *

«Сам стреляйся, старая пля! – Матюшин в прежней надежде на добровольные показания неся из тренерской к Недобитку и прокручивал возможные варианты беседы с начальством. – Я могу и в отставку – у меня полно предложений. Меня приглашали остаться здесь, меня здесь ценят...»

Недомерок оглянулся, не подслушивает ли кто. Но кто бы его стал подслушивать? Кому есть дело до Недомерка и до того, о чем он думает? Особенно во второй половине пятницы погожим майским днем, когда все мысли о предстоящих выходных.

Алексей Иванович, завучев муж, выправлял себе обод велосипеда, совсем еще новехонького, на котором успели прокатиться почти все школьники, а сын не успел. Руки выправляли обод, а мысли были о завтрашнем отдыхе, который надо бы начать сегодня и провести максимально культурно, а для этого так мало возможностей. Ведь если подумать правильно, с государственной точки зрения, то борьба за трезвость нанесла непоправимый урон не только культурному отдыху советского человека, но и сплоченности советских людей друг с дружкой, в основе которой уважение человека к человеку, независимо от того, каким именно раздолбаем является этот конкретный человек. Любой ханурик мог спросить: «Уважаешь?» – и тут же удостовериться в искреннем уважении. А на чем держалось это уважение? На субботниках ваших долбанутых? Фигунь вам с огурцом! На совместном культурном отдыхе держалось уважение. А на чем держался отдых?..

Уразумев, какие государственные основы подрываются прямо на глазах, Алексей Иванович поспешил к Григорию, чтобы поделиться своим открытием. У котельной маялся водитель Сергей Викентьевич.

– Не ходи, – остановил он Алексея Ивановича. – Секретничают.

– Это с кем же?

– С Недомерком, с кем же еще!

Подошел Степаныч, взялся было за ручку железной двери, чтобы войти внутрь, но не решился и остался ждать с остальными. Можно было предполагать, что вся мужская часть школьных работников постепенно соберется здесь – очень уж славным был денек, ну прямо шептал про отдых и культуру... Кроме того, все знали, что пару часов назад Григорий вернул хозяину отрихтованный жигуленок и, стало быть, получил вознаграждение. Так не грошами же он его получил – кто сейчас берет грошами? В общем, и природа, и все остальное точно указывали, что у Григория к вечеру намечается большой сбор. Пока же гости Григория вынуждены маяться снаружи, – впрочем, еще не вечер.

Алексей Иванович хотел было прямо здесь поведать о своих сногшибательных находках, но решил, что весомее будет за столом. Однако открытие напирало изнутри, понуждая перетаптываться и нетерпеливо поглядывать на дверь котельной. Но скоро успокоился и он, опустился на корточки рядом с приятелями.

А вы можете так вот сидеть на корточках, пристроив натруженные руки у себя на коленях? Не просто сидеть, а отдыхать? Ну хотя бы в облегченном варианте – спиной о какой-либо забор или о стену той же котельной, возле которой устроились школьные работники? Вот, к примеру, Лев Ильич не может. Присядет, на минуточку, выкурит скоренько сигаретку и – вперед, полетел по каким-то неотложным делам. И Недомерок не может. Пристроится, бывало, переминается при этом, перенося тяжесть с одного колена на другое, и вот уже усвистал вынюхивать, куда побежал Лев Ильич. Не усидеть им на корточках, не отдыхается. А ведь это поза философов и мудрецов. Деды наших героев сидели так же, угощая один другого ароматным табачком собственной изготовки. Отцы наших героев в свое время сидели ровно так, стреляя друг у дружки дерущую глотку махру крупной фабричной нарезки. Теперь вот сидят они, постреливая безвкусные высыпающиеся сигареты. Если бы не домашние с их вечной суетой и не начальство с их вечными фантазиями, то мои земляки-мудрецы философствовали бы таким макаром, пока не откроются для них нараспах все истины.

Или, по крайней мере, пока не откроется для них дверь котельной.

* * *

Недомерок выскользнул из котельной, что собственная тень, и эта тень смотрела на людей вокруг мутным глазом, даже и не вокруг смотрела, а в бездонный омут внутри себя. Толку от Недобитка (а ведь лейтенант, боевой офицер) было не больше, чем ранее от сержанта.

«Чего это они здесь собрались? – недоумевал Недомерок, уставившись на своих секретных помощников. – Пряма наглая демонстрация безделья. Вместо того чтобы изобличать врага, сидят и чего-то сочиняют. Может даже и про меня сочиняют?»

Слова «демонстрация» и «сочиняют» как-то звонко сцепились в сознании капитана, и молнией осенила его спасительная идея.

«Вся эта диссида с чего, собственно, пошла-поехала? С провокационной демонстрации на Красной площади, когда мы спасали чехов. Не может враг про это молчать. Должен всем рассказывать. Наверное, и детям рассказывал. Надо, чтобы дети про это вспомнили и написали. Сами написали, в сочинениях. Вот это будут улики, всем уликам улики – не отвертишься!.. Это же, можно сказать, растление невинного сознания. Да за это не сажать надо, а как бешеную собаку...»

Мужики, ожидавшие у котельной, медленно распрямлялись, чувствуя некоторую свою ответственность за непереносимые беды, так явно читаемые во всем облике Недомерка. Но когда они подняли виноватые взоры на своего резидента, того было не узнать – капитан искрился энергией и рвался прямо с места в кипучую деятельность. Усвистал, даже не кивнув.

Мужики, посмеиваясь, перемещались с яркого света в пыльный сумрак помещения. Каким-то чудесным образом над каждым из них возникал солнечный столб, но это всего лишь пыль поднималась вверх от резких движений, и там, вверху, светилась на солнце в узкой щели открытой двери. Малой силой погудывал один котел, почти не добавляя жара.

Григорий водрузил на стол трехлитровую банку с самогоном, и всем стало ясно, что сегодняшняя работа теперь побоку.

– Через несколько часов шабат, – сообщил Алексей Иванович, точно информированный случайными прорехами в глушилках. – Это у евреев праздник такой, – сказал он в ответ на

непонимающий взгляд Степаныча. – Работать нельзя, – еще раз попробовал пояснить Алексей Иванович. – Вот мы и не будем...

– Мы и без ихнего шабату не будем, – восстановил национальную гордость Степаныч.

– А Ильичу нашему Недомерок, по всему, устроит такой шабат, что тот совсем не будет рад, – неожиданно для самого себя срифмовал Сергей Викентьевич и сам же засмеялся.

– Чего он тя пытау? – спросил у Григория Степаныч, аккуратно разливая мутный напиток по стаканам.

– Так ерунда полная... Ходил я к Ильичу, когда он в Москву собирался. Книжку относил. Прочитал и пошел каку другую взять...

– Знамо дело, – перебил Алексей Иванович, – я тоже беру иногда почитать на ночь.

– Не об том разговор, – отмахнулся от электрика Степаныч. – Все берут, да без толку...

Тут требуется маленькое пояснение. Какое-то время назад школу взбудоражили переписки о том, что Лев Ильич где-то прячет несметные деньжищи. Степаныч под воздействием этих сплетен, и не желая признавать, что именно его наветы и послужили их рождению, взялся внезапно наведываться к Йефу домой. Предлагал всякую помощь, долго засиживался за чаем, шарил зорким и проницательным глазом по стенам (ведь здесь где-то – большие негде). Однажды спросил: мол, зачем вам столько книг – полки ломаются? А Йеф в ответ возьми и скажи: «В них все наше богатство». Степаныча как молнией прошибло.

Стал он с того дня усердным читателем. Сразу же отобрал книг десять – брал не подряд, а вразнобой. Йеф не очень обрадовался приобщению завхоза к мировой культуре, но книги дал. Еле выждав дня три-четыре, Степаныч приволок книги назад и взялся шарить, выбирая еще. Как-то так утряслось, что Йеф стал давать не более одной книжки и безо всякого радушия. Это было точным знаком, что Степаныч на верном пути. Надо было только отыскать, в каких книжках устроены денежные тайники.

В какой-то злосчастный день Степаныч ляпанул про свои догадки за этим вот самым столом, и скоро уже все работники и даже весь педагогический состав интерната стали читателями личной библиотеки Льва Ильича. Сначала читали с небывалым энтузиазмом и что ни попадя, а потом как-то вся эта блажь сошла на нет, и только самые упорные продолжали брать книжки у Йефа, а уж совсем упертые – те как-то незаметно и вправду приобщились к чтению...

– Так вот, – продолжал Григорий, – я ему и говорю все, как есть. Книгу, мол, прочитал и отнес – ничего криминального. А он не отстает: а какая книга? а про что? а об чем говорили?.. Ну совсем убормотал – голова кругом. А дальше – сплошной анекдот. Я спрашиваю у него, а какого рожна такая великая организация не может поставить несколько жучков. Не в каменном же веке живем! Жучок впендюрил – и слушай, что сказал да кому сказал... Ну, не так?.. А он тут и сказани: «Мы, – говорит, – три жучка поставили, так он их нашел и уничтожил, а больше и нет. Я, говорит, к начальству, а мне разнос за порчу драгоценного оборудования и – шиш с маслом». Велели ему работать по старинке, а жучки они, оказывается, тратят на прослушку своих жонок и любовниц. Представляете, мужики, если даже в ГБ такой бардак, то чего ожидать от других?..

– Я все уразумеу, – радостно шлепнул ладонями по столу Алексей Иванович. – Это были жучки...

Оказывается, с год назад Лев Ильич пригласил школьного электрика к себе и пожаловался на то, что во всех трех комнатах коротят розетки. Алексей Иванович развинтил их одну за другой и из каждой вытащил по одинаковому инородному телу, безграмотно подключенному к электрическим проводам. Йев безжалостно растоптал все три, не дав электрику даже рассмотреть это диво...

– Да кто ж так ставит деликатное изделие? – возмущался электрик. – Вот вам и КГБ. А мы усе «штирлиц-штирлиц», а они даже жучка не могут по уму...

Алексей Иванович слегка захмелел, но это от того лишь, что резко взяли. По опыту было известно, что следует плавно продолжать, и охмележ как рукой снимет...

* * *

– Ну только полюбуйтесь, – обвалился на застолье гневливый голос, который ни с каким другим не спутаешь...

В открытой двери, прямо против солнца – аж глазам больно – стоял директор интерната и очень недовольно оглядывал сборище своих сотрудников. Но недоволен он был не ими, а самим собой.

Только что, считай, по приказу Недомерка он отправил Льва Ильича домой, а его воспитанников завел в класс. Там капитан-физрук раздал ученикам листы бумаги и велел написать сочинение о том, что именно Лев Ильич говорил им о демонстрациях.

– О каких демонстрациях? – спросил ученик по прозвищу Чума.

– О любых, – разрешил капитан. – О тех, что на Красной площади, – намекнул он на желаемое, – когда наши танки спасали Прагу, – направил он память детей в нужную сторону. – Может, про Новочеркасск говорил... – с надеждой сказал капитан.

Федору Андреевичу срочно захотелось выпить. С тем он и заглянул в котельную, но, обнаружив веселое застолье, решил начать со взбучки.

– Никто не желает робить, – грозил голосом Федор Андреевич.

– Так шабат, – виновато развел руками Степаныч.

– Один человек пашет как ненормальный, и тот Недомерок, – сокрушался директор, укорил всех разом и ахнул в себя уважительно предложенный стакан.

– Я, Андреич, вот чего хотел узнать, – сдвинулся Сергей Викентьевич, уступая место директору. – Недомерок наш – он жа в школе оклад получает?

– А как же.

– А у себя на службе он тоже оклад получает?

– Да и не только оклад, – встрял Григорий. – Он, поди, еще и ночные получает, и двойной тариф по выходным – он же, считай, круглосуточно на службе.

– Умеют же люди устраиваться, – завистливо протянул Сергей Викентьевич, – два оклада и куча надбавок...

– Да и Ильич наш – тоже два оклада загребает, а то и поболе, – добавил зависти Степаныч.

– А он с чего? – усомнился директор.

– Дык у нас в школе – раз, и за продажу родины – два, – посчитал завхоз.

– Вряд ли, – не согласился Алексей Иванович. – За продажу, наверное, единоразово, а не помесечно.

– Это как договоришься, – упорствовал Степаныч, разливая и с сожалением оглядывая пустеющую банку.

– А вот ты, Степаныч, хотел бы, как Недомерок – два оклада? – спросил завхоза Григорий.

– Ни боже ж мой! – Степаныч едва не протрезвел.

– А как Ильич?

– Вот то не ведаю... Прицениться надо...

– А с чего это ты, Викентьич, чужие гроши считаешь? – окликнул водителя Алексей Иванович. – С зависти?

– Не без того... Но главное – они мне должны. Оба. И Недомерок и Ильич. Кучу грошей через них потерял.

– Это як жа? – Степаныч схватился за слово «гроши» даже в застольном гомоне.

– По той осени еще, когда Ильич только к нам устроился, моя родительница согласилась им допомагать по дому. А уже через неделю гляжу – неладное что-то. Трясется старуха и всякой тени боится. Я к ней: что, мол, с тобой? А она: «Ой, сыночка, бяда: вораги за нами дыбают, днем и ночью дыбают». Я, конечно, в смех, а она меня веником по башке – не смей, мол, над маткой потешаться, я, мол, старая партизанка и в энтих делах усе секу... Дальше – хужей. Из дому выходить боится. Спать перестала. Вораги кругом – надо сниматься с базы и уходить в лес. Я ей – какой лес, мамаша, опомнитесь! Ни в какую... Короче говоря, повез ее в Витебск к психиатру – Семен Михайлович наш и удружил этого светилу по мозгам. Даже в специальную санаторию на два месяца отправлял. Грошей потратил немерено: на лекарства да на походы к врачам. Все без толку. А потом, когда Недомерок убалтывал меня в агенты пойти, я ему и кажу: не могу, мол, матка хвоя на голову, оставить нельзя ни на минуту. В общем, рассказал ему про ее хворобу, а он смеется: скажи, говорит, мамаше, что то не враги – то наши люди следили, пушай не боится...

– Ну и перестала бояться? – усмехнулся Григорий.

– Какое там! Наших, говорит, надо еще пуще опасаться. Но все это уже бесплатно – не хвороба ведь, а зараза гебешная...

«Какое счастье, – благодумствовал Федор Андреевич, – сидеть вот так в дружном трудовом коллективе и обсуждать насущные рабочие проблемы».

– Есть одна насущная проблема, – возвысил голос Алексей Иванович. – Если мы будем продолжать с той же скоростью, то совсем скоро... – Алексей Иванович никак не мог вспомнить что-то важное, о чем хотел рассказать друзьям, и потому говорил, замирая вдруг в ожидании, не вспомнится ли, чего такого он берег для рассказа...

– Не бойсь, не последнее, – успокоил его и всех остальных Григорий.

– Ну коли так... – Успокоенный Степаныч разлил очередную порцию. – Тогда за усе хорошее и каб усем было хорошо!

«А совсем было бы хорошо, – мечтал еще более благостный Федор Андреевич, – если бы с нами за этим столом сидели еще Ильич с капитаном и пили этот мутный напиток за ясную и добрую жизнь. И хорошо было бы, чтобы капитан-физрук перестал быть капитаном, а остался только физруком. Ведь у парня явные способности к работе с детьми. Собрал бы школьную команду, завоевал медали на областной спартакиаде. Чего плохого?... Ничего плохого, кроме хорошего...»

* * *

«А может, и вправду остаться здесь, – думал Недомерок, – учить детей, жить здоровой жизнью...» – Он глядел в окно, а за его спиной Йефов класс натужно вспоминал, чего такого рассказывал Йеф о демонстрациях...

Страшный лес вокруг школы весь день притворялся безопасным и даже добрым, чтобы ночью опять превратиться в заколдованную чащу. Махан смотрел на этот волшебный лес и тосковал. Он не знал, что тоскует, потому что не знал этого слова, – он чувствовал какую-то сквозную дыру внутри, а через эту дыру улетало из него все радостное, что только ни появлялось. Он знал о сегодняшнем происшествии с Угучем и понимал, что полностью победил жиденыша Данилу, но и это его не радовало – все усвистывало через ту же дыру под сердцем.

И зачем ему эта победа? Теперь Данька не будет вместе с ними лазать по лесу и ничего не расскажет о пещерах, в которых прячутся гномы, не остережет от драконовых нор, не научит блукать, чтобы не заблудиться... Лучше бы все по-ранешнему, но Махан уже вырос из своих бывших детских верований, что можно вернуться во вчера. Ничего нельзя вернуть и никуда нельзя вернуться.

«Уйду в побег, – решил Махан. – А че такого? Сейчас лето будет, тепло будет... Как-нибудь проживу. А еще лучше уйти с Данькой – с ним точно проживем, он всегда чего-нибудь придумает. Можно и Угуча сманить из изолятора. А что, клевая идея! Сманим Угуча, вернем Даньке его коня и все вместе – в побег...»

Махан понимал, что его поймают и отправят в дурку, а там будут уматывать в куклу мокрыми простынями и жать уколами, от которых все тело винтом. Всех в конце концов ловят – ни один не ушел. Но и страх дурки не останавливал все более увлекающие фантазии.

Пусть случится хоть что – хоть и плохое, но только, чтоб не так, как сейчас – не сквозящая эта нуда, которая вынуждает творить невесть что...

«А может, еще и не поймают?.. Я быстро бегая. Вон и Недомерок хвалил и говорил, что могу стать чемпионом. А что, если не убежать, а бегать на его физкультурных уроках и стать чемпионом, чтоб с медалью, и все завидуют...»

«Сделаю из этих охломонов сборную по легкой атлетике, – продолжал фантазировать Недомерок, – победим на областной спартакиаде, и Ольга Парамоновна перестанет называть меня Недомерком... Разведусь и женюсь по любви. Директор ведь не откажет мне в служебной квартирке на первое время. Правда, с квартирами тут не очень. А где иначе?.. Можно будет отремонтировать первый этаж того дома, в котором живет Прыгин... А в этом что-то есть: поселиться под подозреваемым и устроить правильно организованное наблюдение, чтобы узнать наконец, где он упрячивает улики враждебной деятельности...»

– Время-время, – повернулся Недомерок к классу. – Сдаем сочинения.

– А нам куда теперь? – спросил Махан.

– Не знаю, – растерялся Недомерок.

– Можно, мы пойдем к своему воспитателю?

– Конечно, идите. (Да хоть провалитесь... с ним вместе!)

Капитан перебирал-перетасовывал сданные листки, на многих из которых только и была заглавная надпись: «Что нам рассказывал Лев Ильич про демонстрации». Где-то было написано Йеф Ич, а слово «демонстрация» кривлялось самыми невозможными ошибками, но не это заботило Недомерка.

«Пустьшка или в десяточку?» – гадал капитан, не решаясь приступить к чтению.

Странно было надеяться, что малолетние хулиганы серьезно отнесутся к его заданию и, более того, вспомнят именно то, что ему нужно. Наверное, Недомерок просто хватался за соломинку (а за что еще ему было хвататься?).

* * *

«Демонстрации ходить весело». Примерно так написало большинство шестиклашек с разным набором ошибок. «Все машут», – добавили некоторые, и «ты махаешь», – уточнил Муравей. «Когда у нас собрание в зале – тогда на Красной площади ходят, и у них надутые шары» – вспомнил про намек Недомерка о Красной площади старательный Ваня Безродный. «Демонстрации ходят строем и поют, – сообщила Лидка Дикая, – а потом приходят домой и много едят», – допридумала она следом.

Наиболее покладисто выполнила задание Любка Подлиза, которая с первого класса была старательной и усердной незнамо в кого, – никаких подобных примеров перед ее глазами никогда не было. Скорее всего, какая-то родовая аномалия. Если бы Любка была только старательной, ей бы, может, простилось то, что она подлиза или даже почти круглая отличница. Но Любка очень хотела, чтобы учителя ее любили все и всегда. Сначала хотела, чтобы любили и удочерили. Потом повзрослела, и желать удочерения от учителей стало не слишком реали-

стично, и она захотела, чтобы ее из детдома направили в училище, где из хороших девочек делают учителей... или в институт, где учителей делают из всех. Когда она станет учительницей, она обязательно вернется в этот интернат и станет перед всеми учителями, чтоб им стало стыдно за то, что не удочерили. А потом придет в детдом и станет перед всеми работниками...

Нет никакой беды в этих пустых мечтах Любки. Пусть себе мечтает и пусть будет отличницей. Но она, гадина, наушничает обо всем, а для этого вынюхивает, где может и все, что может. Природа тоже не подкачала и снабдила Любку чуткими ушами. Она и учителей подслушивала, но не для передачи кому-либо, а для общего образования (хотя при случае просвещала одноклассниц, чтобы завоевать и их любовь тоже, но безо всякого успеха).

В общем, всегда надо было помнить, что Любка может стоять за углом и растопыривать уши на любой секрет. Может, и не на секрет, но тогда это и не опасно. Страшное дело, сколько выдумки приходилось проявлять Махану и Даньке, чтобы сохранить в тайне от Любки всякие свои предприятия и приключения.

Ее и били (довольно чувствительно), и стыдили всяко (даже голой гоняли по всем спальням подряд) – никакого толку. Постепенно смирились, как смирились с детдомом, с этим интернатом, с постоянным голодом, с вечным ором да покриком. Однажды Данька сказал, что Любка – это их наказание за все проделки и грехи.

– А два раза не наказывают, – обрадовался Махан, изрекая абсолютную истину, известную всем детдомовцам. – За одно и то ж два раза нельзя.

– Наказывают, да еще как, – не согласился Данька.

Но Махан только отмахнулся. Он продолжал свято верить в справедливые законы блатного мира, которые извечно витают не только над всеми бараками, но и над всеми казармами, над всеми палатами и детдомами – над всей страной. Их усваивают раньше да и лучше таблицы умножения, в них верят, хотя они постоянно и наглядно опровергаются течением самой жизни.

Одно время Махан даже опекал Подлизу, как отмазку от всех своих прегрешений – не давал шпынять и дразнить. Любка в порыве ответной благодарности включила Махана в список тех, кто должен ее полюбить, и стала его тоже одаривать разными сведениями из разных жизней. Как она выбирала, кому про что рассказывать, а про что молчать – оставалось тайной даже для нее самой, а уж тем более для Махана. Махану сначала было противно слушать Любкины кудахтанья, а потом он втянулся и уже начинал скучать без ее новых сплетен.

Сейчас вот Махан узнал от нее, что вечером Йефа заарестуют, и как-то сразу поверил (Любка про это вызнала только что под окном директора из слов Недомерка). Маханова деятельная натура требовала организовать масштабную спасательную операцию.

«Надо сказать Йефу, предупредить... А то рассказывает каку-то ерунду, а сам ни ухом ни рылом... А он что? Бросит Даньку и побежит спасаться? Ни в жисть... Тогда надо забирать их всех и – в лес. Надо Угуча забрать из медизолятора, а то Даньку по лесным колдоебинам и несть некому. Правильно, забираем Угуча и все – в лес. Отсидиваемся в укромке на дальнем болоте. Связываюсь с разведцентром и передаю отцу, что нужна срочная помощь – Недомерок с фашистами гонятся по пятам. Ждем в условленном месте. Отец приезжает с батькой Угуча – тот здоровый что лось и сможет всех их на себе, и – через болото... Постой, его ведь американцы убили. А может, еще не до конца убили?.. Может, не до смерти убили?.. Конечно, не до смерти... Надо немедленно бечь к Угучу и рассказать ему...»

Вот тут почти следом за Любкой появились директор с Недомерком и погнали всех в класс писать каку-то бодягу про демонстрации по приказу Недомерка и его фашистов.

* * *

Любка по обыкновению добросовестно отнеслась к заданию учителя. Она навспоминала, чего только смогла, – из книжек, из учительских слов, из подслушанного из-за двери учительской, из подкарауленных Йефовых откровений (ведь Леонид Валентинович поручил вспомнить именно Йефовы слова) – с бору, что называется, по ниточке...

И очень даже выразительно получилось:

«Что нам рассказывал Лев Ильич про демонстрации, про защитников Праги и про Новый Черкасск. По словам Льва Ильича, мы узнали, что по Красной площади два раза в год проходят демонстрации людей. Это бывает 1 мая и 7 ноября, но лучше 1 мая, потому что тепло и солнце. Все радуются, как дети, потому что дети всегда радуются, как только вспоминают, что родились в нашей прекрасной стране, а не где-нибудь еще. Но радуются на демонстрациях не только в Москве. Была одна демонстрация в Новом Черкасске. Это было давно. Рабочие развернули красные знамена и, радостные, пошли к дворцу. Там стояли казаки и никого не пускали. Рабочие стали петь, а казаки их постреляли. Спасся только один поп Гапон. Он и привел рабочих под пули. А еще давней была другая демонстрация. Смелые люди вышли на площадь, чтобы предупредить, что немецко-фашистские захватчики напали на чехословацкий город Прагу, а никто и не знает. Вот они и вышли на Красную площадь, которую видно из кремлевских окон. Там, в Кремле, бессонно работал товарищ Сталин, чтобы мы все имели нашу такую счастливую жизнь. Он услышал шум на площади и посмотрел в окно. Там он увидел смелых людей с плакатами и понял, что фашисты топчут чехословаков. Тогда он приказал завести моторы, и наши танки спасли братский народ. Когда я вырасту, я тоже поеду на Красную площадь и буду ходить по ней с демонстрацией. Выпускница 6 класса Лесной школы Люба Доброва. Пятница, 28 мая 1986 года».

Ничего более содержательного и уж тем паче желаемого Недомерку в собранных им бумажках не было. Так что капитан Матюшин напрасно переживал за опасности, подстерегавшие девственное сознание учеников интерната. Ни Лев Ильич, ни его коллеги не сумели какими-либо серьезными знаниями замутировать эту непорочную чистоту.

Леонид Валентинович по давней привычке подшивать любую бумажную ерунду к материалам оперативного дела взялся было аккуратно складывать листки с детскими каракулями, но спохватился.

«Кому я собираюсь показывать эти творения? Единственно, кому их можно показать, – это директору... Чтобы знал... Это же дебилы...»

Недомерок понял, что надо немедленно остановить выезд группы, потому что у него ничего нет на подозреваемого... Совсем ничего... Отбой, и – будь, что будет...

Необходимо было срочно отыскать директора и воспользоваться телефоном у него в кабинете.

«Где ж его носит? Рабочий день в разгаре, а все директорские кабинеты на замке».

* * *

– О-о-о, легок на вспомине, – радостно встретил появление Недомерка Алексей Иванович. – Сядайте к нам – не побрезгайте. – Он сдвигался по лавке, высвобождая местечко.

– Какое там «сядайте»? – наигранно удивился капитан, оценивая степень опьянения коллектива и приходя к неутешительным выводам. (Тем более надо звонить и бить «отбой», чтобы коллеги не увидели этого безобразия. А ведь потребуйся сейчас понятия – и взять негде... только с собой везти.) – Какое «сядайте»? – повторил он. – Рабочий день...

– Та шабат ведь, – чуть виновато выставил в оправдание Федор Андреевич.
– Шабат наступает с первой звездой, – возразил Недомерок, взглянув на часы. – Еще почти четыре часа до шабата.

Все удивились и даже не очень поверили.

– А что вы такого обо мне вспоминали? – не сдержал любопытства Недомерок.

– Кады? – не понял Степаныч.

– Вы меня встретили словами «легко на вспомине», – сказал Недомерок. – Вот мне и интересно...

– А это мы про радиацию гутарили, – взялся объяснять Алексей Иванович, – которая на нас прет из Чернобыля. Федор Андреевич, дай бог ему здоровья, растолковал по своей физике, что против радиации надо пить по слегка... Не бушь? – протянул он в сторону Недомерка стакан. – Ну, как знаешь, – не стал он настаивать, когда Недомерок отказался.

– А я при чем? – так и не понял капитан.

– Так получается, что если кто не пьет, – взялся объяснить Григорий, – так ему кранты от радиации, а ты не пьешь... Вот мы тебя и пожалели... и выпили за тебя, а тут и ты...

– Страшное дело, мужики, – ахнул Степаныч. – По всему видать, что программа, которая за нашу трезвость, против нашего здоровья. Она на нас радиацию?..

– Ну это ты брось, – протрезвел Федор Андреевич. – Брось и никому не повторяй, – строго попенял он.

– Так я ж не сам, – взялся оправдываться Степаныч. – Это с ваших слов так получается.

– Ты мне этого не шей, – погрозил пальцем директор. – Вот что я тебе скажу, Леонид Валентинович, – обратился директор к Недомерку, толком и не зная, что ему сказать, а лишь затем, чтобы отвлечь всех от завхозовых откровений. – Может, выпьешь с коллективом? – перебил он сам себя.

– Не могу – служба, – отчеканил Недомерок.

– О-о-о, именно про это я тебе и хотел сказать, – вспомнил Федор Андреевич свои недавние (или давние уже?) размышления. – Бросай ты эту свою службу. Тоже мне служба – людей вязать... Ты переходи к нам назусим. С детьми у тебя получается... Поженим тебя...

Недомерку показалось, что он это все уже когда-то слышал, но сейчас ему было не до этих психологических казусов – надо спешить, пока еще не поздно скомандовать «отбой».

– Мне нужна ваша помощь, – позвал он Федора Андреевича. – И очень срочно.

– Опять? – удивился Федор Андреевич. – Не пишут, паршивцы? Ну, я им сейчас задам! – Он стал выкарабкиваться из-за стола. – Зараз я им...

– Все в порядке. – Недомерок взялся корректировать намерения директора. – Написали...

– А чего тогда?.. Кака така помощь треба?

– Валентиныч, а давай мы табе дапаможем – давай прямо сюды приволокем нашего Ильича? – от доброты душевной предложил Сергей Викентьевич. – Усадим вас за стол, нальем по стакану, и – выясняйте свои непонятки...

Ох, как хотелось всем этим помощничкам скомандовать: «Смирно!», всем сразу. А потом чтоб бегом и несколько кружков по стадиону, чтобы вся пьянь, вся дурь – вон...

«Только ведь не послушают, – понимал капитан. – Еще и осмеют в придачу... Не-ет, отбой и немедленно... Пусть даже и увольняют...»

* * *

Федор Андреевич открыл дверь кабинета, что при входе в школу, и пропустил капитана вперед. Тот уселся за директорский стол и придвинул к себе телефон – придвинул, как самый обыкновенный аппарат, а это был заграничный телефон, полученный по знакомству и предна-

значавшийся большим начальникам. Он и питался не от телефонной розетки, как отечественные, а еще и от электрической, и наворочено в нем было всяких возможностей – не упомнишь.

– Чего-то еще? – спросил Федор Андреевич. – Там все просто, – показал он на телефон, – номер набирайте, как на обычном, а другие кнопки не чапайте.

– Я знаю, – нетерпеливо отозвался капитан. – Вы меня простите, но разговор секретный.

– О ты холера! – ругнулся Федор Андреевич невесть в чей адрес. – Как насекретничаетесь – ключ ко мне, – велел он и вышел, грохнув дверью.

– Здорово, физрук! – загремел в трубке голос начальника, едва Недомерок набрал номер. – Готов к оздоровительным процедурам?

– Готов, – не понимая о чем речь, ответил капитан.

– Ну то-то же... А самогон отыскал?

– Да этого добра полно, – отмахнулся от слов начальника Недомерок и только тут вспомнил, что начальник говорит шифром, – он же (идиот!) настоял, чтобы пользовались шифром, и самогон означает самиздат... – Нет-нет, – заорал исправлять информацию Недомерок. – Не совсем самогон.

– Фирменное? Западное питье? – выспрашивал полковник.

– Не совсем. («Это он про тамиздат», – перевел Недомерок.)

– А что у тебя там?

– Да бормотуха и ничего более, – решил симпровизировать Недомерок, намекая, что книги, которые зашифрованы как бутылки с питьем, только нашего производства...

– Какая бормотуха? Что за бормотуха? – орал полковник, не понимая. – А-а, это магнитофонные записи? – догадался он, наплевав на шифрование. – Тоже неплохо. Главное, чтоб градус был, – вернулся он к секретному коду. – Чтоб с ног сшибало...

– Подождите! – заорал капитан и...

Ослеп! Совсем ослеп!..

Непроглядная темень обрушилась на него, а уши залепила тишина. Глухая мертвая трубка выскользнула у него из рук, и животный ужас перехватил дыхание.

«Наверное, это и есть удар... как его – кровоизлияние?.. Вот так оно и бывает. А не надо было гореть на работе – от этого сгораешь... Что же теперь?.. Интересно, а говорить я могу?..»

– Свет, – тихонько прошептал капитан, радуясь своему же шепоту. – Свет! – заорал он что было силы. – Све-е-е-ет!!!

Он тянул крик некоторое время и не заметил, что свет уже горит, и дверь открыта, а на пороге стоит техничка Наташа, прозванная за толстоту Недожорой.

– Звяняйте, – сказала она, когда Недомерок прекратил орать. – Андреич ушел, я и подумала, что тута никого, заперла и свет загасила.

– Иди-иди, – нетерпеливо замахал на нее Недомерок и бросился набирать номер управления.

«Выехали», – догадался он, слушая длинные гудки. (Лучше бы застрелиться.)

3. Недотепок

– Что он тебе сказал? Что?..

Лев Ильич услышал свистящий шепот Недомерка и какую-то возню за углом, куда только что свернул Дим. Яснее ясного, что именно про него Недомерок пытается Диму. Только чего можно допытываться у больного ребенка, который к тому же и не говорит?.. Лев Ильич хотел вмешаться, но раздался громовой окрик тет-Оли, и стало понятно, что Димка уже под надежной защитой.

Замечательная деваха эта Ольга Парамоновна. А смотрит на Льва Ильича всегда с такой жалостью, что только дрогнул он хоть одними ресницами – сразу и пожалеет, одарив всем своим молодым напористым жаром. Надо сказать, что интернатовские барышни почти все готовы были поделиться с ним не слишком растроченным теплом души и тела, даже если пока и не знали про это, полагая в своем внимании к Йефу разные иные причины. Например, географичка Алевтина Николаевна смотрела на Йефа опасливо, а слушала его и вовсе с испугом. Но и в испуге ее было какое-то скрытое восхищение – только поддайся, и утянет с головой. Ну а совсем молоденькая воспитательница Ирина, не так давно выпорхнувшая из местного педа, глядела на Льва Ильича, замирая и не дыша. Она пошла бы за его голосом, как за дудкой крысолова, неважно куда...

Кстати говоря, она и про крысолова этого досконально разузнала лишь в интернате. Раньше, конечно, слышала выражение «пойти за дудкой крысолова», но думала, что это намек на стыдно сказать что. А здесь, в школе, подменяя однажды Йефа в вечернюю смену, Ирина Александровна никак не могла отбиться от его воспитанников и уложить их спать – требовали рассказать какую-нибудь историю. Пришлось пообещать, и на следующее вечернее дежурство она пришла со сказками братьев Grimm, взятыми из библиотеки Йефа, точнее его сына. Читала и постепенно так увлеклась, что забылась. И дети уже все заснули, а она все читает. Обнаружив, что дети спят, она, конечно, прекратила читать, погасила свет в палате и пошла к себе в общежитие, но там, вместо того чтобы лечь и уснуть, открыла книгу и читала до рассвета.

– Не спится? – любопытствовал Недомерок поутру, столкнувшись с ней на крыльце.

– Представляете, – удивлялась сама себе Ирина Александровна, – сказки читала всю ночь напролет. У Льва Ильича взяла – такая замечательная книга!

– Какие сказки? – встал в профессиональную стойку капитан.

– Братьев Grimm, – смущаясь призналась Ирина.

Капитан не поверил. Если бы не это смущение, то, может быть, и поверил бы – искренняя ведь девушка, но смущение явно говорило о том, что Ирина Александровна врать не приучена, хотя и приходится.

Конечно же, Недомерок обшарил (по процессуальному – осмотрел) комнату своих соседей при первом же удобном случае. Никакой крамолы не обнаружил, а толстенный том сказок братьев Grimm нашел и даже поискал неведомо чего между страниц. Но и там ничего по своей части не обнаружил – ни записей на полях, ни инородных вложений. Все равно не поверил.

Да какой там труд задудеть голову юной дурочке – тут и крысоловом не надо быть. А вот очаровать завуча – это мало кому удалось бы, но Лев Ильич чувствовал, что даже за явно осуждающим его отношением завуча скрывается вовсе и не осуждение, а сожаление какое-то: то ли о молодости, пролетевшей так быстро, то ли о том, что она пролетела не так, как надо бы.

Короче говоря, Лев Ильич купался в женском внимании – даже в женском влечении, хотя подумать такое в ту давнюю и невинную эпоху было бы великой дерзостью. Но думай не думай, а влечение было, и оно грело Йефа и позволяло ему с некоторой даже излишней лихостью отгонять липкий страх, висящий где-то рядом, чуть ли не за спиной и цапающий

время от времени сердце холодной лапой, да так, что оказываешься сразу один-одинешенек посеред сквозной тоски.

– Не опасаетесь своего легкомысленного вольнодумства? – спросил его Недомерок дней двадцать назад – чуть ли не с сочувствием...

Дело было 9 мая во время коллективного застолья, на котором завуч предложила выпить за Сталина, пояснив, что жизнь этого великого человека необычайно сильно способствовала расцвету нашей страны.

– Поэтому, – прозвенела голосом раскрасневшаяся Раиса Николаевна, – няхай ён будет вечно живым!

– Смерть этого великого злодея, – громко отчеканил Йеф, – куда более способствовала расцвету нашей страны, и поэтому пусть он будет вечно дохлым.

– Усе-усе, – решительно зазвенькал директор ножом по бутылке, удушая скандал на корню. – Наша мудрая партия вынесла Иосифа Виссарионовича из мавзолея вечной жизни и закопала на почетную смерть. Потому не будем переть против партии и вынесем Иосифа Виссарионовича, товарища нашего Сталина, из-за этого праздничного стола и выпьем за победу советского народа. И всем – до дна...

Вот там, когда Йеф, покачиваясь, курил на крыльце директорского дома, Недомерок и подкатил к нему со своим сочувствием – мол, не опасаетесь ли?

«Да какое там сочувствие! Это они по своим методикам тыкают постоянно – напоминают, чтобы не расслаблялся, чтобы знал, что гончие спущены... Сегодня – сочувствием, завтра – угрозами, потом – дружеским советом... Такие у них психологические опыты, чтобы было о чем в отчетах писать... Психологи-топтуны с маузерами набекрень».

– А стоило бы задуматься, Лев Ильич, – по-своему оценил молчание Йефа Недомерок и несколько вдохновился действенностью своих психологических приемов. – Стоило бы... Не мальчик уже – жена, ребенок, а вы все, извините, выпендриваетесь... Небось по вашему поводу демонстрации в Лондоне устраивать не будут – в защиту, так сказать.

– Не будут в Лондоне – устроят в Париже, – доверительно чуть ли не на ухо прошептал Йеф обалдевшему Недомерку...

* * *

Трудно сказать, продолжал бы он так же лихо дразнить гусей («гусарить», по выражению Надежды Сергеевны), если бы не вдохновляющее внимание друзей, знакомых да и просто окружавших и сочувствующих, тем более женщин. Ведь не надо обладать какими-то особыми способностями для понимания того, что именно эти внимание и расположение подпитывают его склонность к «гусарству», а оно все в большую скорость раскручивает воронку, утягивающую его из жизни.

Назад не отыграть – об этом не может быть и речи. Но замедлить вращение этой страшной воронки в его силах? Да пусть и не замедлить, но хотя бы не подкручивать самому?..

Как определить оптимальную стратегию жизни – чтобы и по совести, и по убеждениям, и на свободе? Проще всего (а может, и правильнее?) было бы успокоиться на мысли, что влиять на действия своих гебешных противников мы не в силах, а потому в нашей власти следить только за тем, чтобы по совести и по убеждениям, а продолжительность времени на свободе определяем не мы, и нечего по этому поводу беспокоиться. Но в такой позиции есть какое-то лукавство. Ведь понятно же, что если специально дразнить гусей, то время тюрьмы сильно приблизится и приблизится именно твоими действиями. Или нет?

Самой распространенной все-таки была железная позиция, призывающая ни во что с гебешными уродами не играть и поэтому даже и не пытаться влиять на их действия. Но вот Йеф, взжик и – слинял из Москвы, когда уже все вокруг сцепилось в непременный арест. И по

уму слинял – в другую республику, с работой, с пропиской, то есть на постоянное жительство. А это значит, что дело его на какое-то время зависнет, потому что белорусские чекисты начнут его оперативную разработку наново. Такая система: московские коллеги отнюдь не побегут передавать свои находки собратям по оружию – не для того работали. Справку с общей характеристикой пришлют, а все оперативные наработки будут хранить у себя. Ну а белорусские орлы невидимых фронтов, ясное дело, не предполагают, что коллеги из Москвы будут шуровать по их территории и продолжать свои оперативные изыскания. Да и никто такого не позволит. Территориальная компетенция-с-с-с...

В общем, очевидная передышка, и при том рукотворная, придуманная своими силами в противовес гебешным планам. Значит, все-таки можно влиять на их планы? Или нельзя?

Главные Йефовы споры по этому поводу были с женой. Его Надька считала, что он может (и должен) вести себя более благоразумно. Теоретически Лев соглашался, что это правильно, но на практике они по-разному представляли уровень необходимого ему благоразумия.

– Ну почему нельзя было сказать им, чего они хотели? – кричала сквозь слезы Надежда, когда ему вlepили двойку на госэкзамене по научному коммунизму.

– Я правду говорил. – Левка не знал, как успокоить жену.

– И чего ты добился своей правдой? Любой дебил будет про тебя думать, что ты дубина и даже сраный научный коммунизм не смог сдать...

– И пусть себе думает.

– Да пойми же ты! – Надька как-то вдруг успокоилась. Наверное, от полной невозможности достучаться до мужа – хоть изойди слезами. – Ну услышали тебя и твою правду пять пердунов.

– Три, – засмеялся Лев.

– А с дипломом у тебя появилась бы возможность лучше устроиться в жизни и найти, в конце концов, более многочисленную аудиторию.

– Пердунов?

– Не важно кого. Более представительную. На которую имело бы смысл влиять правдой твоей и фактами всякими.

– А знаешь, Надька, если бы я был еще терпеливей и закончил аспирантуру, защитился, вступил в партию, продвинулся на серьезные посты, то однажды вышел бы на трибуну перед каким-нибудь очередным съездом и жажнул бы там всю правду и все факты – вот было бы влияние...

– Не понимаю, чего ты ерничаешь? Если бы такая фантастика была возможной – чего плохого-то?

– Да меня бы какая-то гнида там непременно спросила, а в какой жопе я сидел раньше со своими фактами и своей правдой? А еще верней, я бы к тому времени сам стал одним из этих пердунов, что за правду вкатывают негод.

Они не могли договориться, потому что говорили о разном. Она о том, как жить, чтобы всегда всем вместе – втроем. А он о том, как развернется когда-то их жизнь: он со своей правдой – по этапу, а она с Данькой – неведомо куда.

Тогда в Москве эти разные векторы их жизни обозначились только теоретически, а сегодня утром при разговоре на шалашовой поляне, когда он сказал, что придется постараться и не искать поддержки родителей, не раскисать, а полностью отвечать за сына, – этими словами он как ножом отделил свое будущее от их жизни с Данькой.

Почуял беду, караулящую впритык за спиной? Может быть...

– Йеф-Ич! Йеф-Ич! – бежала за ним Люба Доброва, спеша сообщить что-то исключительно важное. – Йеф-Ич, вас директор искал... только что, – в два раза вытолкнула Люба, восстанавливая дыхание.

Несколько мгновений Лев Ильич выдирает себя из воспоминаний и раздумий по кускам.

Выдрал... Осмотрелся. Погожий денек. Просто исключительный денек. Йеф мудро решил, что еще не вечер (сам не понимая, как это точно).

«...Пора заступать на смену – шестиклашки бродят по школе безо всякого воспитательного пригляда. Сейчас уже не успеть забежать домой на завтрак с женой и сыном. Ничего, можно будет навестить их позже... Еще директор зачем-то искал...»

* * *

– Витя, что с тобой? – углядел Йеф Махана. – Кто тебя избил?

– Упал... Сам упал... Но я ему еще устрою...

– погоди, – отпустил Йеф руку извивающегося Махана. – Кому ты устроишь?

– Кому надо...

– Идем к врачу, – потянул Йеф.

– Никакой врач не поможет, – продолжал бурчать Махан, не уточняя, кому не поможет врач – ему или тому, кому он что-то устроит. – Да не тяните меня, – закричал он Йефу. – Не пойду я к вашему врачу. Я у медсестры был. Само пройдет.

– Ну хорошо, – согласился Йеф, планируя зайти в медчасть и расспросить там про состояние Маханова. – Пожалуйста, сзови всех наших на спортплощадку. Попробуем организовать что-либо исключительно полезное. Например, сходим на детское озеро и проверим, как там вода, – не пора ли открывать купальный сезон?

Махан рванул сгонять одноклассников, но окоротил себя и перешел на медленный шаг вразвалочку – цепляя ногу за ногу...

– Сзови ему!.. – бурчал себе под нос Махан. – Вася туда, Вася сюда... Ты безногого своего погоняй... Я ему твоему такое устрою – сам не признаешь. Не тока мордой, а целиком станет синюшный...

«Он даже не подозревает, какие счастливые минуты ожидают его, – думал Лев Ильич, глядя вслед Махану. – Он сможет впервые прочесть Джека Лондона... Да практически все у него будет впервые... Мне бы такую возможность: Джека Лондона, но теми жадными глазами...»

– Какое озеро, Йеф-Ич? – встретила Льва Ильича на спортивной площадке Люба Доброва. – Сегодня же последний день: родители напонаедут, завуч про табеля станет ругать... Сегодня с вокруг школы – никуда...

– Точно, – вспомнил Йеф. – Спасибо. Принеси хоть мяч из класса – чего так болтаться? – Йеф дал Любке ключ от шкафа в классе, где хранился разный инвентарь.

«А если они не будут читать Джека Лондона? – Йеф смотрел на собирающихся вокруг шестиклашек, прикидывая, стоит ли и вправду им завидовать. – Если вообще читать не будут? Окрепнут и поползут хватать, рвать, размножаться... жрать и ломать. Это же инстинкт детдома: только то может быть твоим, что съел или сломал, – все остальное не сохранить, как свое. Кто их удержит от плохого? Наверное, в мире изначально нет ни добра, ни справедливости. Это мы сами создаем справедливость из хаоса и зла – больше ведь не из чего. Кто читал Джека Лондона – те и создают. А если не читали? Что они будут создавать из хаоса мира?...»

– Йеф-Ич, а вы в Москве были?

– Че ты пристаешь? Ясный пень, был. Недомерок казау...

– А мне вот интересно, и я спрашаю... Вот ты знаешь, из чего Кремлевская стена сделана?

– Ясны пень, из кирпичей.
– А я думаю – из железа...
– Дура ты, и ничего больш... Во всем мире стока железа нету...
– А почему тогда говорят «железный занавес»? Сама по радио слыхала... Ага, не знаешь...

– Я как вырасту, первым делом поеду в Москву.
– Тока тябе тама и ждали! Заждались прям...
– А вот и поеду!..
– Ну и чаво табе тама нада?
– Я первым делом в мавзолей пойду. Там Ленин...
– Ты бачыла по телику, какая там очередь?
– А я раней усех приду и займу. Подумаешь, очередь... Усюду очередь – не привыкать.
– А билет? Можа ён стока стоить, скока у тябе и николи ня будэ?..
– Да-а, наверное, он дорого стоит. Ленин ведь один, а тех, кому посмотреть, – море...
– Йеф говорил, что в мавзолей забесплатно.
– Хлусня. Такая очередь и – бесплатно? Не можа быть...

«А ведь на завидки и мечты у тебя попросту нету времени, – попенял себе Лев Ильич. – Вообще, чем меньше остается жизни, тем больше приходится корректировать мечты и оставлять самое-самое. Это наша плата за взросление. За все приходится платить...»

– Йеф-Ич, – затеребил воспитателя за рукав Ваня Безродный. – А в мавзолей за гроши или так?

– За все приходится платить, – повторил Йеф вслух. – Постой-постой, – врубился он в реальность. – Ты про мавзолей? Туда бесплатно. Гляди на здоровье.

– Лев Ильич, погодите, – кричала издали кастелянша Наталья Васильевна, поспешая и смешно переваливаясь с боку на бок. – Боялась, что вы своих куда увели...

– Хотел, но не получилось. Административные торжества...

– Во-во, – согласилась кастелянша. – Значит, так, – другим, громовым голосом обратилась она к детям. – Шестой класс, учет белья! Домашние – сдают, интернатовские – считают... За мной – в спальный корпус!..

– Мы уже седьмой класс, а не шестой, – поправила ее Люба.

– Мала еще со мной спорить, шмакодявка. У тебя на трусах на штампе че написано? Сейчас сыму перед всеми и заставлю вслух читать. Потому что написано там – шестой класс... А то, ишь, спорит она!

* * *

– О, Ильич! – обрадовался Йефу Федор Андреевич. – С возвращеньцем!

Директор копался в аппаратуре радиоузла, размещенной в его же кабинете физики, чтобы именно отсюда управлять школьной громкой связью (радиорупором, если прощ).

– Во холера! – раздражался директор. – Никто не хочет ничего робить – даже железяка эта. А если так? – торнул он в проводок.

«...есять часов московского времени, – ожил радиоузел, но тут же засвистел, возражая директорским усилиям закрепить нужные проводочки. – ...заботой Коммунистической партии и Советского правительства о жителях тех районов, которые в результате аварии на атомной электро... – Проводочки опять вырвались из-под пальцев директора, а он упрямо продолжал ставить их на место, грязно ругаясь на них – даром, что тихо... – ...переменная облачность, без осадков, температура воздуха 19 градусов по Цельсию. Вы слушали прогноз погоды на сегодня, 28 мая 1986 года. А теперь...» – И опять радиорупор затих, в этот раз как-то надежно затих.

– Ну не холера? – сокрушенно спросил директор гостя. – Конечно, холера... Надо будет Григория позвать – няхай припаяе.

– Искали? – напомнил о себе Йеф.

– Да-да. Книгу твою вернули... Со спасибом даже. А я, стыдно признаться, малость труханул, думал – хана! Сдаст, думал, этот мой знаемыш. Я-то и знал его на чуток – один раз с приятелем моим приезжал сюда, вот и напридумал про него всяко-гадко, а он, оказывается, человек. – Федор Андреевич передал Йефу томик «Архипелага», завернутый в старую измятую газету. – И вот чего я подумал. – Директор усадил Йефа за свой стол, а сам сел напротив. – Судя по виду книжки, много рук она прошла, вельми много. Да я и сам, считай, всем своим приятелям давал. А приятели эти – еще кому-то. При этом приятели мои поголовно не рядовые члены нашей кровавой партии – совсем не рядовые... Удивительное дело!

– Чего удивительного? – не понял директора Йеф.

– Никто не донес. Никто не побег сдавать такую замечательную вражескую книгу. А ведь это рискованно – не побечь...

– И вправду удивительно, – согласился Йеф. – Это доказывает, что книга очень хорошая – пробирает любого. Каждый после нее становится лучше и понимает, где правда, а где ложь и злодейство, и никто не желает быть там, где злодейство. Вот продавалась бы она свободно и прочли бы эту книгу все. Тогда...

– И тогда все было бы, как сейчас. Ну, можа трошки лучше... Уже тем лучше, что прятать не надо было бы – читай открыто... Хотя, думаю, если бы Солженицын этот, дай ему бог всего-всего... если бы он взошел командовать, то он бы силком заставил всех книгу свою читать, да еще обсуждать в рабочих коллективах, как историю ВКПб.

– Не клевети на великого человека, Андреич...

– Экий ты наивный, Ильич – смотреть жалко...

– Чем это я наивный? – запротестовал уязвленный Йеф, стараясь не демонстрировать эту свою уязвленность.

– Да этими твоими «каждый понимает», «никто не желает»... Не в этом дело. Все и всегда всё понимают про злодейство. Безо всяких книг. И те, кто доносы писал, и те, кого их заставляли подписывать, и те, кто заставлял. И приятели мои, партийные начальнички, когда аплодируют, бурно переходя в овации, тоже все понимают. Думаешь, Солженицын им глаза открыл, а без него они, что слепые котята, были? Да они все это всегда знали, ну, может, без каких-то цифр или каких-то конкретных событий, но понимали... И поэтому никого эта книга не может сделать лучше, все останутся сами собой – хоть читай, хоть не читай. Вот спроси, например, нашего Степаныча: врет ли власть? Он и безо всяких книг ответит, что врет. А спроси: злодействует ли? Он пооглядается, но если не спужается, то ответит, что всегда. Потому что любая власть врет, крадет и злодействует, но всегда старается тишком. Им тож боязно: спросят ведь – не обрадуешься... А вот если спросить некому и в злодействах повыш макушки, тогда – беда... Так что нашему Степанычу твоя книга безо всякой надобности. Какие-то истории из нее он с радостью послушает, а читать и не станет. Чего читать? Все и так вядома... А Степаныч – это, милый мой, не нам чета, это сам народ.

– А если Солженицын станет командовать? – засмеялся Йеф. – Тогда прочтет?

– За божницу сховае и всем проверяльщикам будет показывать. А читать все одно не станет. Между нами говоря, я и не уверен, умеет ли он читать-то. Расписываться умеет, по крайней мере в ведомости.

– Так почему же не сдали?

– Кого?

– Книгу почему не побежали сдавать, если не стали от нее лучше? Чуток, а лучше?

– Понимаешь, кака штука: у всех у нас на совести столько всякого. У кого стыда, а у кого и пострашнее. За всю жизнь понабралась ноша – самому не скинуть... А тут этот Солженицын

нам как бы отпускает грехи наши. За одно только отпускает, что мы прочли книгу его. Так и говорит: спасибо, мол, от всех тех, кого сгубили. А ведь он имеет право от них говорить и их именем грехи отпускать – он же про них такую книжищу написал!.. И вот мне спасибо – только за то, что прочел. За то, что осмелился прочесть. Я еще и страницы не прочитал, я еще, может, рассуждал: читать или сразу отнести куда надо, а он мне – спасибо. Дорогостоящий. Куда я теперь пойду труса праздновать, если мне уже спасибо за мою смелость? Вот как он по уму...

– И по совести...

– Ну да, и по совести.

– Значит, все-таки читатель становится лучше? После книги или после «спасибо», но становится?

– Не сильно... Скажем, как есть, – не сильно...

– Стало стыдно праздновать труса, – повторил Йеф мысль Федора Андреевича. – Это в наше время очень сильно... и очень много... Я бы даже сказал, что так себя вести – это игнорировать реальность, и это самое оптимальное сопротивление властным уродам...

– Запутал, совсем запутал. Ты вот что скажи мне, Ильич, ты сам чувствуешь, как кружит над тобой Недомерок наш? Что коршун кружит...

– Да чувствую, конечно. Жена еще острее чувствует, и это уже беда.

– Так навоштал ты его дразнишь? Затаись.

– Похоже, что уже поздно. Таись не таись, а у них там уже все решено.

– Чуешь, что так?

– Кто знает! Но по всему выходит, что так.

– А давай, ты ему книгу эту сдашь и скажешь там, что больш книг – ни-ни...

– Ну ты и удумал, Андреич! Все твои начальнички, стало быть, не стали праздновать труса, а я сам побегу?

– Твоя правда – несолидно. Ну без книги тогда. Подойди к нему как товарищ по работе и скажи, что, мол, больш ни-ни. Ни книг, ни разговоров там всяких...

– Этим не насытятся, Андреич, сам же понимаешь. Потребуют по полной – разоблачишься, покайся, выдай, подпиши... Все это такая гадость – ни одна душа не выдержит.

– Ну, Ильич, тут ты опять наивничаешь. Души нам даны, что резина, грузишь ее, нагружаешь – все терпит...

– Нет, Андреич, нельзя так. Пускай мы и не можем принести в жизнь больше справедливости, но не приносить больше гадостей мы можем. Это точно в наших силах.

– Ну, дай тебе Бог, Ильич, коли так. Может, книжечку пока мне прихватить? Вечером заберешь – потемну...

– Спасибо.

* * *

– Ой, Лев Ильич, а я как раз вас искала. – Йеф чуть не столкнулся с Алевтиной Николаевной на выходе из кабинета физики. – У меня к вам дело, очень секретное дело, – подвинулась впритык Алевтина Николаевна, почти не замечая, что уже касается Йефовой груди обоими глобусами.

Она сходу почувствовала обидно незначительную ответную реакцию и сильно огорчилась. Алевтина Николаевна была уверена в своей сногшибательной красоте – да просто в своей неотразимости, навстречу которой должно немедленно вставать все живое.

– Весь внимание, – слегка отодвинулся Йеф.

– Лев Ильич, у меня скоро день рождения, но это летом – отпуска там... В общем, я решила отметить заранее. Приходите в общежитие, где Ирина с Мариной. Очень прошу. – Она

опять заговорщицки придвинулась, просто оперев глобусы в Йефа. – Чтобы выпить с вами за счастливую жизнь.

– Счастливая жизнь, – прошептал ей почти на ухо Йеф, – достигается, если жить неосознанно в неосознанном мире, то есть без размышлений и напряжений сознания, без рефлексии – одними инстинктами. Вы хотите так?

– Очень хочу, – чуть порозовела Алевтина. – Приходите непременно...

«Роскошный экземпляр – наша Алевтина. Она ведь, кажется, секретарь школьных коммунистов. Зачем ей это? При ее экстерьерере еще и секретарь... А это чтобы не упустить ничего. Это представитель особого вида, сложившегося в ответ на коммуначий террор. Террор был особенно страшен тем, что от него не спасала никакая социальная ниша. Гибли не лучшие (хотя лучшим всегда труднее извернуться от гибели) – под ударом мог оказаться любой. Не было алгоритма спасения, и это порождало особую породу – угадчивых и гибких. Они и унаследовали мир».

Йеф даже рассмеялся – так нелепы были его попытки увязать красный террор с насущными желаниями Алевтины Николаевны, совсем даже неплохой бабы – не в меру аппетитной и в меру несчастной.

«Если во всем видеть следы коммунак и гебни, то можно совсем поставить мозги раком», – одернул сам себя Лев Ильич.

Первые стайки родителей просачивались на территорию перед учебным корпусом.

– Лев Ильич, вот и вы! – радостно приветствовала его воспитательница Ирина. – А где наш класс?

– Кастелянша им чего-то пересчитывает.

– А я, знаете, что разузнала? – улыбалась она ему. – Я вчера в Витебске была на лекции по международному положению и там про такое узнала – закачаесть.

– Не сомневаюсь, – встречно засмеялся Йеф.

– Одним словом, вам нечего больше опасаться.

– Это вы про что? – покраснел Йеф. – Про наши отношения? А при чем здесь лекция?

В самом начале работы в интернате Лев Ильич неожиданно и совсем необдуманно поддался на головокружительное восхищение Ирины Александровны и закружился без каких-либо оправданий. С той поры он держался с ней подчеркнуто поодаль, а она проявляла к нему постоянное внимание и даже опеку, не посягая на большее, но в надежде чего-то большего...

– Нет, не про наши. Их вы продолжайте опасаться, – пошутила (пошутила?) Ирина. – Там говорили о политике партии, о перестройке и о возвращении ленинских норм в нашу жизнь. Вот поверите? Этот лектор говорил прямо, как вы, про застой там и про репрессии...

– Милая моя Ирина Александровна! (Напрасно он так – она даже засияла.) Уважаемая Ирина Александровна, возвращение ленинских норм в нашу жизнь не сулит ничего хорошего. Ленинские нормы – это каждого десятого...

– Чего каждого десятого?

– К стенке.

– Вам бы все шуточки шутить!

– А при чем тут международное положение?

– Чего? – Ирина уже думала о чем-то другом.

– Вы сказали, что лекция была о международном положении.

– А-а, это очень интересно, – очнулась Ирина. – Оказывается, это американцы устроили нам Чернобыль, чтобы мы не смогли выполнить перестройку с ускорением.

– И вправду интересно, – засмеялся Йеф. – Я вас очень прошу, дорогая моя (опять не то – она так и потянулась к нему), не ходите на лекции общества «Знание». Никогда не ходите. Лучше на танцы.

– А на день рождения Алевтины вы придете? – вдруг спросила Ирина. – Хоть загляните. «Пусть случится хоть что-то, – подумала она. – Хоть землетрясение, хоть бомба – только бы стало понятно, что делать и как жить...»

Она не в силах была управиться с желаниями и заботами, раздирающими ее, и призывала что угодно – хоть и несчастье, но только бы окончились все нынешние раздразни.

«Хоть бы конец света – лишь бы не застилать эту комкую постель, – думал в это же время Махан, оглядывая, что сделала кастелянша с его койкой. – И морда синяя, и Угучева батьку американцы завалили. Теперь он там помер на всю жизнь. Как мой отец будет там без надежного друга?.. Не-ет, лучше конец света...»

А вы думали, что разные катастрофы обрушиваются на нас сами по себе? Как бы не так! Это кто-то (если не мы сами) терзает мироздание, требуя, чтобы случилось хоть что-то и помогло ему справиться с проблемами, которыми он уже управить не может...

«Они что, сбрендил все разом, – прикидывал Лев Ильич, – и потому появились какие-то особые беспокойства? Сначала Алевтина, потом Ирина... К тому же с Алевтиной ведь почти ничего и не было. Что же их так рассердило? А может, это и есть особая женская интуиция? Может, пора помолиться? Или лучше воззвать к собственному ангелу-хранителю? Только он, наверное, так утрудился в моей юности, карауля разные безумства, что сейчас отдыхает – не добудишься...»

* * *

– А мы тебя уже и не ждали, – встретила Надежда Сергеевна мужа. – А твой класс? Завел куда в болото, как Сусанин?

– Отставить шуточки. Класс считает штампы на белье. Ответственная работа, и меня к ней не допустили.

– А почему у меня на белье нет никаких штампов? – закричал Данька, тыкаясь в отца колесами коляски. – Я тоже хочу!

– Не дай бог, – отмахнулась Надежда Сергеевна, доставая белье из стиральной машины. Кстати сказать, отечественной, но с центрифугой, куда надо было перекладывать белье из моеющего отсека. Невзирая на заводские блямбы, весь женский коллектив школы с черной завистью считал машину импортной, полученной за продажу родины. Ведь по всему видно – хозяйственный муж и заботливый, не в пример интернатовским. Те, и родину продав, никакой машины жонке не купят, а пропьют все, как пропивают и теперь.

– Пап, а ты правда оставляешь нас и пойдешь в тюрьму? – спросил вдруг Данька, ухватив отца за руку. – Зачем?

– Вот-вот, объясни ему, – сказала Надежда и, подхватив таз с бельем, отправилась вниз развешивать.

Это был удар под дых. Йеф попросту онемел, перебирая возможные выходы из тупика, куда его загнали домашние.

Может, помогут и все объяснят близкие друзья? Те, кого Йеф оправданно считал соучастниками своей судьбы, не потому, что они какими-то поучениями привели его в эту вот тупиковую точку, а потому, что под их взглядами не выползти из губительной крутящей воронки – не вильнуть в сторону (под другими тоже, но под их – особенно)...

Можно попробовать спросить Коляку.

Коляка, небритый, вечно зябнувший на московских ветрах и морозах. Он долгими вечерами и ночами дотошно вычерчивал таблицы карьерных взлетов и падений выпускников

Академии Генерального штаба и полных георгиевских кавалеров, а в оконцовке получилась наглядная история Гражданской войны в России. Та история, которую многие десятилетия тщательно упрятывали во всякие спецхраны с глаз долой.

«Так что, Коляка, объяснишь моему сыну, зачем мне все это надо?»

«Ну, можно попробовать так. – Он смотрит на Йефа сквозь дым сигареты, прищулив один глаз и не очень-то веря, что Йеф его поймет. – Все мы, сопротивляясь официозу, создаем среду для структурирования новой культуры. Художественной и социально-общественной. Если эта культура достигнет тех же вершин, что и другие мировые культуры, – мы победим. А она достигнет. Она уже достигла. Солженицын в социально-художественной сфере, просто в художественной – собьешься перечислять, Сахаров в научно-общественной... И это речь не о диссидентской культуре, не о протестной, а о культуре, игнорирующей официоз, который норовит проникать всюду и править всем... Эта культура просто отрицает сложившуюся в стране реальность, создается помимо этой реальности. Это то сопротивление, которое нельзя побороть. Потом, вероятно, эту культуру назовут частью советской. Это и правильно и неправильно. Точно так можно русскую культуру считать отдельной структурой в мировой цивилизации, а можно – частью этой цивилизации...»

«Вот это объяснил, – съязвила бы Надежда Сергеевна, услышав доводы Коляки. – Ты, да и мы в придачу, стало быть, только среда. И поэтому сидеть тебе и четверг, и пятницу, и все дни, долго-предолго. А нам мучиться в эти же среды и пятницы. Почему же ты сам не попробовал создать чего для этой неофициальной культуры? Художественное, или общественное, или какое-нибудь? Тогда ладно, имеет смысл. А за перетюкивание? За это чего жизни класть? Это все уже есть – уже не пропадет, не исчезнет. Перестукивать на машинке то, что создают другие, – это, знаешь ли, и Недомерок смог бы...»

«Недомерок не смог бы, – возражает Йеф. – Только за деньги...»

Но Йеф понимает, что сына он ни в чем не убедил.

Может, позвать Пола?

Пол, серьезный и блестящий поэт, эрудированный, насмешливый и часто высокомерный. Когда-то давным-давно он предсказал падение Хрущева и в меру гордился этим, но недолго, хотя и заслуженно. После (и еще более заслуженно) гордился своими поэтическими импровизациями, которыми как-то поразил Евтушенко. Но главным у него были стихи, без импровизаций – сочиненные вполне традиционным способом.

«Ау, Пол, поговоришь с Данькой?..»

«Попробую. – Пол расчесывает бороду и прячет расческу в карман растянутой вязаной кофты. – Представь, что ты молекула внутри воздушного шара и все твои соотечественники тоже молекулы и тоже там, внутри. Всем нам достаточно свободно живется и дышится, потому что какие-то молекулы непрерывно бомбят своей башкой изнутри стенки этого шара. Перестань бомбить, и стенки сдвинутся, шар станет меньше – меньше свободы, воздуха, возможностей. Своеобразие нашей страны в том, что бомбят не все, удерживая объем свободы, а какие-то отдельные, а остальные просто наслаждаются простором, сохраняемым другими. Но если и эти другие перестанут долбить, тогда и свободы и простора сразу станет в нехватку... Надо отметить, что сейчас свободы куда больше, чем лет тридцать назад. Из этого следует, что долбить в удушающие стены – дело не только правильное, но и заразительное. Глядишь, когда-нибудь все станут поддерживать простор нашего мира...»

«Вот это утешил, – протестует Надька, которая, естественно, тут как тут. – Тебе, значит, башкой о стену? Нам с Данькой – тоже, потому что стена не разбирается, кто в нее по собственной дурости молотит, а кого вынуждают по родственным соображениям. Мы все, значит, бошки расшибаем, чтобы какому-нибудь Недомерку сохранять простор и возможности?»

Данька переводит глаза с матери на отца и по всему видно, что доводы матери куда понятнее.

Вдруг Лео сможет успокоить Даньку, соорудив какую-то забавную модель из нашего тупика?

Лео, человек бесконечного обаяния и остроумия. В придачу дотошный, но совсем не напряженный конспиратор. Йеф, например, так и не узнал, имело ли смысл закреплять телефонный диск в повернутом состоянии? Лео считал, что так жучки переключались с прослушки комнаты на прослушку телефона, и, стало быть, в комнате можно было говорить без опаски. Многие полагали, что все это ерунда и придурь, но даже если и так – придурки Лео никому не были в тягость, а повернутый диск совсем не мешал разговорам. Но главное в том, что Лео был щедро наделен талантами политолога и социолога. Лео задавал вопросы, точнее ставил. Если бы здесь водились политологи и социологи, то, отвечая ему, они бы сделали себе мировые имена. Но не водились, и Лео отвечал сам, то ли серьезно, то ли шутя.

«Любопытно узнать, как бы Лео развеял Данькины недоумения и обиды?»

«Каждый должен делать то главное, что движет им, – медленно начинает Лео, отмахивая от себя дым Йефовой сигареты. – Только этим продвигается жизнь. Без этого она завихрится в каких-то водоворотах и пропадет без следа. Рассмотрим, к примеру, сперматозоид. Он должен мчаться сломя голову, выполняя свою миссию, и ему нет дела, что с ним вместе в одном десанте летят товарищи с той же миссией. Он должен мчаться, будто он один и от него зависит продолжение всей жизни на земле. Другие уговаривают его не спешить, завернуть в теплое местечко, посмотреть разное интересное кино, но если в нем есть честь и совесть настоящего сперматозоида – он не поддастся на все эти уговоры и посулы. От него зависит продолжение самой жизни. В общем, лети и не сворачивай, и пусть будет то, что должно...»

«Вот это в самый раз, – совсем озлилась Надежда Сергеевна. – Нашему папаше-сперматозоиду главное летать по своим важным делам, а семья пусть будет в полной заднице... Кстати, – ехидничала Надька, – а если этот сперматозоид знает, что и он в заднице, куда ему лететь?»

«Нет, все эти наши разговоры, подначки, шутки с долей шутки – это все пока не для Даньки», – понимает Йеф, стараясь не встречаться глазами с сыном.

– Ты помнишь «Трех мушкетеров»? – решил Йеф. – Помнишь, как кардинал вызвал д'Артаньяна и предложил ему службу? А что ответил д'Артаньян? Что на его стороне все друзья, а на стороне кардинала – все враги. Может, это случайное стечение обстоятельств, но это так. Не злись на меня, дружок, я могу только повторить эти слова. Почему-то все враги на стороне Недомерка.

– Если б у д'Артаньяна был сын, он, может, ответил бы иначе, – возразил Данька.

– Если бы он ответил иначе – сыну было бы стыдно за него.

– Пап, а может, еще все обойдется? – Данька смотрел с такой надеждой – не отвернуться.

– Вполне... Кстати, а откуда ты все это узнал: про тюрьму и про меня?

– Угуч рассказал.

– Ври да не завирайся. – Йеф усадил Даньку на плечи. – Угуч ему сказал. Это на каком языке? Просвистел, что ли?

– Нет, правда. Я его научил, и он говорит.

– Ну идем искать Угуча. Найдем и поговорим с ним... Ох, я с ним поговорю... чтоб не сплетничал...

– Он с тобой не будет говорить.

– Почему это?

– Стесняется.

- Чувшь разную про меня – не стесняется, а как со мной, так и застенялся сразу!
- Мы недолго, – в один голос прокричали Йеф и Данька Надежде Сергеевне, развешивающей белье.
- А вы собственно куда? Скоро отец приедет – надо чего-то приготовить.
- Разрешаем, – приостановился Йеф. – Готовь, но не слишком радушно, чтоб не приваживать. Лучше пересоли все, чтобы в рот не взять, но вроде по любви... А мы поскакали Угуча искать.
- Да зачем он вам?
- Всыпем ему, а то болтает лишнее.
- А он еще и болтает?

* * *

- Чем шляться без дела, сходили бы лучше к Петровичу, – нагнал их голос Надежды Сергеевны. – Он вчера обещался рыбу для нас оставить с ночного улова.
- Ну что, Данька? – Йеф глянул вверх на сына. – Идем по рыбку?
- Идем, – подстеганул Данька отца ладошкой по спине.
- А как бы нам приучить нашу мамку, – размышлял Йеф вслух, – не кричать через весь двор? Может, научить ее свистеть? Это ведь куда лучше. Свистнет – мы и остановимся. Она подойдет и скажет про рыбку там или про что еще...
- Вряд ли, – усомнился Данька. – Свистнет – мы остановимся, и она крикнет про ту же рыбку.
- Твоя правда. Не будем и пытаться...

Сидор Петрович жил в поселке, но с того края, что поближе к школе, и Йеф решил, что успеет обернуться, пока его класс занят с кастеляншей.

Основной работой Петровича было браконьерство, а единственной мечтой – построить баньку, свою собственную, чтоб сам себе хозяин. Со строительством все время не ладилось, потому что Петровичу всегда хотелось «присесть на чуток и слегка курнуть» (если, конечно, к тому времени он уже не присел). Куда присесть – это не так важно: на корточки, на завалинку, на сидушку плоскодонки, с которой он браконьерил, на ступеньку крыльца продмага, где он спозаранку занимал очередь в винный отдел.

Жил Петрович один в какой-то хмурной избе без особого достатку, но и без нужды. Пенсия, браконьерство – этого хватало, тем более и расходов было не слишком много. Были у него какие родичи или он кругом один – Йеф не знал и сам не выспрашивал. Они и общались как-то настороже до одного случая.

Петрович курил махру, сворачивая из нее ладные и ровные сигарки, и однажды Лев Ильич попросил старика научить его этому искусству. (Почему-то весь тот день не отпускала нудящая мысль, что пригодится, вот и попросил – вынужденно, можно сказать.)

– Учить? Так учись. Дурное дело не хитрое, – согласился старик, предлагая Йефу присесть напротив. – Да чего оглядаешься? На корточки присядай – самое оно...

Петрович неспешно оторвал от газеты прямоугольную тарочку, перегнул ее вдоль и в изгиб засыпал горсточку крупной махры известного на всю страну Моршанского предприятия. Потом не очень ловким пальцем расправил махорку в тарочке ровно по всей длине. Получилось примерно на полторы сигаретные толщины. Теперь Петрович взял тарочку в две горсти и стал сворачивать сигарку, укручивая большими пальцами махру. Недовернутый край газетной скрутки Петрович обильно послонявил и заклеил, а потом, к полному изумлению Льва Ильича, взял готовую сигарку за один конец, а другим всунул всю целиком в свой беззубый рот и тут же вытащил уже обслонявую и выровненную губами в совсем правильный цилиндрок

– такая ровненькая сигарета. Это свое творение старик протянул Йефу, если и ухмыляясь, то незаметно...

Лев Ильич взял сигарку без какой-либо видимой заминки и с самым будничным видом всунул ее в рот, прикуривая от спички Петровича. Даже не поморщился. И это при его чуть не болезненной брезгливости! Долго еще Йеф ставил себе в заслугу ту учебу, а Сидор Петрович с той поры признал его за хорошего человека, хоть до того евреев не жаловал. Кстати, урок оказался не лишним – сигарки крутить Йеф научился.

– Живите добра! – приветствовал гостей Петрович, приглашая в горницу.

В доме был вечный сумрак, окна так и оставались законопаченными с зимы – с изжелтелой в хлам ватой между рамами (может, еще с позапрошлой зимы). В комнате было трудно дышать: воздух был испит целиком, выжжен махрой, выцежен какими-то страшными одиночными ночами.

Эта комната пугала Даньку, и он оцепенел, не умея понять, что тут не так.

«Первая неправильность – это дом без книг. Совсем без книг. Впрочем, не совсем. На стене – отрывной календарь, который с некоторой натяжкой можно назвать почти что книгой. Висит календарь на специальной картонке. На ней геркулесистый мужлан с молотом упирает свой меч острым концом в землю и плющит его, навалившись на рукоять всей тяжестью. Сверху надпись: «Перекуем мечи на орала». «Орало – это тот, кто орет... И его мечом?.. Мечом по оралу?.. Жуть...»

– Пап-пап, – затеребил Данька Йефа. – Пойдем на улицу!

– Давайте выйдем, Петрович, – не стал Йеф вникать в сыновы капризы. – Там и покурить сподручней.

– Няхай так, – согласился Петрович, доставая из мокрой травы в корыте солидную вязку лещей. Лещей он устроил в эмалированное ведро и накрыл крышкой. – Ведро потым прыня-сешь, – сказал он. – С тебе рубель.

– Спасибо, Петрович. – Йеф протянул деньги.

– Спасибо-спасибо, – пробурчал Петрович. – Ты отвыкай от своих «спасибо». Там, куда тебе упекуть, спасибкать не принято.

– Это ты о чем? – опешил Йеф.

– Да ладна, земля слухами... Хадиу тут одзин, пытау. Ростом не задауся, але языкатый... Гразиу за браканьерства... Да ладна... Я вот чаго спытать хотел. Тута на днях новый приказ у вас в Маскве издали про нетрудавыя дабытки. Это что ж получается? Совсем жизнь перекрыли? Сначала с трезвостью, потым с Чернобылем, а зараз – и не подработай нигде? Я думаю, что все это не зря. Я думаю, что это американцы нам специально гадят... – Петрович присел на корточки, снял кепку и стал задумчиво поскребывать затылок в крупную складку. – Я думаю, что пора на них бомбу спихнуть. Водородную.

– Петрович, ты сдурел?! Это же война – у них тоже бомбы есть. Тогда всему хана.

– А и няхай! Зато не будут так вот нагло...

Наверное, старость не слишком боится мировых катастроф. Какие катастрофы могут сравняться с самой страшной – с собственным скорым уходом?..

– Все ж в пепел, – не мог успокоиться Йеф. – И ты сам – в пепел...

– Так и няхай! Зато гордость соблюдем...

* * *

«А если снова – взжиг и слинять? – подумал Лев Ильич и даже остановился, удивляясь, почему эта простая мысль не пришла к нему раньше. – Вот прямо сейчас. А потом приедут Надька с Данькой, и будет еще пару лет... Нет, прямо сейчас не получится – на железнодорож-

ной станции мертвый час. Только товарняки. Наверное, можно и на товарняке, но так, пожалуй, свинтят еще быстрее – не Гражданская война, чтобы на товарняках мотаться. Ближайший дизель около шести. На Витебск. А туда – неразумно. Пока будешь болтаться на вокзале, все недруги-недомерки скорехонько сообразят, что к чему, и остановят. Нет, так не годится. Да и незачем бечь, теряя голову. Сегодня пятница, середина дня, вряд ли уже чего плохое случится – и время, и мысли все к выходным. А потом выходные – святое... До понедельника время есть. В общем, можно подумать, но если и пускаться в бега, то ночным «Ленинград – Киев», который около двух. Если в ночь на воскресенье, то и не пошевелятся. Недомерок, наверное, как всегда, укатит в Витебск, а когда в понедельник очнется, я уже тю-тю – на Украине. Там можно податься на родину Пола – он поможет».

Однако все нутро протестовало. Страна, разумеется, большая: здесь пару лет, там пару лет... Так можно и жизнь прожить. Точнее, пробегать, профукать... Чего это ему по своей стране бегать да прятаться?

Интересно то, что в его панических мыслях появился поезд «Ленинград – Киев». Этот поезд напоминал о в пустую растроченных днях, укорял в ленности и безалаберности, вызывал нелепое и даже смешное воспоминание, связанное с одним из самых острых переживаний полноты жизни.

Дело было прошлой зимой. Лев Ильич поскрипывал по легкому морозцу к ночному поезду «Ленинград – Киев», чтобы отправить письмо.

В те давние времена в почтовых вагонах имелась специальная щель для писем, очень похожая на щель обычного почтового ящика, которую требовалось так же открыть, повернув крышку вверх.

Почему-то Йефу очень надо было, чтобы письмо дошло быстрее, а на местной почте, как он справедливо предполагал, его письма откладывались для специального досмотра, придирчивого и неторопливого. Вот для этой быстроты Йеф и шел к поезду и, кстати, делал это довольно часто.

Ночь была какая-то необыкновенно роскошная, и это при том, что зиму Лев Ильич совсем не любил. Но все вокруг требовало обратить на себя внимание и любоваться, а если и не любоваться, то все равно радоваться: и этот совсем легкий морозец, не перехватывающий дыхание, и пушистые деревья, и тьма звезд над головой... Разве не странно: звезд – тьма, а от этой тьмы совсем даже и светло?..

И вот в таком приподнятом состоянии Лев Ильич прохаживается по перрону в ожидании поезда. И тут – сирены, мигалки, визг колес! К зданию станции несутся четыре «Волги» – не друг за другом, а две черные бок о бок впереди и две белые тем же макаром за ними. На полной мчатся. И не останавливаются у вокзала, а, обогнув его, выскакивают чуть ли не на перрон – тормоза визжат впритык, а сирены и мигалки продолжают разрушать ночную тишь.

Представляете – пушистые деревья, тьма звезд и эти проблески с визгом?..

Лев Ильич, естественно, решил, что все это по его душу. Мог бы и возгордиться от этого (такая сила, и вся на него), но не возгордился. И брехня, что в такие вот мгновения перед глазами пробегают чуть ли не вся жизнь. Литературный штамп. Ничего сколько-нибудь осмысленного в бошку не прибегало. Мысли шарошили, сталкивались, пропадали, стремительно сменяясь другими, снова сталкивались, не давая ухватиться хоть за какую. Сплошной вихрь. А гоняла этот вихрь весьма незатейливая мыслишка, определившаяся словом «жаль». Жаль, что не успел. Жаль, что не сказал. Жаль, что не предупредил. Жаль, что не передал... Ах, ему бы хоть день! Один только день! Он бы сказал всем друзьям и близким, то, что должен... то, что не успел...

К чести Льва Ильича надо заметить, что всякие совсем уж невозможные мыслишки о попробовать сбежать через пути он выбил из головы сразу же, представив это жалкое зрелище.

Внешне он даже не дрогнул – держал, что называется, фасон. И хорошо, что не побежал, иначе пропустил бы фантастическое представление.

Полтора десятка подтянутых и каких-то излишне субтильных штатских высыпали из легковушек и растянулись по перрону. Ну ей-богу, все они были какие-то недомеристые. Может, это не зря и не случайно, а для того, чтобы можно было в большем количестве напихиваться в служебные машины? Ведь численность стражников возрастает куда быстрее численности автомобилей и прочих материально-технических благ.

Тут и поезд причухал. Видимо, там внутри всех предупредили заранее, и все двери сразу нараспах, и все проводницы, как одна, выпорхнули на перрон, а взвод недомерков наоборот – исчез по вагонам. А через пару минут из второго от Йефа вагона появляется такая, я вам доложу, фря – и в распахнутой шубке, под которой мало что наблюдается (то есть как раз много чего наблюдается). В шубке в этой и на высоченных каблуках вихляет она по перрону к головной «Волге». Недомерки все пристраиваются вокруг ее вихляний, а из машины выползает ей навстречу – не поверите! – снова недомерок, но на этот раз в высокой папахе. Шинель не застегнута, папаха набекрень – сразу видно, в той же мере пьян, что и она. Он к ней с объятиями, а она его по роже – хрясь!..

«Еще, милая, – взмолил Йеф. – Вмажь ему еще раз, и тебе простится все твое длятство».

Не вмазала. Вместо этого нырнула в машину и вся кавалькада с прежними гром-молниями унеслась прочь.

Вот тут Лев Ильич и оказался посреди огромного и радостного мира, наполненного любимыми приключениями по его усмотрению и желанию. Тьма звезд над ним и тьма возможностей впереди. Только ничего не откладывать на потом. Жить сейчас и набело, ведь потом можно не успеть.

Весь мир, такой большой и такой радостный, лежал тогда перед ним и чуть поскрипывал под его башмаками...

Там, на перроне он молил всего про один день. С той ночи прошло уже с полтыщи дней, а он опять не готов...

«А может, и ничего еще? Может, еще не край? Генсек этот новый голосит непривычное, а слово «демократия» с языка не сползает... Хорошо в Москве: там днем чихнул, а вечером слушай свой чих сквозь глушилки. Там остереглись бы, а здесь свинтят, как корова языком, и – без следа... Если пронесет, надо будет прислушаться к Надьке и достать старые записи – попробовать дописать книгу. Нет, это не Надька говорила – это я сам за нее думал. Все равно, надо будет попробовать...»

* * *

Лев Ильич оставил сына дома и осматривался возле школы, не находя своих питомцев. Он старался избежать встреч с родителями домашних шестиклашек. Ему всегда тягостно было говорить с ними. Это были насквозь фальшивые разговоры. Льву Ильичу хотелось закричать, чтобы они опомнились и никогда не сдавали своих детей ни в какой интернат, а родителям требовались подтверждения того, что они поступили правильно, что их детей никто не обижает, о них всемерно заботятся, и им тут так хорошо, так хорошо – не хуже, чем дома. Вместо этого они говорили о здоровье, оценках и других скучных материях. Иногда, правда, родители начинали вдруг оправдываться и объяснять, почему они были вынуждены купить (или достать) путевку сюда для своих отпрысков, но лучше бы они не пускались в эти свои откровения.

– Лев Ильич, – подбежала к нему Ирина Александровна, – идите выручать наших хулиганов. Их кастелянша арестовала и позакрывала в спальнях.

– Не отпущу, Ильич, даже и не проси, – скандалила Наталья Васильевна. – Это ж под-
судное дело... Зови директора – будем разбираться... Я же материально ответственное лицо,
а тут наглядное хищение народного достояния!

Не сразу, но Лев Ильич сумел разобраться в причинах скандала. При подсчете вверен-
ного ей имущества, переданного во временное пользование ученикам шестого класса, она, к
величайшему изумлению, обнаружила под кроватями в мальчуговой спальне две измызганные
ушанки. Ушанки без сомнения находились в ее казенном хранении, о чем свидетельствовали
штампы изнутри. Кастелянша радостно предположила, что ей удалось накрыть целую сеть рас-
хитителей школьного добра, и теперь, наконец, есть на кого списать все складские недостатки,
а их, судя по сверкающим глазам, было немало...

– Нет, ты мне скажи, – теребила она Льва Ильича, – навошта летом ушанки? – Только
для того, чтобы продать – больше незачем. Ты вот этого попытай, что в синяках – он точно
замешан. Гляди, какая рожа! А я-то думаю себе, куды деваются вещи со склада? А оно вона
что! Тут милицию звать надо...

Через несколько минут Йеф уболтал Наталью Васильевну, и она согласилась временно
амнистировать арестованных злодеев, потому что «куды ж они подеваются? – будут болтаться
сабе вакол школы, и любого завсегда можно будет споймать и за ухо приволочь на праведный
суд педсовета».

– Не расскажешь, что тут такого было, для чего понадобилась зимняя экипировка? –
спросил Йеф Махана, когда кастелянша оставила их одних и погромыхла со своими возму-
щениями по коридору спального корпуса. – Это как-нибудь связано с твоими боевыми ране-
ниями?.. Да, друг дорогой, – вздохнул Йеф и отпустил руку Махана. – Она же теперь не успо-
коится – она все свои недостатки будет на вас валить. Скажите честно, – обратился он ко всем
мальчишкам сразу, – часто шурували по складу?

– Да не... Только по необходимости... Раньше этих шапок и не вспомнить... Она сама
одеялы домой носила – я бачыу... Мы ничога не продавали...

Голоса раздавались вразнобой и затихли после страшившего всех вопроса, заданного
Ваней:

– А с нас же денег не возьмешь на недостачу, так? Что, нас теперь в дурку?

– Отобьемся, – подбодрил Йеф своих воспитанников. – Не виснуть носа!.. Кстати, а где
Дима Угучев? Почему его нет со всеми?

– Можя, где-нибудь по кухне шурует? – предположил тот же рассудительный Ваня.

* * *

Угуч пропал напрочь. Ни тогда, освобождая класс из-под ареста кастелянши, ни сейчас
Йеф не мог его отыскать. А сейчас он нужен был почти позарез. Из Богушевска позвонил
Надькин папашка и давно забытым приказным ором взывал о помощи. Загнал свой жигуленок
в озеро и требует, чтобы никчемный зять, виновный во всех его несчastьях и в этом тоже,
сей же час вытащил гибнущий автомобиль. Надо было идти в Богушевск и искать подмогу,
а Надька вздумала идти с мужем, но не потому что жаждала побыстрее увидеть отца, как она
объясняла свой каприз, а чтобы не оставлять их наедине.

В общем, надо было, чтобы Угуч присмотрел за Данькой. На крайняк Даньку можно было
взять с собой, чуточку сдвинув привычный режим.

– Вроде только что был возле школы, – сказала Ирина Александровна, которую Йеф
попросил подменить с классом, пока он побеждает по домашним делам. – А вы спросите в
котельной – он любит там бывать... Кстати, не нравится мне, что он так часто пропадает у Гри-

гория. Там пьянство и всякие безобразия... – Она неожиданно густо покраснела. – Как бы он с ними к бутылке не пристрастился.

– Опомнитесь, Ирина Александровна, – излишне строго попенял он напарнице по воспитанию шестиклашек. – Не думаете же вы, что Григорий будет угощать Диму выпивкой?

– А что он тогда там пропадает?

– Помогает чем-нибудь, – пожал плечами Йеф. – Он всем ведь помогает...

Трудно было что-либо разглядеть в сумраке котельной.

– Дима здесь? – спросил Йеф у всех сразу.

Григорий указал ему на Угучев закуток наверху позади котлов.

За длинным дощатым столом клокотало веселье. Йефа сразу же забросали всякими вопросами про насущное, но, как понимал он, не для удовлетворения любопытства, а для обеспечения пьяной потребности поговорить, желательно про умное.

Обычно Лев Ильич без какого-то напряжения вклинивался и с блеском фехтовал словами в этой удивительной атмосфере откровенного юдофобства, явного уважения лично к нему, замшелого мракобесия и природной мудрости. Сегодня он был не в форме, хотя что-то отвечал и не слишком невпопад. Все перевернул нежданный визит тестя, о котором гости котельной тоже прослышали.

Все наши отношения состоят из набора примерно одинаковых для всех ингредиентов – обожания, раздражения, страсти, очарования, ненависти, благодарности, презрения, злобы... Щепотка того, крупинка этого – и вот вам великая любовь, а на пару крупинок меньше – и уже не любовь, а что-то другое. Основные жизненные привязанности – это свой соразмерный коктейль из разнообразных эмоций и зачастую из таких, о которых и вспоминать не хочется.

Приезд тестя, по обыкновению, взбаламутил все первичные ингредиенты Йефовых отношений с женой да и с сыном тоже, потому что Данька немедленно отзывался на любое изменение атмосферы в доме. Йеф не рисковал тут же, что называется, на ходу, во всем этом разбираться. Потом. Он все утрясет потом, а сейчас Лев Ильич держался на автомате и надеялся, что ему удастся, как и всегда в подобных раздорах, остаться на высоте и защитить интересы семьи.

* * *

– Давай его утопим, – предложил Серега, к которому Йеф обратился за помощью в отбуксовке легковушки тестя из озера. – Утопим вместе с его жигулем.

Машина застряла в иле только колесами, и ситуация совсем не соответствовала той панике, которую поднял Сергей Никанорович. Вода не просочилась даже в салон, не говоря уже о двигателе и других жизненно важных органах автомобиля. Сейчас Серега приладит трос и выдернет тестеву любимицу своим раздолбанным газиком. Но Серега не спешил.

– Нет, честное слово, – не оставлял он захватную идею. – Усадим его за руль, якобы для помощи, я все прилажу, но только не дерну, а толкну. Я это место знаю – там сразу яма вглубь...

Сергей Никанорович что-то выговаривал дочери, но оставил ее и подошел к Йефу с Серегой, как только заметил, что зять со своим здешним собутыльником (а с кем же иначе? конечно, собутыльником!) даже и не шевелятся для устранения чрезвычайной ситуации.

– Он тебе жалуется, что ли? – высокомерно спросил тесть у Йефа. – А чего тут жаловаться? Я и не скрываю ничего. Я ему сразу сказал, что он лоботряс и бездельник, если водится с таким, как ты. Я и повторить могу, потому что – правда. Я жизнь повидал, а что он видел? И где, спрашивается, деньги на свой автомобиль украл? У меня в его годы только маузер и партбилет, а у него газик. Конечно, украл, и я обязательно доложу куда следует – пусть доско-

нально проверят. – Сергей Никанорович, покачивая головой, остановил свои обличения. – Я правду сказал, а он, видать, обиделся. А почему обиделся? Потому что чувства юмора нету...

Йеф не успел помешать Сереге и наблюдал, как тесть пятится в озеро от своего молодого тезки и буквально приседает от каждого слова, которыми тот хлещет старого шутника, и «оглодыш» среди них самое приличное. Сергей Никанорович допятился до машины и стремительно юркнул на водительское место, заблокировав дверцы изнутри.

– Что и требовалось, – обернулся Серега к Йефу. – Так что, толкаем или дергаем?

– Дергаем, – засмеялся Йеф.

– Ну как знаешь...

Благодаря Серегиному красноречию некоторое время тесть молчал, и Лев Ильич даже взмечтал взять у Сереги несколько уроков живого русского языка, чтобы иметь против тестя постоянно действенное оружие. Однако Сергей Никанорович поразительно быстро воспрял духом.

Он остановил машину на пустыре рядом с продмагом, где, как и всегда, кучковались богушевские мужики. Вообще-то они стояли в очереди, но это же не город, где народ соседа не знает и родича не признает. Здесь все друг дружку привечали, и правильная очередь распадалась на разные кучки. Так и дожидались своего времени за привычными разговорами, но компания компанией, а за справедливостью следили зорко и строго, как если бы стояли погородскому – ровненько в затылочек один другому.

Тесть выбрался из машины и бодро поспешил к мужикам, чтобы растолковать им позицию дорогой нашей партии по вопросам пьянства. Мужики с интересом прислушивались и даже подходили ближе.

«Может, побьют», – с надеждой подумал Лев Ильич, но с надеждой не сильной, поскольку знал местные нравы. Не только знал, но и уважал, иногда даже помимо собственных убеждений.

Вот взять хотя бы эти сборища у винного отдела продмага. Йеф мог с удовольствием выпить, но не любил пьянства, а то запредельное, с которым столкнулся здесь, просто не выносил. Для него было дико, что одни и те же люди собираются здесь, почитай, каждый день и без сожаления проживают его точь-в-точь, как вчерашний, – с теми же бормотаниями, возмущениями и прибаутками. Ей-богу, они изо дня в день (Йеф видел это не раз) кучковались в одни и те же компании и обменивались одними и теми же словами в ожидании своего бутылца, который здесь же, недалеко, разопьют с теми же, что и накануне, собутыльниками, заборматывая теми же, что и накануне, восклицаниями и междометиями.

Но вот недавно, в преддверии 9 мая, Лев Ильич увидел посельчан совсем другим взглядом. Это были те же люди, но в отглаженных душных пиджаках с наградами они вдруг стали почти вровень тому представлению о воинах-победителях, которое было достойно самой победы. Даже вечные бормотания стали сразу какими-то значительными, как и сами люди, собравшиеся здесь.

– Нет больше русского народа-богатыря, – сокрушался Сергей Никанорович, усаживаясь за руль. – А если снова война? Если снова, так сказать, в поход? С кем воевать? С кем побеждать злых империалистов? Нашим врагам и бомбы не надо. Им достаточно сбросить впереди своих полчищ бочки со спиртом, и – готово дело. Без единого выстрела...

– Но ведь есть еще орлы-чекисты, – возразил Йеф. – Они догадаются конфисковать спирт для собственных нужд и развернуть народ на агрессора. Своими маузерами развернуть.

«А ведь правильно мыслит, хоть и враг», – подумал Сергей Никанорович, поглядывая на сидящего рядом зятя.

– Помолчите вы, ради всех святых, – подала голос Надежда Сергеевна. – У меня голова раскалывается от вас.

* * *

– Вот, сынок, твой дед, Сергей Никанорович, отец нашей мамы. Приехал по письму своего коллеги Недомерка, чтобы помогать ему с нами бороться.

Только эту фразу и мог отчетливо вспомнить Лев Ильич из полетевшего кувырком дня. Просто эту фразу он подготовил заранее, поднимаясь по лестнице домой, – потому и запомнил. Потом понесся какой-то калейдоскоп отрывочных картин и звуков.

Вот страшно кричит Надька, а потом еще более страшный крик Димки. Или Димка кричал раньше? Не важно... Вот он со Степанычем тащит носилки, и перегарный дух сзади от Степаныча долетает до Йефа, порождая удивительно острое желание выпить. Потом доктор, выпроваживающий их из кабинета, Недомерок, нырнувший сразу после них к доктору. Какая-то пауза, после которой Йеф очутился дома. Увидел Даньку, рыдающего в своей комнате и зовущего Угуча. Увидел, как Надька у себя сквозь слезы радуется, что «этот дебил» не будет больше ее пугать – никогда не будет. А вот тестя не увидел. Тесть бегал по территории школы и, сталкиваясь с ним, грозил пальцем, но не останавливался...

– Как он? – спросил Лев Ильич у Семена Михайловича, едва дождавшись ухода Недомерка. – Говорил что-нибудь?..

Семен Михайлович внимательно взгляделся в Йефа.

– Хотите спирта? – спросил он. – Вам не повредит.

– Давайте, – вяло согласился Йеф. – Твое здоровье, – повернулся он к чуть помывкивающему Угучу.

– Разрешите, я пока измерю вам давление?

– Вы им занимайтесь. – Йеф кивнул на Угуча. – Со мной все в порядке.

– Не скажите, – попытался возразить доктор, но Йеф уже исчез.

Потом была какая-то дыра во времени. Что происходило и где он был – не вспомнить. Позже Йеф обнаружил себя со своим классом. Они собирались спрятаться ото всех в лесу и печь на костре картошку, которую Махан приволок с кухни.

Уйти не удалось. Сначала вроде бы сбрендил Василий Викторович, воспитатель седьмого. Он таинственно-претаинственно увел Льва Ильича в сторонку и, непрерывно оглядываясь, сообщил, что *они* хотели, чтобы он, Василий Викторович, написал про Йефа... Ну Йеф и сам знает, что надо было написать, но Василий Викторович (тут он стукнул себя кулаком в грудь) не такой, как некоторые думают, он, Василий Викторович, между прочим, прошел огонь через медные трубы, всякий другой утонул бы на месте, и поэтому он, Василий Викторович, не поддался, а остался человеком, чего и всем желает... Все вместе было маловразумительно, но очень эмоционально. Лев Ильич чувствовал, что от него ждут благодарности, и горячо благодарил. Однако ни посмеяться, ни огорчиться этим нелепым разговором Йеф не успел – подошел Григорий Недобиток и тоже увлек в сторонку.

Все повторялось, только Григорий не оглядывался и не бил себя в грудь.

– Похоже, твое время пришло, Ильич, – сообщил он. – Если что – знай, я тебя не сдал.

– Чего не сдал? – захотел уточнить Йеф.

– А ничего не сдал – ни того, что требовали, ни того, что знал.

– А что-то знал?..

– Все что-то знают... В общем, будь готов и не благодари. Это я не для тебя, а для себя...

Не люблю особистов...

– Ладно, не благодарю, – посерьезнел Йеф. – А может, чего более конкретного скажешь?

– Так не знаю ничего. Знал бы – сказал...

– Спасибо и на этом.

- Не благодари.
- Хорошо, не буду...

Ну и что Льву Ильичу делать со всеми этими предупреждальками?

Он плюнул и попросил Махана собрать разползшихся по школе одноклассников, чтобы пойти в лес. Но опять – облом. Пришел директор с Недомерком и велел ему идти отдыхать, потому что Недомерок проведет с его классом патриотическое мероприятие. Йефу даже не стало любопытно, что за мероприятие...

Дома сохранялась предгрозовая атмосфера гражданской войны: тесть ел и бурчал, Надька подкладывала ему и побуркивала, Данька держал голодовку и отбуркивался.

Есть не хотелось, бурчать тоже, а тем более говорить. Он свернулся на кушетке в комнате Даньки и, к полной для себя неожиданности, уснул.

- Левка, – тихонечко позвала Надька, – тебя зовут.

Йеф сразу же вскочил. (Да и спал-то – совсем ничего.) Звал Махан. И не просто звал, а отвел в сторонку, озираясь. (Они, что, все сбрендили?)

– Бечь вам надо, – таинственно прошептал Махан. – Забирайте семью и уносите ноги. Сення вас заарестуют...

* * *

Когда под окном завизжали тормозами три «Волги», Лев Ильич был собран и спокоен. День перестал скакать кувырком и крутиться калейдоскопом. Он снова жил во всю грудь и с полной отдачей.

«А за той девахой с ленинградского пригнали аж четыре машины!» – ухмыльнулся Лев Ильич, вспомнив эпизод на вокзале.

– В начале обыска, – командовал Недомерок, – в начале прошу добровольно выдать оружие, боеприпасы и взрывные устройства... И ценности, – поспешно добавил он забытый в волнении аккорд.

- Няма, – дурашливо развел руками Лев Ильич.

– А у нас есть сведения, что вы прячете у себя на квартире самодельное взрывное устройство, – торжественно произнес Недомерок.

«Оперативников шесть или семь – не сосчитать. Надо успокоиться. Теперь-то уж чего колотиться? Оперативники толкаются пока что без дела в дверях и ждут команду, чтоб броситься рыть, крушить, искать. А может, их всего пять, а те двое – казенные понятия? Не важно, как их называть, – все из одной шайки-лейки».

– Вот ознакомьтесь с выдержкой из вашего письма в Москву, отправленного 10 мая сего года. Вы сообщаете своему корреспонденту, что «отыскали недостающие детали для мощной бомбы и осталось только собрать все как следует и рвануть – и мало не покажется...»

Лев Ильич едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Он вспомнил это письмо и обстоятельства его написания. Девятого мая в Богусhevске на демонстрации по случаю Дня Победы он познакомился с замечательным ветераном. Одноногий и однорукий старик с орденом Отечественной войны на лацкане пиджака печалился о доле инвалида молчаливому и внимательному Йефу, а потом возьми и скажи: «Да грех мне печаловаться – других зусим под корень извели...» Лев Ильич сразу же превратился в струну одного лишь слуха. Это была для него личная и очень болезненная тема.

Все его детское чистое очарование революционной романтикой испарилось в десятом классе и в одно мгновение, когда он узнал о том, как Сталин очистил победившую страну от инвалидов этой страшной войны, портящих своими покалеченными обличиями цветущую красоту советских городов. Почему-то сходу поверилось, что так и было – всех извели. Прагматично и рационально. Отец Льва Ильича тоже был инвалид войны, но он был домашний и его эта скорбная участь товарищей по оружию миновала.

Все звонкие строчки про «плакать о времени большевиков», до той поры будоражившие его, отрезало в один миг. Это было начало его настоящего образования. Официальная идеология утонула выдуманной Атлантидой. Лев осознавал истинную историю страны, а история инвалидов войны все время оставалась болезненной загадкой: ни свидетелей, ни документов – только некое странное и бесспорное общее знание.

Можно представить, как обрадовался Лев Ильич живому свидетелю!.. Ветеран, оказывается, был захвачен в облаве на базаре, и его повезли-потянули через полстраны к северным краям вместе с остальными такими же бедолагами. На его счастье жена, еще живая в ту пору, подняла такой бабий вой и стала мотаться по коридорам таких учреждений с этим своим воем, что какой-то из начальников приказал вернуть ей мужа. Так он и спасся.

Лев Ильич дотошно описал рассказ инвалида и его ответы на вопросы. Вот это и была та бомба, о которой Йеф писал своему другу...

– Так что скажете? – наседали Недомерок. – Советую выдать взрывное устройство. Найдем – хуже будет.

– Ищите, – равнодушно разрешил Лев Ильич, ни единым мускулом не дрогнув в улыбку.

Тут Недомерок дал команду искать и вместе с прибывшими коллегами бросился «рыть землю».

Беглому взгляду показалось бы, что чекисты своим многолюдным поиском Йефовых сокровищ производят лишь пыль и хаос. Однако искатели-оперативники шурували споро и методично по какой-то своей системе, не обходя вниманием ни сантиметра служебной квартиры Льва Ильича.

Кстати сказать, работники интерната в основном так и восприняли обыск у Йефа, как поиск запрятанных им богатств, и неспешно подтягивались поглядеть, что здесь и как. По правилам обыска, которые Недомерок уже несколько раз повторял для вновь прибывающих любопытных, разрешалось заходить, но не выходить, а все входящие должны были стоять в сторонке и не мешать процессуальному действию. Скоро, однако, в сторонке оказалось так много зрителей, что не мешать они уже попросту не могли. Недомерок перекрыл доступ новым любопытствующим, но старые буквально путались под ногами. Они сидели где только могли, а те, кому сидячих мест не досталось, стояли, переминаясь, меняясь местами, потихоньку закуривали, сначала в кулачок, а потом и открыто, смелели и перешептывались все громче и уже вот переговаривались в голос, да почти и обживались в квартире, сразу ставшей по-настоящему казенной – ставили чайник, заглядывали в холодильник, все с большим нетерпением ожидая сокровищ. Наверное, они отвлекали оперативников от их важного дела, но сильных помех не создавали. В отличие от Сергея Никанорыча – этот достал всю бригаду. Ему очень хотелось участвовать в обыске, хоть даже и понятным – хоть кем, но никакой законной возможности не было – родственники в дело не допускались, если бы даже вдруг Недомерок и захотел помочь коллеге-ветерану. Но и Недомерок вместе со своими товарищами страстно мечтал, чтобы СМЕРШевский дед сдох смертью храбрых и немедленно, хотя по всем приметам выходило, что он, если и не будет жить вечно, переживет очень и очень многих, набившихся в квартиру Йефа.

Его шугали и уже откровенно гнали прочь, но управы не находили. Сергей Никанорыч упрямо тыкал отбираемые им вредные книги трем операм, споренько шурувавшим по книж-

ным полкам. Надо сказать, что чекисты трудились вполне цивилизованно: один снимал стопку книг на стол, двое его товарищей просматривали, трясли и листали, а первый потом ставил проверенные книги назад. Ни швыряний на пол, ни топтания ногами – никаких ужасов. Ужасом был Сергей Никанорыч. Он снова и снова снимал с полок Зощенко, Ахматову, Цветаеву, Пастернака, еще какие-то книги (Йеф точно не видел какие) и подкладывал в стопку, ожидающую досмотра.

В конце концов он все-таки выпросил очень тихой и конфиденциальной отправки по известному российскому маршруту, где должны бы собраться все граждане нашей страны, потому что каждого туда отправляли в свое время, а если кого-то и забыли, то непременно отправят, когда придет его час... В общем, вместо того чтобы отправиться куда велено и затихнуть в тряпочку, старый чекист стал требовать у оперативника служебный телефон начальника, чтобы немедленно восстановить социалистическую законность.

Он вел себя так дико, а его требования буквально повторяли призывы нового генсека о восстановлении социалистической законности, что Недомерок запаниковал и, вместо того чтобы подтвердить деду уже выданный ему ранее маршрут следования, оторвался от обыска, вник в конфликт чекистских поколений и личной властью придвинул «вредные книги» к жалкой стопке бумажек, предназначенных к изъятию.

Тут уже о законности заголосил Лев Ильич, и его слова еще больше походили на те, которые произносит новый генсек. Но у Льва Ильича был совсем иной статус, чем у его тестя, и Недомерок все его слова пропустил мимо ушей.

– Так и знайте, – предупредил его Йеф, – протокол обыска не подпишу. Вы попросту решили поживиться за мой счет и грабануть у меня редкие книги. Вот это я и впишу в протокол, а его все равно не подпишу.

Надежда на проведение оперативно процессуального действия без сучка и задоринки (как велел начальник управления) таяла без следа.

* * *

Но за обыском Лев Ильич следил краем глаза, а все свое внимание сконцентрировал на Даньке – затихшем и оцепеневшем в каком-то столбнячем испуге. Йеф пытался расшевелить сына, потому что в этом своем оцепенении Данька, по всей видимости, не слышал ни слова, а если и слышал, то не понимал.

Йеф отпаивал сына чаем, чем-то подкармливал и всеми силами старался отвлечь его внимание от происходящего в квартире.

– Все пройдет, – убеждал он сына, – вечером все они уедут, и ты останешься вдвоем с нашей мамкой. Ты же часто оставался с ней вдвоем, и все было хорошо. А скоро и я к вам приеду.

– А ты уедешь с ними? – очнулся Данька.

– Да... Скорее всего. Но ненадолго.

– Ты приедешь завтра?

– Наверное... Позже.

– Значит, тебя все-таки увезут в тюрьму?

– Но ненадолго, – почти засмеялся Йеф, довольный, что растормошил сына и не дал ему снова впасть в ступор.

– Говори с ним, – попросил Йеф Надежду Сергеевну, передавая ей сына. – Не позволяй ему бояться... И сама не бойсь, – углядел он состояние жены. – На-ка, выпей, – протянул он жене стакан с водой, которой безуспешно пытался только что напоить сына.

– Книгами перечитался, – довольно злобно набросилась Надька. – Это там, чуть что не так, каждой бабе воду суют. Задолбали уже своей водой. Лучше водки налей.

– Так нету, – засмеялся Йеф. (Если Надька злится – с ней все будет нормально.) – Вот, может, Недомерок найдет – тогда налью...

Тут Йеф углядел совсем дикое. Соседи, болтающиеся праздными зрителями по его дому, нагло упрятывали всякие разные вещички в свои карманы или за пазуху.

«Возможно, им стало донельзя утомно это пустое ожидание запрятанных сокровищ, но это не означает, что можно так нагло прибарахляться чужим добром. В голову не укласть: одни ищут невесть что, другие гребут что ни попадя».

– Эй, опомнись! – одернул Йеф Степаныча, приладившего под свой завхозовский халат жостовский цветастый поднос.

– Не шуми, – укоризненно выговорил ему Степаныч. – Тебе зараз это усе без надобности. Тябе упекут, а это усе немедля конфискуют. И с Сергеевной мы обо всем договорились, так-то вот. К тому же не на зусим берем, а только от конфискации, а возвернешься – и все назад, с радостью... А ты шумишь – даже перед людьми саромна. Люди издаля приехали по сурьезному делу, а ты нас саромишь...

– Надька, смотри, чего творится, – попытался Лев Ильич остановить разграб. – Ты что, вправду им разрешила?

– Нам здесь не жить, – отвернулась от его слов Надежда Сергеевна.

– Да нет же, – бросился переубеждать Йеф, – первое время именно здесь. Работа и жилье – все есть, почему не жить?.. Потом переедешь, когда найдешь что другое, а пока не надо рушить, что есть...

– Это тебе не надо было рушить, – почти равнодушно отмахнулась Надька.

Ничего существенного на обыске не нашли. Изъяли письма, старые Йефовы записи, машинописные стихотворные сборники, разрозненные страницы каких-то опусов. Ерунда, одним словом. Недомерок и сам понимал, что мелочь, и потому, когда Сергей Никанорович осмелился напомнить про найденные им вредные книги, так на него рывкнул, что тот присел, но, видимо, чего-то просек и телефон начальника не потребовал.

Внизу, у черных легковушек, собрались отбившиеся от воспитания ученики интерната. Все классы под страхом наказания согнали в актовЫй зал для просмотра кино, но кино показать не могли: Йеф был занят на обыске, а более никто не умел сладить с аппаратурой. И все равно из актового зала никого не выпускали. Ждали директора, который объявит про кино – когда и какое. А что тут объявишь? Не скажешь ведь, что Недомерок приказал, чтоб никаких демонстраций.

Короче, около машин толкотались только Махан, сбежавший от Ирины Александровны, и мальчишки из четвертого класса, потому что у них заболела воспитательница и некому было отвести их в актовЫй зал для просмотра кино. Все знали, что Йефа на этих машинах повезут в тюрьму, и почти все отчаянно ему завидовали, потому что тюрьма – она еще когда будет, а на машине Йеф помчит прямо сейчас – быстро помчит...

* * *

«Главное, не показать им, какой мандраж на меня напал... Ну разумеется, – на заднее сиденье, и двое с маузерами по бокам... А у них на самом-то деле есть маузеры или что там теперь? Неужто и вправду, как в кино, – ехали сюда на операцию с пушками?.. Лихо мчим!.. Куда мчим? Нет ответа? – есть ответ. Туда и мчим, где ночи не спят и колготятся, чтобы уступали нам дорогу другие народы и государства. Надеюсь, что я не избледнел, а то эти уроды возгордятся... Может, попросить их притормозить в Витебске – сигареты купить? В пачке совсем ничего... Нет, не буду их радовать просьбами. Противно. И если откажут и если разрешат.

Придется потерпеть без курева... А вдруг они там все-таки метелят на своих допросах? И что тогда? Если так, то надо сразу, как Серега советовал: бросаться встречно и колотить, рвать, не сдаваться. Вряд ли без приказа сверху затопчут в смерть. Отступятся...»

– Никита Георгиевич, – просительно обратился водитель к сидящему рядом с ним Недомерку, – как бы праздничный паек получить?

«Вот так номер: он даже в учителя пошел под чужим именем. Ну точно, как на войне в тылу врага... А что удивительного? Может, мы все им потенциальные враги? И они, стало быть, всю жизнь в тылу врага?»

– Так, Никита Георгиевич, замолвите словечко. Я же в отпуске был, вот и пропустил – уважительная причина.

– Ладно-ладно, получишь свой паек, напомни в понедельник утром.

– Во спасибо! Век не забуду. А то жена ноет-ноет, а что ей сказать? Она же, дура, еще подумает, что кому-то другому отволок – навывдумывает всякого... Да, Никита Георгиевич, там в бардачке маршрутный лист – подпишите сразу, а то закрутимся-забудем, а уже конец месяца, и все листы...

– Хорошо-хорошо, я понимаю, – остановил Недомерок болтовню шофера. – Постой, Иваныч, что это ты тут нарисовал 200 километров? До Богушевска всего 40. Ну, с накрутками – пусть 50 и обратно 50. Получается сотня – не больше.

– Да что там мелочиться, Никита Георгиевич? Сами знаете, как сейчас с бензином – не заправиться. А на дачу в выходные? Вот к вам на дачку ездили на Первомай, помните?

– Ладно, не дави, – согласился Недомерок, подписывая бумаги.

– А вы не опасаетесь, товарищи офицеры, – с удивлением услышал Йеф свой собственный голос, – что, идя и дальше по дорожке финансовых махинаций, вы скоро пересядете на мое место?

Дальнейший путь прошел в молчании и только по въезду в Витебск затрещал автомобильный радиотелефон.

– Лесная школа! Лесная школа! Вызывает управление. Ответьте, Лесная школа!

Недомерок аж вспотел от собственного ора. По-видимому, связь была исключительно односторонней, и его не слышали.

Наконец, остановились. Льва Ильича завели в здание Управления, на стене которого висела табличка: «Министерство культуры БССР. Памятник культуры. Строение XIX века. Дом губернатора. Охраняется Министерством культуры».

«Министерство безопасности охраняется Министерством культуры, – подумал Йеф и окончательно успокоился. – Дурдом...»

Несколько неожиданно для себя Лев Ильич принялся блажить сразу по входе в управление – прямо у поста дежурного.

– Требую отметить, что меня задержали незаконно и доставили силой. Никакого постановления о задержании...

– Сейчас все будет, – равнодушненьким голоском охолодил Йефа постовой прапорщик. – Все сейчас постановят и все предьявят. Не волнуйтесь!

Как-то сразу расхотелось скандалить.

«Да черт с ними и с их законностью... Не надо распыхиваться на разные мелочи. Надо настраиваться на главное бодалово... А что, если все-таки метелят? Тогда худо. Тогда по-Серегиному...»

* * *

– Ты нахрен, пля, привез мне этого звездобла? Сми-ирна!.. Как стоишь, пля? Совсем службу забыли. Все ля-ля в голове... Я те, пля, все эти ля-ля повыбиваю...

Полковник орал, сам не понимая что и, главное, зачем. Орал, чтобы проораться, прочистить легкие, наладить дыхание и кровообращение.

– Я вот о чем подумал, товарищ полковник, – не выходя из «смирно», выдавил Недомерок. – Тут такое...

– Тебе кто думать разрешил, пля со стадиона, вша физкультурная? – надсаживался начальник, чувствуя себя все лучше.

«Все-таки начальникам на Руси очень хорошо живется – всегда есть за счет кого восстановить здоровый и бодрый дух... Вот поэтому для гармонии общества почти все подчиненные кому-нибудь да начальники... А про вшу стадионную он зря – это же легенда такая. Я, что ли, выбирал себе место физрука?»

– Что мне с ним делать? – несколько успокоился полковник и сел за свой стол. – Улик никаких, пля. – Он взрыхлил веером пачку бумаг, изъятых у Йефа. – Постановления на арест не получить, а задерживать я его сам не хочу. Слышишь, пля вонючая? – Не хочу... Уже в понедельник какая-нибудь гнида отрапортует туда о самоуправстве, пля. – Полковник мотнул головой куда-то в сторону белого телефона. – И нарушениях законности... Да, может, ты и отрапортуешь. А может, и не в понедельник, а сегодня же.

– Никак нет, – повторял Недомерок на каждое полковничье предположение о такой рапортооборотности. – Я вот что хотел сказать...

– Ну, – благодушно позволил полковник, закуривая сигарету.

– Это-то и улика, что нету улик, – затараторил Недомерок, самовольно перейдя почти что в «вольно»... – Вот приди сейчас с обыском к любому – обязательно что-нибудь да найдется из запрещенного: не самиздат, так тамошние... Да хоть Высоцкий с Галичем, да хоть Войнович! Честное слово, к любому иди... к нашим даже... у любого найдем...

– Ты на кого намекаешь? – прищурился начальник. – У меня ты шиш найдешь.

– Так и у меня шиш, но что-то найдем...

– Ну говори-говори, что ты там бормочешь, ясно говори. – Начальник протянул Недомерку пачку сигарет.

– Так это и подозрительно. – Недомерок не сразу ухватил сигарету дрожащими пальцами. – У любого есть, а у гражданина Прыгина нету. Ничего нету. Вот я и спрашиваю, он что, дурнее других? Нет, не дурнее. Может, он тогда твердолобый коммунист? Ни в каком виде... Так почему у него нет никаких улик?

– Ну и почему? – поддался на приманку заинтригованный начальник, которому слова Недомерка напоминали что-то знакомое – разговор какой-то из книги или из фильма. (Какая книга? – книг он лет двадцать не читал. Тогда кино какое-то... не вспомнить...) – Ну и почему? – повторил полковник.

– А потому что он – настоящий враг. Не болтун-антисоветчик, а матерый вражина, прошедший школу конспирации, – подготовленный и опасный.

– Да ладно врать, – отмахнулся начальник.

– А почему тогда? – переадресовал полковнику его же вопрос Недомерок.

Полковник не знал.

– Вот то-то и оно, – удовлетворенно подытожил капитан. – Все сходится: связи по всей стране и даже по миру, улик нет, и бомба где-то там... А вдруг она уже тикает?..

Перспективы завораживали...

Решали-рядили-удумали: Прыгина освободить и оставить под присмотром капитана, а в понедельник с утрачка капитан подаст подробный рапорт на имя начальника об этом деле и о соображениях по продолжению операции; рапорт немедленно пересылается в Минск, а там пусть решают...

* * *

«Понятное дело – отстойник... Спасибо, что не “стакан”, а вполне просторный бокс – даже присесть можно... Странно, что без обыска и сразу в бокс. Ремень, часы – все при мне... А если я себе кирдык устрою? Чего они тогда запоют?.. Хрен устроишь – постовой каждую минуту глазком шуршит... Да ведь и сигареты при мне – можно закурить. А если тут нельзя? Плевать! Если нельзя – часовой запретит... С сигареткой другое дело... Жаль что их – кот наплакал... Что дальше? Скоро отведут в камеру?.. По правилам должен быть допрос, а уж потом в камеру, и – отдыхай... А если метелят?..»

– Выходите, Лев Ильич, – пригласил Недомерок. – Идемте за мной.

«Во как!.. Почему не впереди? И почему не скомандовал “руки за спину”?.. Странно. Значит, Недомерок будет допрашивать. А я думал, что теперь будет другой... Ведь оперативная часть этого балета закончилась. Или нет?.. Да пусть и Недомерок. Давно не виделись, Леонид Валентинович... Нет, он же как-то иначе именуется... Не вспомнить как. Да и хрен с ним – не разговаривать же... Правильно – не разговаривать. Пусть оботрется».

– Присаживайтесь, Лев Ильич. Закуривайте. – Недомерок придвинул пепельницу. – Знаете, почему мы вас попросили приехать? Молчите? Не хотите разговаривать? А я все равно скажу. Хотим вас предупредить. Seriously предупредить. – Он сбился, увидав насмешливый взгляд Йефа. – Я знаю, что вы уже получали официальное предостережение два года назад в Москве. За это время многое изменилось. Да и вы изменились. Я просто обязан вас предостеречь...

Приходится пояснять для непосвященных. В то время диссиду вычесывали двумя гребенками – статьей 70 Уголовного кодекса и статьей 190-прим. Хватало и других статей, включая провокации и подбросы всякого запретного, но в основном теми двумя гребенками. В их формулировках был обобщен пассаж: «распространение заведомо ложных, клеветнических измышлений, порочащих...» – и далее там всякое. Юристы-буквоеды (в основном не наши, а закордонные) доходчиво объясняли, что судить по этим статьям мало кого можно. Только тех, кто, распространяя информацию, знает, что она ложная. А тех, кто считает ее правдивой, – судить нельзя, потому что исчезает главное содержание вины – та самая заведомость лжи и клеветы. Нашим правоведам, понятное дело, обидно. Мы тоже хотим во фраках среди мировой юридической элиты чаи попивать. Вот они и придумали: кандидата на вычесывание доставляют в контору и там ему официально объявляют, что его действия, по сути, – распространение лжи и клеветы, то есть теперь он об этом знает, и если не угомониться, то можно его вязать и паять ему ту самую заведомость лжи. Так и делали. Хватало, везли, предупреждали. Использовали это и для сопутствующих целей – запугать, сломать, поиздеваться, но это у них всегда сопутствует, а основным была попытка устранения того юридического тупика с заведомостью. Только ничего это предостережение не устраняло. Если я все равно считаю свою информацию правдивой, то она никак не станет заведомо ложной ни от каких предупреждений. Тем не менее, прежде чем человека изъять из его жизни, его предостерегали. А может, и наоборот. После предостережения его очень быстро изымали. Вот и Йеф слинял из Москвы именно после этой гебеишной процедуры...

– Не верите? – пытался наладить дружескую беседу Недомерок. – А я сейчас с риском для карьеры защищал ваши интересы: уговорил начальство вас отпустить.

«Врет!.. Врет?.. Конечно, врет... Но как ловко – из жарка в холодильник!..»

– Я ведь к вам, Лев Ильич, всей душой. И здесь, среди своих коллег – всегда за вас. И в школе... – Недомерок всеми силами пытался растопить лед, и упорное молчание Йефа только доказывало ему, что перед ним враг и матерый... – Ну признайтесь хотя бы в одном – зачем вам бомба?..

«Бред! Какая бомба? Работает на диссиде и не знает основного закона, что жизнь надо прожить так, чтобы сидеть по своей статье...»

– Молчите? – снова укорил Недомерок. – Считаете врагом? А ведь я во многом с вами согласен. Вот как услышал слова нашего Генерального секретаря нашей партии про застойные явления – так сразу и подумал о вас... Вы же сами говорили, что все зарастает трясиной и болотом, а мы на этой трясине пытаемся строить, помните? Я с вами на все сто... Намостили разного на болоте, а это все – гать. Это все хлипко и ненадежно. Но вы считаете, что явитесь со своими друзьями чистым водоворотом – разметете все, что в застое? А понимаете, как это опасно? Как осторожно надо... А то ведь раз – и все рухнет. Все, что построили... Водовороты они, знаете ли, никакую гать не пожалеют. Все сметут... А на этой гати люди живут. Живые люди, и я обязан их защищать... Так что, Лев Ильич, сначала надо дамбу построить, а потом уже водоворотами вашими. Иначе все сметет...

«Чего несет? Главное, зачем?.. А вдруг, и правда, отпустит?.. Нет, это заманка... У них только после вербовки – иначе не отпускают...»

– Не любите вы нас, – разочарованно развел руками Недомерок. – А мы простые солдаты партии... Сейчас про нас разное намекают, и даже в прессе. Но это от злобы и бессилия. Еще от стыда. Уж поверьте. Вы же не знаете ничего, а ведь вся эта писучая братия, все эти заслуженные и прославленные, почти поголовно наши люди. А как без сильной руки пробиться в волчьем мире культуры и искусства? Считай, никак. А у нас сильная рука, и мы своих всегда поддержим... Теперь вот они все в орденах и седилах, думают, что перестройка им поможет сорваться с крючка, – потому и ратуют за нее... Не-ет, этого не будет – никакая перестройка не изменит... Наш – значит, наш навсегда. И помощь щедрая, но и спрос тоже... А ведь вы, Лев Ильич, и представить себе не можете, сколько ваших московских приятелей сделали правильный выбор... Теперь им все пути открыты. И вы могли бы... Способности у вас есть, авторитет тоже. Маленький, но очевидный. Осталось сделать лишь одно усилие над собой... и выбрать жизнь, а не эти ваши фантазии.

«Как глупо вербует!.. Совсем Недомерок переутомился – чуть ли не гостайны выдает про вербовку культурной элиты, а чего ради? – не разобрать... Это он мне говорит, что “свободен”? Ужель отпускает?.. Не может быть! На самом деле отпускает!.. Нет уж, хрен тебе – не буду я твои бумажонки подписывать...»

– Да не хотите и не надо. Это я для вас же стараюсь, – отодвинул Недомерок Протокол постановления о предостережении. – Да не усаживайтесь, Лев Ильич, поздно уже, пора по домам... Идемте я вас провожу через пост, а то ведь не выйдете... До свидания...

* * *

Лев Ильич трясся в поезде «Ленинград – Киев» и никак не мог сдерживать улыбку, которая блуждала по его лицу. Вокруг похрапывали удивительно симпатичные люди, заботливая проводница заталкивала ногой под лавку яичную скорлупу, очень уютно поскрипывал старый вагон, склоняя уснуть и восстановить силы, но спать не хотелось ни единой жилочкой, хотя и сил не было, и ноги не держали.

«А что, если сойду в Богушевске, а у перрона уже черные “Волги”?.. С них станется... Стоило тогда выпускать?..»

Перрон был какой-то неприкаянный – безлюдный и без света. Счастливому Йефу стало неуютно.

Счастливому? Без сомнения, счастливому. Но полностью обессиленному – целиком выгоревшему. Мысли и чувства, неспешно цепляли друг друга – так ветер гоняет меж обгоревших стен уцелевшие старые записи.

Йеф взялся эти строчки сгребать.

«Надо написать книгу вот о таком дне. И герой должен быть не из какой-то культурно-общественной элиты, а одиночка... Описать все похожее на этот мой день. Но не занудно – книга про беду должна быть веселой, а если и не веселой, то уж точно – легкой... Элементарное чувство долга требует такой книги. Меня отпустили, а сколько остается там?.. Я должен описать эту нашу жизнь в полной свободе и в то же время в подполье, в постоянной осаде. Правда, этим я снова буду дразнить гусей... Долг вступает в противоречие с реальностью. Похоже на кризис, который преодолевается одним лишь творчеством. Жизнь без таких кризисов – это жизнь посредственности... Решено. Пишу про один день обычного человека сопротивления. Не генерала, блистающего на столичных пресс-конференциях среди западных коров, не солдата, ради которого поднимают шум, собирая подписи в защиту. Это будет книга о безымянном воине ополчения – безоружном и неизвестном даже для “Хроники”... Что за ерунда!.. Для “Хроники” нет неизвестных. Неведомо откуда, но она знает про всех: и про солдат, и про ополченцев... И тем не менее для моего героя не будут собирать подписи... Мой герой будет никакой не герой, а неизвестный ополченец – без винтовки, в шинели с чужого плеча, с грубо заштопанными прострелами...»

Наверное, Йеф уснул на ходу. А иначе как бы он увидел себя в старой заштопанной шинели?.. Йеф отыскал в пачке изогнутую сигарету и торопливо закурил. Что-то он думал о книге, которую непременно напишет, – но что?.. Не припомнить. Неужто и вправду спал? Как же его ухайдакало!..

Школа приближалась рывками навстречу, вздрагивая каждым его шагом. Окна отблескивали чернотой. По всему интернату ни огонька. Похоже, что всех в эту ночь свалила такая же бесконечная усталость, которую Йеф тащил на своих плечах...

Скорее всего, эта же усталость свалила и Надьку с Данькой, и они спят сейчас в обнимку, одетые, не расстелив постель и даже не раздвинув диван. Йеф тихонечко пристроится подле на полу, а утром...

Дом стоял чужой и недобрый, и лестница поскрипывала совсем уж негостеприимно, дверь почему-то была заперта, и замок поворачивался нехотя...

Йеф осторожно, без скрипа, открыл дверь, и его жажнула темная вспышка. Он видел одну лишь тьму, и эта тьма сгущалась в вязкую темень, которая останавливала любое движение. Он попытался рукой разгрести эту темень, но рукой было не шевельнуть – ни рукой, ни ладонью. «Пусть будет свет, – попробовал сказать Лев, но не сумел и испугался. – Свет! – заорал он. – Свееет!»

Даже слова не могли процедиться сквозь плотную темень, а уж свет и подавно...

4. Недобиток

– Что он ему сказал? Что?..

Недомерок делился своими размышлениями с Григорием. Только что Ольга Парамоновна отхлестала его несправедливыми упреками и даже ни на миг не задержалась, не стала приветливой, не улыбнулась, отвернулась и пошла прочь. А капитану, как вдруг оказалось, и идти было некуда – вот он и пришел к Григорию. Капитану очень часто нужен был внимательный слушатель, которому можно было бы пожаловаться на несправедливости жизни и начальства и при котором ему попросту лучше думалось. В самом начале своей физкультурной службы в этом интернате капитан выбрал в такие напарники директора Федора Андреевича, но с ним не заладилось. Григорий подходил на эту роль куда лучше. Он не спорил, не возражал, а если даже и не во всем был согласен, то, как правило, не соглашался молчком, не мешая капитану и дальше рассуждать и планировать свои оперативные изыскания.

Григорий и вправду редко кому возражал и вообще редко поддерживал беседу иначе, чем молчком. Это было удобно для его собеседников, но отмалчивался Григорий не потому, что ему нечего было возразить или просто сказать в ответ, – он знал, что глаза присутствующих, даже и помимо их желания, всегда фокусируются на говорящем, и знал, что смотреть на него – не дай бог...

Он и сам на себя никогда не смотрел. У него в хозяйстве и зеркала-то не было. Нынче, случайно увидав свой промельк в забытом Ириной Александровной зеркальце, взял его и долго рассматривал частями свое отражение, а потом плюнул прямо в своего двойника, подумав: «Когда ты уже сдохнешь?..»

Одним словом, Григорий почти всегда молчал... Отмалчивался...

– Он к тебе сюда часто бегаёт, Угуч этот, – взялся распутывать нужное ему Недомерок. – Поспрашай его, чего это наш рыжий ему нашептывал? Расспроси... Допроси даже...

«Совсем ослаб на голову Недомерок – немного и допроси... Это уж вы сами, гражданин чекист. Может, в ваших подвалах и немые начинают говорить, а у нас как-то по старинке – молчат себе, угукают иногда, но не больше...»

– Знаешь, что меня всего сильнее возмущает в этом нашем антисоветчике? – Недомерок, восприняв молчание Григория как согласие допросить Угуча, пустился в абстрактные рассуждения. – Его гнусные побуждения. Он же для чего чернит Родину? Для чего ее оскверняет? Чтобы выделиться. Именно для этого и выделяется. Дешевую популярность зарабатывает. Для этого он и дуриет головы...

«Это кадило теперь надолго, – думал Григорий, продолжая копаться в старых ходиках. – Может, Йеф и хочет популярности – чего уж такого плохого? Он же для этого над людьми не зверствует. Пару тысконок лет назад один чудик тоже добивался популярности... и головы дурил, проповедуя свои истины. Но гвозди ему приготовили самые настоящие... Так, наверное, и эти, которые у нас рыжие – они, может, и глупости несут и хотят своими выдумками славу дешевую заработать, но решетки им уготованы самые что ни на есть...»

– Ты не подумай, что я не вижу, так сказать, некоторых недостатков. Да сейчас и вся партия их видит. И генсек наш про них говорит. Да я и сам уважаю тех, кто прямо, не боясь – про недостатки. Но не надо очернять. Если ты колотишься о пользе Родины, то мы поможем. Мы таких всеми силами поддерживаем. Иди, говорим, учись – в науку там, или в культуру, или даже в партию. Что греха таить – наши вожди несколько постарели: и говорят по старинке, и думают. Вот и надо им помогать осваивать современные понятия, надо им подсказывать, где нам еще недостает демократии, надо – я страшную вещь скажу – надо подталкивать их... А мы будем помогать...

«Вот так вы и двигаете своих навербованных сук... Ишь как закрутил, падленыш! “Подскажут, где нам еще недостает демократии”! Вот гнида гебешная! Хоть где-то она у нас есть?..»

– ...нет, если ты достиг известности, государственного признания, высокого положения и у тебя есть критические мысли кое о чем, то ты имеешь полное право их высказывать. Но не кричи об этом, а выскажи свои соображения нужному ответработнику, напиши докладную, напиши письмо в ЦК в конце концов. Таких людей я безмерно уважаю. Я даже считаю, что с академиком Сахаровым поступили слишком расточительно. Он был готов дискутировать с партийными руководителями... В общем, если ты заслужил право высказывать свои несогласия, – высказывай, но не зарывайся при этом. А эти все желторотые? – кому интересно мнение этих неучей?

«Значит, если у тебя до полста годов не хватало ума, или совести, или смелости увидеть, что творит эта людоедская власть, то твои прозрения очень ценные и всякая тебе помощь, а если ты уже в двадцать все просек, то ты неуч и ждет тебя лишь пагуба...»

– Что думаешь? – захотел получить Недомерок поддержку своим сокровенным и даже крамольным мыслям.

– Я не смею даже подумать о том, что я по этому поводу думаю, – не слишком понятно для себя самого закрутил Григорий.

Недомерок затих, размышляя, можно ли считать эту невнятную реплику поддержкой, но доразмышлять не успел...

– Здоровья вам в хату, – приветствовал их Степаныч. – Усе сидите без дела, а я вот с утра пораньше... – Тут он вспомнил, что с утра пораньше опростоволосился с поручением Недомерка и несколько сбился. – ...с утра пораньше хотел нашему Леониду Валентиновичу дапамочь, так не вышло. А потом я суседу дапамог, и хорошо вышло. Я ему каменьев на гнедке привез и всяку непатребну заваль, а он мне – огнетушитель. – Степаныч показал бутылку вина. – ...Заправимся с утреча?

– С такой рани? – дождался Недомерок излить утреннюю еще злобу на Степаныча. – Ты соображаешь?

– Редко... Да и как сообразишь: на троих – мало, на двоих – много, одному – совсем залейся. – Степаныч скалил молодые зубы с потрепанного жизнью иссохлого лица. – Я лучше эту гранату пока у тебя сховаю, – сказал он Григорию. – На потым...

– Он что, алкоголик? – спросил Недомерок, когда Степаныч ушел.

– Не, он здешний завхоз...

* * *

Григорий мысленно и втихомолку защищал Льва Ильича от нападок Недомерка совсем не из-за какой-то любви к Йефу. И о боге в этих же мыслях своих он вспомнил совсем не из-за веры в него. Впрочем, в бога он, может быть, и поверил бы, но богу для этого надо было бы сильно постараться, а вот Лев Ильич, сколько бы ни старался, вряд ли мог вызвать к себе какое-то очень уж доброе чувство со стороны Григория. Григорий и себя не любил, что уж тут говорить о других людях. Но Недомерка и всю эту osobистскую свору, к которой принадлежал Недомерок, он не любил гораздо сильнее...

Тем ни менее он отдавал должное Йефу. Он ценил и отмечал людей, вокруг которых ровное течение жизни завихрялось водоворотами. С самой ранней юности Григорий свято верил, что мир держится и живет в будущее упрямыми безумствами мужчин. Даже не важно, какую чушь этот упрямец вобьет в свою голову, главное – он прет по выбранному пути, не оглядываясь на неодобрения знатоков, на вопли семьи или выстрелы какой-нибудь вохры. Да его и остановить уже можно только выстрелом – иначе никак. Вот этими усилиями и проталкивается дальше сама жизнь...

Йеф во многом соответствовал этому странному критерию настоящих мужиков, а сам Григорий уже нет: сошел с дистанции, точнее, его подстрелили. При этом у него еще оставался шанс снова стать мужчиной, на котором держится мир, и этот шанс ему подарил не кто иной, как Йеф.

Григорий был похож на чудовище. Его лицо да и вся верхняя часть тела горели в смерть, и только чудо да врачебные руки вернули Григория к жизни, спасли ему глаза и все, что можно было спасти, но на все это было страшно смотреть. Долгие пластические эксперименты практически не улучшили отвоеванное у смерти лицо, разве что сделали более удобными возможности пользоваться им. Когда Григорий видел себя или вспоминал о том, какой он сейчас, – ему опять хотелось помереть в том проклятом Афгане, и он не испытывал никакой благодарности к чуду, сотворенному армейскими лекарями.

Он считал, что помирать надо вовремя, не переваливая годами за свою судьбу, а лучше всего на ее излете. Может, он и решил бы так и закончить свою жизнь, когда осознал, как бессмысленно она уткнулась в эту школьную кочегарку за кладбищем, но Йеф подарил ему надежду.

Йеф рассказал, что в мире есть врачи, способные помочь ему. Может, они и не вернут его собственное лицо (Йеф посмотрел и отдал обратно курсантскую фотографию), но лицо будет вполне приемлемое для счастливой жизни. Как и все люди, Йеф не чувствовал важности того, что имел сам и чего был лишен собеседник, и легкомысленно добавил в том памятном разговоре:

– Лицо – это, конечно, очень важно, но в погоне за ним главное не уронить его...

Знал бы Йеф, в каком гробу видел Григорий все эти доморощенные под самураев мудрости!.. Но надежда зацепила его. Оставалось раздобыть деньги. Много. Очень много, потому что операции и вся лечеба стоили невероятных денег...

Во сне Григорий очень часто видел себя прежним. Это было так реально, что, проснувшись, он еще некоторое время лежал, не открывая глаза и не давая себе окончательно пробудиться, – чтобы продлить надежду. Разве нельзя вернуть себе лицо и тело? Хотя бы из только что виденного сна?.. Потом он решался и открывал глаза... Время капало из дряхлого будильника, как вода из прохудившегося крана...

Григорий думал о том, что всего несколько лет назад он был полон фантазий, желаний, планов, а теперь у него осталась одна-единственная мечта (она же и фантазия, и желание, и все на свете). Вполне жизненная мечта. Мама могла бы порадоваться и успокоиться – он стал нормальным человеком. Все люди, которых не распирают фантазии и безумства – нормальные люди, и все они – сплошь уроды. И Григорий теперь уже – нормальный, и точно – урод...

* * *

– А ты тут хорошо прижился, – оглядывался Недомерок, вроде и не собираясь уходить...

«Это ты тут прижился, а я работаю...»

– Ходят слухи... – Недомерок перешел на шепот, – развлекаешься тут с барышнями.

«Лопата-шахтерка – вот моя барышня... Сам попробуй... Ишь, росточком метр двадцать в прыжке, а туда же – про барышень...»

– Мне вот какая мысль пришла...

«Гони...»

– Если будешь с Ольгой нашей говорить...

Григорий за весь этот разговор впервые удивленно вскинул глаза, для капитана это был взгляд монстра, поблескивающего безжалостными зенками. (Ну и рожа!..)

– И с чего они к тебе бегают?.. – не сдержался он.

«Это у него особое чувство такта – явно намекает на своеобразие физиономии морды моего лица...»

– Так если что, шепни ей, что я, так сказать, глаз на нее положил...

«Глаз он положил... Она тебе этот твой глаз натянет сам знаешь на что...»

– Понимаешь, жизнь такая сучья, – неожиданно сам для себя разоткровенничался Недомерок. – Проснешься, бывает, посреди ночи, лежишь и думаешь: а что у меня есть? Жена – чужой, считай, человек. Дети – тоже почти чужие. И что остается? – одна лишь служба. Если бы не эта служба, то можно и жену сменять, а так – сразу пятно в личном деле...

«Тебе бы службу сменять, и тогда, может быть, не пришлось бы менять жену...»

– А как подумаешь – все это будет и завтра, и через неделю, и еще долгие годы...

«Смотри-ка: стоило вспомнить о горестях, и почти человеком стал. Может, не только фантазии и мечты, но и беда делает нас людьми? Это же, не дай бог, какая беда нужна, чтобы всех нас и – людьми?...»

– Налей толику, – неожиданно закончил свои охи капитан.

«Это какому Толику?... А, он просит толику... Видно, и впрямь достало его. Только не бейте на жалость, гражданин людоед...»

Григорий откупорил Степанычев снаряд и плеснул чуток в стакан. Недомерок понюхал, поморщился, покрутил стакан перед глазами и отставил в сторону.

– Извини, служба...

Григорий заглотнул содержимое стакана – не пропадать же...

– Ты бы лучше тоже воздержался, – таинственно понизил голос капитан. – Вдруг понадобится действовать, а тут, кроме нас с тобой, других офицеров нету...

«Да пошел ты...»

– Может быть, сегодня станет тем самым днем, для которого мы все так долго работали, – взвиздал себя Недомерок, поднимаясь из-за стола. – Втыкаешь?..

«Втыкаешь? – Григорий аж вздрогнул от неожиданного жаргонного словца. – Удивительно, как быстро и повсюду вокруг распространяется этот полублатняцкий словарь, – вспомнил Григорий наблюдение Ирины. – Откуда-то к детям – сначала к детдомовским, а от них ко всем нам – как угарный газ...»

* * *

Не только Недомерок ценил в Григории талант собеседника. Многие интернатовские барышни заглядывали на этот же душевный огонек. А кто бы еще стал так внимательно и сочувственно выслушивать про все их горести и глупости?

Занимались они с Григорием не только разговорами. Точнее, занимаясь с Григорием не только разговорами, они, как правило, не прекращали щебетать про свое, изливая душу отзывчивому партнеру, и лишь на какие-то короткие мгновения замирали, иногда на полуслове, чтобы в окончании сладостного оха вновь начать щебетание с того же места.

Неожиданно для самих барышень оказалось очень удобным то, что в процессе своих необычных бесед с Григорием им совершенно не требовалось глядеть на него. Данное обстоятельство делало Григория чуть ли не призрачным – каким-то не очень реальным, что помогало преодолеть неловкость этих странных отношений. Хоть и не глядели, а для надежности жмурились, чтобы ненароком не увидеть лицо вполне реального Григория, потому что в этом случае может и кондратий хватить и, вместо истомного оха, «беседа» могла прерваться истошным ором.

«Реально – не реально, а все равно блудь», – думала Ирина Александровна и нещадно корила себя за то, что снова не удержалась от соблазна навестить Григория.

Да и как удержаться – ей, кроме Григория, совсем поговорить-то не с кем. Соседка по общежитию Марина с головой занята своим многовариантным романом с Василием Викторовичем. Там все непросто, потому что у Василия Викторовича есть жена, работающая в этом же интернате учителем русского языка. Она зорко и хищно оглядывает окрестности, проверяя, не пристроился ли кто рядом с ее мужем. А кроме этой беды, у Маринки есть свой собственный муж, еще есть любовник в Витебске, да и любовнице мужа нужно устроить небо с овчинку...

Ирине с ее смешными дитячими заботами никак было не пробиться к Маринке. Лев Ильич над нею вечно подтрунивал. Школьники в грош не ставили и продолжали таскать из ее сумочки сигареты, причем непостижимо, как они это умудрялись. Даже если она сумочку не выпускала из рук, к вечеру все равно в пачке оставалась одна последняя сигарета... И кому она могла поведать эту тайну? Как, впрочем, и другие. Кто бы стал ее слушать?.. Слава богу, есть такой человек, как Григорий...

– Знаете, как странно у меня это было в первый раз? – откровенничала Ирина. – Я же столько перечитала, я так ждала, а тут... Жамкал он меня как не знаю что – именно жамкал, а потом что-то рвал, что-то дергал... А я же испуганная была – глаза зажмурила...

«Как сейчас вот», – подумал вперебив Григорий.

– ...глаза зажмурила и дышать даже страшно... и всеми клеточками жду, когда же начнется то самое... А потом раз – и все кончилось. Я лежу с зажмуренными глазами и жду. И это все? Вот ради этого вся литература, все искусство, вся, так сказать, цивилизация?.. Великие трагедии и злодеяния? Все только вот ради этого?.. Стоило ли огород городить?..

Ирина слышала в молчании Григория явное сочувствие и, приободренная, вываливала на него все, что смущало ее душу, и все, что было у нее радостного и необычного, все огорчения и все открытия. Другие гости Григория тоже вываливали на него что ни попадя, но это были, как правило, беды и жалобы. Причем жалобы тусклые, будто их уже не раз перетирали в одиноких и горестных мыслях.

Всякие бывали беды и всякие жалобы. Посетительницы даже не очень заботились о связности или логике своих исповедей. Они обрушивали на Григория все, что мешало, как они полагали, их жизни. Разница между их излияниями и откровениями Ирины была лишь в том, что у Ирины все ее жизненные переживания были яркими, как в детстве, – как и у ее воспитанников. Она жила с полной отдачей и набело, но не знала об этом и печалилась, что все у нее не так, а Григория очаровывали ее яркие переживания...

Как переводные картинки из детства, когда берешь лист с блеклыми рисунками и водой (а то и слюной) переводишь эти картинки на чистую бумагу. И вдруг брызгами в глаза – яркость. Как из другого мира, потому что во всем мире за окном такие яркие краски трудно сыскать...

Вот таким было у Григория впечатление от Ирининых рассказов и даже от ее жалбы, потому что в жалобах этих и на дуновение не было какого-то осуждения в адрес других людей, самое большее – недоумение, но чаще изумление.

– Знаете, что я открыла? – безо всякого перехода от своих печалей первого любовного опыта продолжала Ирина. – Мы совсем не умнее с годами. И ничего такого важного о жизни не знаем. А когда делаем перед детьми умное лицо и учим их жизни – нам, если по-честному, сказать им нечего, одни глупости и общие места... А дети ведь верят, что станут взрослее и что-то важное узнают, а узнают лишь про этот всеобщий обман и потом уже сами начнут его поддерживать... На самом деле, нам следует у детей поучиться, как жить...

Григорий вспомнил, как страстно он мечтал в детстве о славе, чтобы непременно помереть, спасая кого-то, а потом в благодарность тебя будут носить на руках до самой смерти.

Может, Ирина и права? Может, в таких мечтах больше главных истин о жизни, чем в его нынешних?..

– А вот что делать, когда рассказываешь им, – снова перебила себя Ирина, – а они спрашивают: «А это правда?» Это, мол, на самом деле было?.. Попробуй сказать, что не было, – потеряют всякий интерес... И что делать? Обманывать?

Григорий будто прикипел памятью к последней их встрече накануне, когда она приехала из Витебска.

– А вы видели фильм «Начало»? Я прямо себя не помнила. А потом решила, что у меня будет все так же: какой-нибудь режиссер непременно найдет меня в самодеятельности, и я стану великой актрисой... Даже в самодеятельность пошла. Но никакой режиссер не нашел, – вздохнула она. – А нашел Сашка этот, который был у меня первым... А вы фильм и вправду не смотрели?..

Ирина не ждала ответа Григория, да и никто из его гостей не ждал. Становилось легче уже от того, что они сами выговаривались до доньшка.

Если бы Григорий знал, что где-то за кордонами и океанами очень похожие процедуры называются психоанализом и стоят бешеных денег, он бы, наверное, решил, что надо литься туда и этим психоанализом заработать на новое лицо. Правда, в его психоанализе были и другие особенности, у западных врачей не предусмотренные... Кроме того, как мы знаем, сеансы Григория проходили молчком – какой уж тут психоанализ, если он вообще не разговаривал с людьми?...

* * *

Пожалуй, с одним лишь Йефом года два назад Григорий смог безо всякого напряжения зацепиться в полноценную беседу – отвечал, возражал, доказывал. Йеф не уворачивал зрачок в сторону и не делал никаких специальных скидок собеседнику по причине его своеобразной внешности.

Зачастую мы склонны полагать, что если у человека неприятная или даже уродливая внешность, то он и чувствует по-другому, и думает иначе, и уж во всяком случае ему не испытать той боли и тех глубоких переживаний, которые испытываем мы.

– Книжки помогают нам узнать про жизнь других людей, – ответил Йеф на давнее недоумение Григория: зачем, мол, нужны все эти книжки?

– Никакие книжки не научат и не передадут, как болит болючая боль, – возразил Григорий. – Боль, горе, отчаяние – все это надо испытать самому, и никакие книжки этому не научат.

– Но книжки откроют нам, что чужое горе не меньше нашего. Только такое знание может научить нас жить на земле, переполненной разными чужими...

Григорий нехотя соглашался.

Ему нравились их неспешные прогулки. Нравилось, как хрустко шуршали подмороженные желтые листья в корочке снежной измороси. До приезда в школу этого странного рыжего Григорий предпочитал сиднем сидеть в своей котельной, а тут (ишь ты...) стал выползать наружу...

– Зачем ты мне дал эту книгу? – шутиливо (а может лишь с долей шутки?) пенял Григорий Йефу. – Мог жить себе и дальше в счастливом неведении...

– Жить, отвернувшись от правды?

– Кроме правды, все можно перенести и пережить.

– Можно еще жить слепым, глухим и не лечиться... Можно считать, что земля плоская, и жить себе на плоской земле. Людьюми на плоской земле и управлять проще – один шаман может обустроить всю эту плоскую жизнь.

– А если там человек более доволен, чем на круглой, что тут плохого?

– Ну, если критерий человеческой жизни – это быть довольным...

– Нормальный критерий, а главное – понятный...

Рядом с Йефом было интересно, будто в каком-то электрическом поле. Не в поле света, но в поле, где может быть свет...

«Диссида или ветераны из горячих точек, – думал Григорий, – они как бы хлебнули жизнь на краю, и им уже некомфортно без этих губительных напряжений...»

– А ты знаком с вашими знаменитостями? – полюбопытствовал Григорий. – С «генера-лами»? С Сахаровым? С другими?

– Знаешь, мне не по душе отношение к звездам диссиды, которое у нас бытует. Такая появляется откровенная радость, когда среди нас оказывается кто-то из знаменитостей, в званиях и орденах. Мол, во мы какие!.. А вспомнили бы, чего пришлось натворить ради этих наград... Я мало кого знал, но до всех знаменитостей буквально одно рукопожатие... Понимаешь, не хотелось потакать собственному подленькому тщеславию и потому специально ни с кем не знакомился – только по делу...

– И у вас там тщеславие?..

– Оно везде... Но у нас все-таки поменьше... Приятно, конечно, когда про тебя «голоса» трещат, но главное – о чем трещат.

– Кстати, твоя машинка трещит в ночи то очередями, то одиночными, – посмеялся Григорий. – Будто партизанский отряд отбивается от фашистов.

Позже Григорий сделал в Йефовой квартире вполне надежную звукоизоляцию в выгороженной от кухни конуре.

– Как теперь? – спросил Йеф.

– Теперь впечатление такое, будто партизан-подпольщик сидит в погребе и печатает на машинке антифашистские прокламации...

На самом деле ночную тишь стрекотания Йефовой машинки больше не нарушали. Недомерок и тот не сумел своими растопыренными ушами поймать крамольные звуки.

– А если по-честному, не страшно? – как-то решился спросить Григорий. – Ведь посадят! Громче машинка грохочет, тише, а все одно – посадят... Не ссышь?

– Ссу... но так, чтобы никто не видел.

– Какая разница? Видят – не видят?

– Не скажи. Когда на тебя смотрят – надо улыбаться, а всегда кто-нибудь да смотрит.

– Бог, что ли?

– А вот это точно без разницы – кто бы ни смотрел...

Осень сменилась семью морозами, и беседы Григория с Йефом постепенно сошли на нет. Не из-за морозов, конечно, а потому что приехал Недомерок и заявился к Григорию со своей красной книжечкой и секретными поручениями.

Как он мог теперь говорить с Йефом?.. Можно было честно сказать, что Недомерок заставляет его стучать на Йефа, но и после этого, как говорить? Йеф будет осторожничать и прикусывать язык, а Григорий будет опасаться, как бы Йеф не ляпнул чего... Это уже не дружеская беседа, на которых, может, и держится вся человеческая цивилизация. Это как мычание немых... Чем говорить с прикушенным языком, лучше уж совсем его прикусить. Лучше опять – молчком...

* * *

Молчать ему было не в тягость, но в последнее время Григорий подозревал, что стал разговаривать во сне, уж очень часто просыпался он от какого-то голоса. Сначала он полагал, что его будили слова, которые протекали из радиоприемника бессмысленной влагой и стекали по стене на пол, смешиваясь там с угольной пылью. Однако потом Григорий стал просыпаться по ночам, до шестичасового гимна, пока радиоприемник еще молчал.

Григорий побаивался сна. Он опасался ситуаций, в которых не смог бы полностью управлять собой, а сон был именно такой ситуацией. Он и в детстве панически трусил засыпать, потому что ему часто снились страшные сны. Может, оттого более всего боялся смерти. Он думал, что смерть – это когда уснешь и не проснешься. А если там приснятся страшные сны? Проснуться ведь нельзя, а что делать? От этого страха может и сердце разорваться... и помрешь навсегда...

Да мало ли чего может случиться во сне. Сейчас вот, похоже, он во сне разговаривает. Интересно, о чем? Вероятно, о чем более всего думает.

А думал Григорий про деньги и про то, как их можно достать. Всякие честные пути он отметал сразу – ни на какой работе столько не заработаешь. Одно время он еще полагал, что ремонтом машин и другой дорогой людскому сердцу техники можно скопить нужную сумму. Потом посчитал практические доходы и бесповоротно вернулся в криминальные планы. Ясное дело, ему совсем не улыбалось, чтобы хоть кто-то про эти планы проведал.

Можно представить, как он загорелся, услышав от Степаныча, что Йеф хранит свои сокровища в книгах. Разумом Григорий понимал, что у Йефа нет и быть не может никаких сокровищ, но перед силой соблазна замолкал и разум. Он брал у Йефа книги, как и все работники интерната, перелистывал их, посмеиваясь над собой и от скуки начинал читать, – так и втянулся...

«...есть часов московского времени», – заголосил сквозь хрипы репродуктор над школой.

От этого внезапного звука Григорий вздрогнул, потому что, вернувшись мысленно в свои планы преступного обогащения, уткнулся в самую насущную проблему: как обзавестись оружием?..

В оправдание Григория можно сказать одно и очень существенное соображение: деньги ему нужны были не для того, чтобы возвыситься над ближними, а для того, чтобы вернуться в мир людей...

Дальше он не думал – про дальше он подумает потом, с новым лицом... Ну, наверное, перво-наперво он с этим своим новым лицом придет к Ирине, и, может, все у них срастется. А если нет?.. К кому тогда, если не к ней? Можно, например, к Алевтине – она точно не будет против. Правда, Алевтина по натуре из тех женщин, которые, подставляя мужику, полагают, что оказывают ему немыслимую услугу и он теперь должен быть благодарен по гроб жизни... Нет, надо будет добиться до Ирины...

Григория явно тянуло к Ирине Александровне, но не из-за того, что он чувствовал какую-то с ней похожесть. Ничего похожего... Например, у Григория первый любовный опыт был совсем, можно сказать, противоположный. Он потерял сознание... В самом прямом смысле слова – бряк и нету его. Зато очнулся другим человеком. Видели энтомолога с сачком, охотящегося на бабочек? Вот то же самое, только без сачка, и бабочки покрупнее...

Благодаря неоспоримой красоте тогдашнего Григория отказов в добыче не было. А ведь ему в ту пору исполнилось всего-навсего семнадцать годков. Красота его лица была какой-то излишне нежной и для поддержания ее в неповрежденном состоянии Григорию пришлось походить в секцию боксеров и взять несколько уроков уличной драки (а потом и давать эти уроки другим).

Много разных талантов пошло пробиваться в рост у Григория в тот год. А потом он поступил в танковое военное училище...

* * *

Почему танковое?

Наверное, потому, что Григорий был рукастым и природно талантливым по разным техническим вопросам...

Почему военное?

Как-то само по себе получилось. Военным был отец, пропавший без вести на полях любовных сражений и, видимо, передавший сыну кое-что из своего боевого опыта и нрава. Кроме того, добычей его охоты, как правило, оказывались если не дочери военных, то их жены. Вот так случайно и легли несчастливые карты в гиблый рисунок судьбы...

Григорий засомневался в правильности своего выбора еще в военкомате, получая направление в училище. Там организовали казенное торжество с приглашенными по разнарядке ветеранами, которые бойко ввали по написанному. Сразу же захотелось сбежать, но было неловко. Не перед этими картонными вояками, что наперебой шлепали картонными словами, – неловко было перед двумя приятелями, с которыми собирались отметить отъезд Григория.

И отметили: впервые в жизни Григорий напился до изумления. С тем и уехал.

Сразу же в училище Григория люто невзлюбил абитуриент, спавший в казарме по соседству. Это был амбал блатного вида и таких же повадок. С его языка не сходило звонкое, как пустое ведро, слово «пидераз». Он так это дико произносил, что Григорий и не отреагировал – попросту не признав примечательное словечко. Амбал Саня был уверен, что люди с такой нежной красотой, как у Григория, – все непременно «пидеразы», и, поскрипывая мозгом, строил планы по низвержению его в касту опущенных.

В одну из ночей он вывалил сонного Григория на пол и, не дав опомниться, накиннул на шею петлю из ремня, конец которого зажал в руке. Некоторое время Григорий надеялся, что все это невзаправду – такие вот шутки часто любят устраивать такие вот дебилы...

– Скажи-ка, красавчик... – амбал подтянул петлю, – с бабами любишься?

– А то? – прохрипел Григорий. – Посексотить с барышней – чего может быть приятнее, – опрометчиво выронил Григорий знакомое всем словечко в незнакомом применении. – И очень люблю это дело.

– А с голыми любишься или в одежке?

– Всяко бывало.

– А в пилотку нырял? – Амбал спешил уличить красавчика в недостаточно правильной сексуальной ориентации.

– Чего? – притормозил Григорий, настороженный даже не словами, а победными интонациями противника.

– В пилотку, спрашиваю, нырял?

– В какую пилотку?

– В бабскую.

– Откуда у баб пилотки? Они что, армейские бабы?

– Да нет же... Ты голую бабу видел?

– Бывало...

– Так у них энто самое место похоже на пилотку: губы там, то да се – натуральная пилотка.

– А ты откуда знаешь? Нырял, что ли?

Саня растерялся, а Григорий, воспользовавшись этим, выдернул конец ремня из его руки и неспешно снял петлю с шеи.

– Так чего замолчал, урод? – Григорий накручивал конец ремня на руку. – Нырял, значит, чмошник приблатненный? – С этими словами он с оттяжкой хлестнул амбала.

Тот смолчал, потому что правильные мужики со стопроцентно правильной ориентацией и без какого-либо личного сексуального опыта стояли вокруг Григория молчаливой поддержкой.

Это не были самые ненавистные воспоминания Григория об армейской жизни, но они были самые первые. Были и другие, много других, – и все они, да и вообще все, что напоминало армию, вызывало в ответ ненависть и отвращение... Сознание в этом не участвовало, даже когда Григорий пытался управлять им.

Короче говоря, Григорий боялся смотреть на обнаженное женское тело, потому что в памяти сразу всплывала эта дурацкая «пилотка», и дальше уже пошло-поехало к армейским картинкам, – какие тут «разговоры по душам»?..

Выходило, что не только Ирина (или кто другой) жмурилась, чтобы случайно не увидеть своего «собеседника», но и он жмурился, чтобы тоже не увидеть лишнего. Так они и общались, вслепую – как животные. Может, именно чисто животная тяга и дурманила их головы и давала возможность всласть порадовать один другого? Но на что же тогда рассчитывал Григорий в своих мечтаниях о приходе к Ирине с новым лицом?.. Бог весть...

* * *

Прибежала Ольга за срочной помощью – сгорела электросковорода.

– А электрик куда-то подевался – нигде няма, – жаловалась Ольга. – Поспешай, Григорий, – мне еще обед спроворить.

– Как помощь, так Григорий. – Он добродушно поварчивал и наводил повседневный макияж с помощью сажи. (Лучше неумытый шахтер, чем чистенькое страшилище.) – А как помощь не нужна, так Недобиток.

– Так то ж не со зла, – смеялась Ольга, продолжая торопить Григория. – А не со зла, так и не след обижаться.

Григорий нахлобучил поглубже армейскую панаму и пошел вслед за поварихой. Он и не обижался, да и трудно было на нее обижаться.

– Все пытаюсь тебя на вторую свиданку сговорить. – Григорий привычно взялся кружить над Ольгой, споро устраняя аварию. – А ты никак не сговариваешься.

– Не сговорить ты пытаешься, а сблудить. Потому что, все что ты можешь предложить, это случка, а мне этого сейчас не надобно. Мне судьбу надо устраивать, а случка у бабы – или до устройства судьбы, или апода.

– Да какая случка? – Григорий не оставлял надежды усахарить Ольгу. – Давай вместе судьбу устраивать!

Григорий на полном серьезе подумал, что можно бы и не к Ирине, а к Ольге заявиться с новым лицом и устроить с ней одну судьбу на двоих. Только ведь этого еще ждать и ждать, а Ольге нетерпится определиться с судьбой сейчас. Он может и сейчас. Чтобы не пугать Ольгу, он может плотно измазываться сажой, как мавр. Григорий вспомнил, как в детстве, посмотрев по телику «Отелло», он долго не мог войти в разум: «Как же так? Ведь там негров линчуют, а этот негр всеми командует». Наконец, решил, что Шекспир ошибся – жил ведь невесть когда, в невежественную дореволюционную эпоху...

– Какая у тебя судьба? – фыркнула Ольга. – Ты же по жизни – кобель, и вся твоя судьба кобелячья. Нет, правда, я акрома тебя только одного такого кобеля знаю – Тимку из Богушевска. Да ты же и сам с ним знаемый. А больш таких и няма ва усим свете. Ты, Григорий, не обижайся, ты хороший мужик...

– Хорош до безобразия, – буркнул Григорий.

– А также после него, – засмеялась Ольга. – Да и во время тоже...

С Тимохой Григорий приятельствовал несколько лет. Тимоха и вывез чуть живого Григория из Афгана на «Черном тюльпане» вместе со своим двухсотым грузом. Санитарный борт тогда надо было ждать еще несколько часов, а Тимохин Ан-12 уже стоял на полосе...

Да и сюда Григория сманил тот же Тимоха. Григория выпустили тогда из госпиталя, зала-тав и заштопав, как только умели. В то время ему некуда было жить...

* * *

А познакомились они с Тимохой много раньше, в госпитале в Ташкенте, перед отправкой Григория в его непродолжительную и пагубную командировку для отдачи, как впоследствии выяснилось, абсолютно чужого интернационального долга. Госпиталь в то время был развернут чуть ли не на самом аэродроме и большей частью предназначался для прибывающих оттуда военных, но и вылетающим в Афган отказать не мог.

Только вылупившийся лейтенант Григорий сидел в ожидании, когда его примет военный хирург Галина Ивановна Тихоедова, а ее муж, начальник госпиталя и полковник медицинской службы, тут же в коридоре распекал какого-то прапорщика, размахивая перед его носом бумажками накладных.

– Почему не исполнены главные позиции? Где основная группа медикаментов? Отгрузили, привезли и – до свидания? Так, что ли?.. Никакой заинтересованности в деле: все формально, все для галочки...

Григорий фыркнул – не сдержался, а прапор оглянулся на него, зыркнул на дверь врача, к которому ждал попасть Григорий, и все просек. Он тоже много чего мог сделать для этой Галочки, хотя, конечно, не все, как преувеличивал ее муж...

– И давно?.. – спросил прапор Григория, подсаживаясь рядом, когда начальник ушел, полагая, что вразумил нерадивого военнослужащего.

– Чего давно? – включил тормоза Григорий.

– Тише едешь – давно? – уточнил прапор.

– Да я всего здесь неделю, – засмеялся Григорий, которому расхотелось ваньку валять. – Тихо еду, получается, дней семь – не больше. А вот далеко бываю, – не удержался хвостануть лейтенант, – всего ничего – деньков шесть.

– Владимир, – протянул руку для знакомства прапор. – Товарищ, – он кивнул на дверь с врачебной табличкой, – и по всему выходит, что брат... Значит, осталось стать друзьями, и будет, как в песне: друг, товарищ и брат.

– Это не в песне – это в кодексе.

– Не может быть! И сколько же за это дают?

– Не в том кодексе, а в том, который для строителей коммунизма.

– Это надо же! Такое идиотское дело, и такие хорошие слова...

Григорий напрягся: не провокатор ли? Слишком свободно звездоболит – будто здесь двери без ушей.

«А может, и без ушей? – прикидывал Григорий. – Война рядом, и может в ее огне сгорит вся гниль?..»

– Не ежись, лейтенант, – понял прапор сомнения собеседника. – Хочешь строить коммунизм? – Строй. Лично я за любое веселье, кроме голодовки.

– Прости, – с подкупающей искренностью потянулся Григорий к прапору, собравшемуся уходить. – Прости, быдланулся, – честно признался он. – Подумал, может, провокация...

– Коммунизм – провокация? – уселся обратно прапор. – Очень похоже. У нас в поселке была коммунистическая столовая, и школьников туда водили обедать, а там вечные макароны по-флотски.

– Не так уж и плохо...

– Так они хоть и по-флотски, но без мяса. А столовка, прикинь, коммунистическая...

* * *

Те несколько ташкентских дней они не расставались. Даже по барышням шастали на пару. Оказалось, что прапорщика с детства зовут Тимохой, хотя он по имени совсем даже Владимир, а на родине его – рай земной и живут там еще три его друга. То есть постоянно живет там только один Мешок, а остальные скитаются по неуютному миру, как и Тимоха, но при каждой возможности возвращаются в свой богушевский рай.

Тимоха общался весь нараспах, и это было в зависть Григорию, который не мог себе такого позволить. А ведь когда-то и он жил вот так – в открытую, и поэтому сам был открыт для всех чудес мира... Подкараулили... Подсекли в самом начале его блистательного полета, а теперь уже и не взлететь...

Как будто Тимоха жил, а Григорий выживал.

– Мало кто из людей живет, – поделился он своими размышлениями с Тимохой. – Большинство выживает всю жизнь.

– Ага, – зубоскалил Тимоха. – А умнеют и взрослеют так и вообще через одного, и те поздно да редко.

Хорошие предвоенные каникулы устроил Тимоха для Григория. Где-то он добывал вещи, о которых Григорий только из книг что-то знал. Угощал, например, приятеля вискарем, а Григорий всю жизнь полагал, что виски с содовой – это такой специальный неразделенный на составные части напиток.

– Где ты берешь все эти чудеса? – как-то спросил Григорий, машинально и совсем не ожидая ответа. (Даже и не желая ответа. Зачем ему? Тимоха еще подумает, что он выпытывает, чтобы настучать.)

– Меньше знаешь... – отмахнулся прапор. – Ты и не представляешь, как много людей способно сотворить много чего гнусного, чтобы захватить хоть чего-нибудь завалышного... – заплутался Тимоха пьяным языком в нетрезвых мыслях.

Уже назначен был день вылета, а все равно эта война, громыхавшая совсем близко, казалась какой-то выдуманной.

– Держи подарок – умней мозгами и душой, но никому не показывай! – Тимоха протянул Григорию сложенную до размера блокнота газету «Красная звезда». – А то уже и лейтенант, а там и до генерала дорастешь. Можно сказать, в люди выбьешься, а человеком не станешь.

Григорий далеко не сразу отдал должное ценности этого подарка. Он довольно небрежно засунул сложенную газету в карман мундира. Тимоха еще раз предупредил лейтенанта о том, что обращение с подарком требует аккуратности.

– Понял – не волнуйся, – чуть заплетаясь языком обещал Григорий. – «Красная звезда» не попадет в чужие руки. Я ее съем. Прежде чем меня возьмут в плен – съем без остатка. На завтрак... А у тебя «Правды» нет? Ее бы на обед...

Самое смешное в том, что Тимоха действительно хотел подарить еще и «Правду», но решил, что для начала хватит.

Это были экземпляры из фальшивого тиража газет «Правда» и «Красная звезда». Верстка, гарнитура и все тончайшие газетные прибабасы были, как и у настоящих, точь-в-точь. Этот подарок советским воинам сбавали не сотрудники какого-то могущественного ЦРУ, а итальянские журналисты-леваки на свой страх и риск и на ими собранные деньги. Они отнеслись к задуманному предприятию очень добросовестно и даже тиражи отпечатали в типографии Ватикана, потому что, по их сведениям, в этой типографии точно не было гебниных агентов – ватиканские издания мало интересовали вездесущую гебню.

Но тогда всего этого ни Тимоха, ни тем более Григорий не знали.

Тимоха, естественно, грешил на западные разведки, но все равно это лихое дело ему было по сердцу.

Он попробовал еще раз предупредить об осторожности, но махнул: не маленький – разберется.

И Григорий разобрался, узнав много неожиданного об этой войне и о том, как именно воины-интернационалисты отдают свои интернациональные долги. Его отношение к армии все более кристаллизовалось в непроходимую ненависть. И не только к армии.

Еще Тимоха подарил Григорию самые модные солнцезащитные ненашенские очки в пол-лица. Потом эти очки спасут Григорию глаза, прикипев оправой к бровям и скулам и выдержав выгнутыми стеклами невыносимый огненный жар.

В последний день Тимоха отвез Григория куда-то почти за город и завел в самодельную церковь, прозябающую на общем негласном попечении местных верующих стариков и военнослужащих, которые по анкетам значились комсомольского вероисповедания поголовно...

Святые лики были намалеваны прямо на стенах подвала грубо, но выразительно – смотрели не менее строго, чем в особом отделе, и, так же как и там, просить о снисхождении казалось бесполезным. По всему видно, лики эти малевали комсомольцы, оформители боевых листов, набившие руку на физиономиях непримиримости.

Григорий, тем не менее, долго выбирал святого понадежнее и поприветливее, который точно уж доставит его просьбу Верховному распорядителю всей жизни.

Как показало будущее – выбрал неудачно.

Ранним утром следующего дня Григорий болтался в брюхе военного транспортника, оставляя далеко-далеко мир, наполненный прекрасными невозможностями.

Про свой непереносимый душевный груз Григорий Тимохе так и не сказал – не решился.

* * *

Григорий жил калекой задолго до того, как его покорежило огнем афганской войны. Все случилось еще в абитуриентскую пору в танковом училище. В какое-то утро его проводили в комнатку за неприметной дверью безо всяких обозначений. Кабинет оказался неожиданно просторным.

Перед внушительным письменным столом возвышался дядька в штатском, совсем и не старый, но уже заматеревший за гривком и крестцом, приближаясь к земле и всему земному. Перед ним стоял никудышник из одной с Григорием казармы, и Григорию было велено встать рядом.

Глаза дядьки буквально навалились тяжестью на Григория, а потом медленно переползли на соседа.

– Так, значит, сексотить любишь? – спросил дядька, наново перевалив взгляд на Григория.

– Любит-любит, – подтвердил никудышник. – Сам говорил...

– Тебя не спрашивают, – взревел дядька. – И вообще – пшел вон! И что это мы молчим? – совсем другим, фальшивым голосом спросил он Григория. – Это ж надо такое придумать! – В голосе его слышалось возмущение, возможно, тоже фальшивое. – А вы знаете, юноша, что означает слово «сексот»? Это вам отнюдь не всякое там тыр-пыр, – шоркал дядька по ушам. – Не какие-то удовольствия взад и вперед. Это означает – секретный сотрудник, невидимый боец органов.

«Невидимый боец невидимого фронта, – мысленно каламбурил Григорий. – Призрак призрака...»

– А сколько таких бойцов сложили светлые головы, чтобы вы, юноша, могли свои тырпыр?.. Сколько падших товарищей, которых вы оскорбили невыносимо как?

Григорий стоял, изображая сочувствие и понимание, но в душе веселился. Напрасно веселился. Скоро к дядьке присоединились двое его коллег, и теперь они уже втроем наперебой возмущались неблагодарностью подрастающего поколения.

Сначала у Григория заболела голова, потом ему стало страшно, что эти изверги и вправду сделают с ним все, что обещают... даже если и не все, а только половину – хватит нахлебаться. Он уже представил, как его вышибают с экзаменов и отправляют служить в самую «засратую» часть Союза, а впереди его пускают слушок, что он стукач и педераст в придачу...

– И устроят тебе там такую развеселую жизнь, – грозил третий дядька. – Педерасты – это там всякому надо, – подхватывал второй. – Собственной задницей будешь – как это ты говоришь? – сексотить... – закончил угрозу самый первый, видимо, и самый главный.

Потом голова стала просто раскалываться, выдавливая глаза и тошноту. Когда за окном стали сереть сумерки, он подписал нужные им бумаги. По словам особистов выходило, что отныне и навсегда он секретный агент особого отдела по кличке Красавчик.

«А может, и не навсегда? – вяло предполагал Григорий, двигаясь в казарму. – Что-нибудь придумаю... Сорвусь...»

Он видел себя какой-то сверкающей и ловкой рыбиной, которая лихо скользит, уворачиваясь от многочисленных рыбацких приманок, а был почти дохлой рыбешкой на ржавом гебешном крючке.

* * *

Григорий не оставлял надежд вырваться на свободу. Не только мечтал, но и планировал какие-то решительные действия. Первое из таких безумств он предпринял чуть ли не сразу после вербовки.

Нагло и не смущаясь возможных свидетелей он ввалился в кабинет особиста и заявил, что решил на саморазоблачение. Именно так: он расскажет всем курсантам, как его вербовали, и объявит, что, независимо от планов особистов, он лично стучать на товарищей не будет.

– И что вы мне сделаете? – нагло улыбался Григорий. – Сейчас вы меня пугаете тем, что расскажете всем о моем стукачестве. А чем вы меня испугаете, когда я сам расскажу?

Напрасно он улыбался (а в душе так и торжествовал своим придумкам). Ему быстренько объяснили, что разглашение данных о секретном сотрудничестве с органами является, по сути, разглашением государственной тайны и наказывается в соответствии... Ну, вы поняли...

– Так вы же сами грозились, – ничего не понимал Григорий. – Грозились разгласить...

– Мы не грозили, а предупреждали, – поднял вверх палец особист. – И не разгласить, а намекнуть. Чувствуете разницу?..

– Вот я сам и намекну, – вернулся к своим угрозам Григорий.

– Очень не советую... Вы представить себе не можете, что делают с такими вот... – особист пощелкал пальцами, – ...их товарищи.

Григорий не решился. Но он уже тогда начинал люто ненавидеть всю армию и все с нею связанное...

Несмотря на эту ненависть, он рвался на войну, и чтобы прямо из училища. Он хотел совершить подвиг, стать героем и уже с этой вершины наново поговорить с особистами. Кое-что из его мечтаний осуществилось. Он попал в Афган и в первом же боевом задании совершил подвиг. Правда, почти посмертно. Однако героем не стал, и не потому, что выжил, а потому, что в набедренном кармане комбинезона у практически сторевавшего героя обнаружили странный экземпляр газеты «Красная звезда».

Допросы чередовались с медицинскими операциями. Григорий молчал и про Тимоху ни гу-гу. Он вообще наглухо молчал, благо и состояние его чаще всего не предполагало возможности каких-либо разговоров. Потом допросы прекратились, а затем прекратились и операции. Григорий был уверен, что сорвался с подлого крючка и обрел свободу.

С тем он и приехал сюда, благодарно отозвавшись на приглашающее письмо Тимохи. Познакомился с Тимохиными друзьями. Оказалось, что если с Тимохой у него много общего по части душевного общения с дамами, то с Мешком он чуть ли не душа в душу по отношениям с разнообразной техникой. Еще был у них странный дружок, который сейчас сидит в тюрьме по государственной надобности. Он-то и пристроил Григория в интернат. С четвертым Тимохиным другом у Григория не заладилось. Тот долго молчал в их первую встречу, слушал гомон своих друзей, планы по обустройству Григория в Богушевске, а потом возьми и спроси напрямую:

– А ты, парень, случайно не дятел?

Григорий и ответить не успел – сами Тимохины друзья набросились стыдить Серегу, но складочка с ним у Григория так и не разгадалась.

На вопрос Сереги он тогда не ответил, полагая, что хоть он и дятел, но бывший. Был, а теперь баста – свободен. Он мордой своей сгоревшей заплатил за эту свободу – выслужил...

А потом появился Недомерок со своей красной книжицей и доходчиво объяснил Григорию, что он никогда не освободится от этой почетной службы (как сказал завербовавший абитуриента Григория особист – «отныне и навсегда»).

* * *

День норовил застыть в недвижность, но снова и снова скрипела дверь котельной – кого-то искали, о чем-то спрашивали, чего-то просили – и казалось, что именно каждое скрипучее открытие двери поворачивает землю еще на чуток вокруг своей оси, проталкивая день дальше.

Григорий думал о том, что, может быть, власть и права, устраивая охоту на всех этих рыжих йефов. Ведь, по сути, власть чего добивается? Чтобы отсортировать людей в понятные и управляемые структуры. Так безопаснее не только для власти, но и для самих людей. Чтобы без неожиданностей, безо всяких вдруг – надежно и привычно. А тут носятся какие-то рыжие и путают все карты. Конечно, изолировать их!.. А с другой стороны, если все без неожиданностей, то и без открытий – без развития. И тогда, в конце концов, приходит новый правитель и говорит о том, что вы, товарищи дорогие, что-то пролопушили, и у вас теперь случились застойные явления. Значит, лучше, чтобы эти рыжие летали, как им угодно, и не давали нам застояться в наших привычках.

«Беда в том, что не хватает вам ширины взглядов, дорогие товарищи палачи, – подытожил свои размышлялки Григорий. – Вы своих оппонентов все на дыбу да на дыбу...»

Заглянул школьный электрик Алексей Иванович и посетовал, что с этой работой совсем нет никакой жизни:

– Веришь, Григорий, стоит на чуток отвернуться, и тут же чего-нибудь да изломают. Добра, что ты оказался на месте.

Потом заглянул завхоз и спросил Алексея Ивановича. Потом заглянули оба и спросили, не пора ли поправить здоровье.

– Я тута лекарство оставлял, спозаранку еще, – напомнил Степаныч.

Так вот само собой организовалось легкое застолье. Потом пришел директор, и застолье плавно перетекло в учредительное собрание по организации школьного филиала общества «Трезвость». Печальной тенью прошмыгнул в свой закуток Угуч. Директор поспешил по своим

делам, убедившись, что филиал «Трезвости» готов начать планомерную работу... Опять скрипнула дверь, и вошел Йеф, щурясь с яркого солнца. Спросил про Угуча.

Йеф торчал рядом с сидящими за столом коллегами по школе, как подсолнух в огороде картошки, и точно как тому подсолнуху, хотелось свернуть ему золотистую бошку с тонкой шеи.

– Попехал тестя с озера тянуть, – прокомментировал Степаныч уход Йефа с Угучом. – Не захотел дапамоги – гордый какой...

– Зачем ему дапамога? – отозвался Алексей Иванович. – Ему длинноногому спехать до поселка и назад – раз плюнуть...

– Вот интересно, – переключился Степаныч, – а до Витебска ён за сколько часов допехал бы своими длиннющими и вдобавку голыми ногами?

– За день бы, наверное, допехал, – с сомнением предположил Алексей Иванович.

– Не сбечь, – подвел черту завхоз. – Хоть длинными, хоть какими – не сбечь.

– Степаныч, а он вроде никуда бечь и не собирается, – подал голос Григорий.

– Таму что дурень, – пристукнул по столу Степаныч. – Чаго чакать?.. Пакуль захомятуют?..

– А вы мне вот чего расскажите, – встрял электрик, – вот если бы, к примеру, нашему Ильичу сказать: живи ты сабе, паря, покойно, и никто тябе чапать не будет, только живи молча – не звездоболь... Так вот ему сказали бы... И что бы было? Он согласился бы или нет?

– Он бы, может, и согласился, – взялся рассуждать Степаныч, – да натура все одно взяла бы свое. Не сдержался бы, нет, не сдержался. Это я вот, к примеру, хоть год могу молча, только наливай – и слова не скажу.

– И я могу, – заспорил Алексей Иванович.

– И ты, – согласился Степаныч. – А пачаму?.. – Он поднял палец – страшный, израненный за долгие годы всякими жизненными работами. – А потому, что мы все люди простые, родом с деревни. Деревенскому человеку треба, чтобы все у него было, как у других, – не хуже, чем у других. А человеку городскому треба не так – ему треба, каб у него было, как ни у кого няма. Вот поэтому он и несет своим языком такое, аб чым другому кому и подумать боязно... А усе для того, чтоб было усе как ни у кого другого – и слова, и мысли, и одежда даже. Видали, какая у Ильича одежда? Седина в голове, а ен с голыми ногами пехает.

– Это ты хорошо про деревенских сказал, – похвалил электрик Степаныча. – Правильно, нам надо, чтобы все, как у других. Пачаму ж тогда ты меня ругал всякошно и стыдобил за опоздание, если я, как и другие, побег клад делить? Усе побегли – и я как усе...

– Какой клад? – встрепенулись Григорий со Степанычем.

Оказалось, что шел себе Алексей Иванович в самом начале трудового дня в школу к своему служебному месту и опаздывал всего ничего, потому что шел из магазина, который тоже открывается в начале рабочего дня, а в том магазине его знакомый подсобник продавца еще со вчерашнего вечера держал для Алексея Ивановича винище, которое они сейчас вот... ну это не важно. Вот он идет, а навстречу люди бегут и кричат: «Клад-клад-клад». Понятное дело, что Алексей Иванович развернулся и – со всеми вместе, как правильно заметил Степаныч, – чтоб как все.

В общем, прибегает он к пекарне, где начали пристраивать новый корпус. Фундамент к нему заложили еще лет двадцать назад, да посчитали по грошам и бросили. Так вот, рушит, значит, трактор тот давний фундамент. Дело привычное – почему бы и не порушить? Как вдруг цепляет он в ковш какую-то банку. Ладная такая банка – без крышки совсем и вся как есть запаяна.

Только мы же не англичане тупорылые, которые консервную банку без ножа открыть не могут. Все помнят, как в кино Миронов и эти его приятели да еще с собакой издевались над баночкой сардин. А мы любую банку тебе...

Одним словом, открыли.

А там никакой не клад, а письмо от пионеров-карапузов из 61-го года, и пишут они, естественно, всякую хрень. Пишут, что мы тут живем при коммунизме и все такие счастливые, что у них там слезы радости, и строят они эту новую пекарню, чтоб у нас в нашем коммунизме не было в нехватку хлеба... Ерунда, короче.

Но вот что любопытно. Какой-то паршивец сумел к этому общему письму всех пионеров Богушевска подложить и свою записку, чтобы склянчить для себя «лисапед», потому что у нас тут всего навалом и мы тут все можем. Вот он и думает, что мы можем переслать ему велосипед...

Очень этот карапуз всех насмешил. А может, их и два карапуза, потому что подписано двумя именами – Тима-Вова.

– А ведь и правда коммунизм уже должен быть, – ахнул Степаныч. – Уже шесть годов, как я должен при коммунизме иметь по всем потребностям. А мне что взамен этого? Чернобыль и борьба за трезвость?..

Выпили за коммунизм...

Как много всякого заманчивого прошло мимо...

Ворвался бледный Йеф, всполохнув и разметав все печальные сожаления о личных и всечеловеческих мечтах. Лев Ильич требовал помощь, и Степаныч поспешил за ним, на ходу вникая в обстановку. Рядом шумно дышал доктор Семен Михайлович.

– Не туда, – направлял Семен Михайлович добровольцев санитаров. – В медчасть за носилками...

День уже не замирал в задумчивости, двигать ли дальше. Он крутился все быстрее, увлекая Григория в свое верчение. При этом вполне может быть, что этот великолепный майский денек крутился все-таки не сам по себе, а и вправду разгонялся скрипучим хлопаньем железной двери школьной котельной, которая, казалось, грукала и скрипела без остановки.

* * *

– Пришла пора отдавать долги, – негромким голосом заговорщика оповестил Григория Недомерок, усаживаясь напротив. – Не юродствуй, – остановил он Григория, полезшего в карман. – Пора сдавать работу.

– Это ты о чем, капитан? – попробовал прикинуться валенком Григорий.

– Требуются твои показания о враждебной деятельности гражданина Прыгина, – отчеканил Недомерок. – Убедительные показания. Основательные. Понятно, лейтенант?

– Ясен пень... Хочешь, капитан, я напишу, как этот Прыгин меня сговаривал скоммунировать танк и на параде в Москве отстреляться по всему нашему мудрому руководству?

– Хорошее дело, – мечтательно протянул Недомерок, но вошел в разум. – Не пойдет.

– Это почему же – не пойдет? Столько раз получалось, столько народу по этому трафарету ликвидировали, а тут – не пойдет...

– То было в годы нарушения социалистической законности, а сейчас совсем другое время.

– А требуя писать, чего не было, мы эту законность не нарушаем?

– А ты пиши, что было.

– Тогда и писать нечего – ведь ничего не было.

– Не может так быть, чтобы ничего не было. Чего-нибудь да обязательно было.

- Знаешь, капитан, не хочешь про парад – диктуй сам, про что хочешь.
- Я не могу диктовать. Ты же у нас секретный агент, а не я. Включи фантазию.
- Так включить фантазию или про то, что было?
- Включи фантазию, чтобы дополнить то, что было.
- Нам, секретным агентам, фантазия не положена. Наше дело телячье: услышал – донес.
- Ну не упрямясь, не упрямясь!
- Про чудовищный план дестабилизировать работу дежурных на Чернобыльской АЭС – пойдет?
- А был такой план?
- Не было. Это я включил фантазию.
- Засунь ее себе в задницу – фантазию свою... Мне нужны убедительные свидетельства его враждебной...
- Говорил уже, капитан, – устало отмахнулся Григорий.
- Чего говорил?
- Ты говорил уже, что тебе нужно... Рад бы сам, но ничего в голову не приходит – голяк на базе...
- Так не бывает. Что-нибудь всегда есть.
- Это ты, капитан, наших баз не видел. Бывает и полный голяк... Ну абсолютный...
- Каких баз?
- Продовольственных, например. Открываешь двери – шаром покати.
- Прекрати юродствовать!
- Да я только отвечаю. Ничего больше. Диктуй лучше сам, капитан, чего тебе надо, а я – за тобой...
- Я не знаю, что диктовать.
- А я не знаю, что фантазировать.
- Ну вот про книги давай! Где он хранит книги, знаешь?
- Знаю – на полках хранит. В спальне хранит. На кухне тоже хранит.
- Да я не про эти книги.
- Не про эти не знаю – я только эти вижу.
- Когда видишь?
- Когда прихожу.
- А зачем ты к нему приходишь?
- За книгами.
- За какими?
- За этими?
- За какими за этими?
- Которые на полках.
- А когда ты последний раз был?
- Третьего дня.
- И о чем говорили?
- Слушай, капитан, я же не магнитофон, чтобы помнить, о чем говорили три дня назад. Я вообще на тебя удивляюсь: не каменный век на дворе. Поставь ему жучки в каждый угол и слушай, о чем он говорит и о чем молчит! Достал, честное слово...

По-всякому подкатывал Недомерок к Григорию, чтобы вынудить того вспомнить и написать что-нибудь безусловно разоблачительное. Даже играл на сочувствии, доверительно сообщая, что он не может для такого важного дела выпросить в управлении поганых «жучков». Еще и больше: рассказал, как именно в управлении используют всю эту современную технику. Ничего не помогало. Разоблачительных свидетельств не было.

«Может, и вправду сочинить самому, а потом продиктовать этому лейтенанту? – думал Недомерок. – Ладно, такую байду можно будет соорудить и после ареста...»

* * *

После ухода Недомерка снова организовалось захватывающее пьянство. Что-то в нем было от «пропадай моя головушка» – пили, как напослед, будто завтра уже никто и не нальет. Пили не слишком пьянея, а вернее, успевая протрезветь между двумя стаканами. Обычно такие пьянки, на которых хмелеют в злость, заканчиваются заразительным мордобоем, но здесь собиралась компания, в общем, интеллигентная – школьные работники как-никак, и на мордобой можно было не рассчитывать.

В какой-то момент к сложившемуся застолью присоединился директор и внес кратковременный начальственный раздор, но все снова притерлось и наладилось. Может быть, вместо мордобоя соорудилась бы застольная песня – так все хорошо притерлось. У нас ведь песня не для музыкального удовольствия, а чтоб проораться-продышаться, почувствовать (как надежное плечо) громкий голос соседа, и с новыми силами к старому застолью. Молодежь для этого дела предпочитает отплясаться, но потом все равно хорошо спеть что-то просторное, совпадая звуками с остальными для единства, в общем-то, одиноких душ...

Все уже плыло и покачивалось к общей песне, но пришел Недомерок и по обыкновению все испортил. Каждый снова оказался сам по себе, со своим стаканом и своими дурными предчувствиями.

Недомерок увел Федора Андреевича с собой, и пиршество стало неудержимо распадаться. Теперь уже не до песен...

Григорий убирал со стола, когда появился Угуч. До Григория, конечно же, дошли прогудевшие по школе слухи о припадке Угуча. Григорий всмотрелся внимательней. Угуч двигался чуть боком и не очень уверенно – как-то не слишком надеялся, что земля не выскользнет из-под ног. Замер и вопросительно взглянул на Григория: мол, можно мне к себе – в закуток?..

– погоди, – остановил Григорий. – Поешь чего-нибудь. – Он показал на остатки пиршества. – Только не пей много...

Угуч не отозвался на шутку, сел за стол и опять замер.

– Ухандакают они тебя здесь, – неожиданно для самого себя произнес Григорий. – Не специально ухандакают, – поправился он. – Просто не подумают про лечение. Наверное, можно как-то вылечить от припадков?.. Эх, брат, вылечиться бы нам с тобой, и поехали бы на мою родину. Город Осташков, слышал? Где тебе... А такой город есть. Знал бы ты, какие там девки ладные... Я бы там мастерскую открыл по ремонту всякого добра, а ты бы мне помогал. Ты хороший помощник – все с лету сечешь... Только с моей рожей я туда – ни ногой. Меня там еще прежним помнят. Ты бы видел, каким я был красавцем. Нет, с этой рожей – никак. Надо ее сменять на приличную. А для этого денег надо – море... А может, мы с тобой пойдем побираться по дорогам родины? Так и соберем на врачей. Разве нам не подадут? Только так собирать – наших жизней не хватит... Надо найти богатство и взять все сразу. У кого есть богатства – не знаешь? Вот и я не знаю... Но найду. Обязательно найду... А вдруг у нашего Льва Ильича все-таки есть? Какой ни какой, а еврей... И может, вправду чего от родины продал? Чушь, конечно, – чего от нее продашь?.. А вдруг? Вот все вокруг уверены, что продал. А я думаю – чушь... Как трезвый, так точно знаю, что чушь, но как выпью, так и снова сомневаюсь – а вдруг?.. Потом опять же – стиральная машинка у него есть? Есть. А у кого еще есть такая? Нет ни у кого. И не в том дело, что она какая-то дорогая – она, положим, ерунду стоит: любой может купить. Вопрос в другом – на что он согласен тратить гроши, а на что не согласен. Вот он почти не пьет, заметил? А люди знаешь сколько денег пропивают за свою такую безрадост-

ную жизнь? Страшное дело!.. А вот наш Лев Ильич не пропивает. А что это значит? А это значит, что он скопил столько денег... Столько денег – не сосчитать... Целое богатство... Я бы тоже, если бы не пил, скопил бы целое богатство. Мое богатство да его богатство – вот и деньги на новую морду для меня... Только я свое богатство пропил, а он свое где-то хранит. Ты не знаешь случайно, где он может его хранить?..

– Знаю, – сказал Угуч голосом ржавой куклы...

* * *

Григорий не мог усидеть на месте. Радостное нетерпение гоняло его по котельной бессмысленными кругами. Потом вынесло на улицу, потому что и в помещении он не мог усидеть. Миновав школьную ограду, он оказался в лесу. Это был старый лес с зеленоватыми мхастыми стволами худосочных деревьев, среди которых уютно поустроились могилки поселкового кладбища.

Григорий присаживался на скамеечку у какого-то креста, читал бессмысленными глазами могильные надписи, не пропуская читаемое дальше в сознание, и перемещался на другую скамейку.

Это надо же такому случиться! Все досужие домыслы интернаговских работников, все Недомеркины наветы – все это оказалось правдой, и тайные богатства действительно существуют. Безо всякого сомнения существуют. Зачем же в ином случае надо было придумывать и мастерить такой ладный тайник?

Григорий думал о том, что, скорее всего, этот тайник оборудовали Мешок с друзьями, когда помогали Йефу отремонтировать квартиру. Григорий еще тогда мог про все прознать, если бы пришел им в помощь. Но он не любил бывать среди других людей да среди бела дня – ему бы где-то в закутке, в сумерках и без свидетелей.

«Ах, как же ладненько удумали! Тут уж не обошлось без ихнего Сереги. Он же по жизни какой-то уголовный авторитет – ему всякие курки да схроны, что другому полки в тумбочке... Понятное дело, что Недомерок профукал на своих “негласных осмотрах”. Да и кто-бы сообразил?» – восхищался Григорий удумкой Тимохи и его друзей.

Если Угуч ничего не напутал, то Йефов схрон и вправду был оборудован исключительно хитроумно – с учетом психологии возможных искателей чужого добра. Они же все – искатели эти – шуруют в квартире, изнутри ищут, а в этот необычный тайник изнутри не залезть – только снаружи.

Снимаешь жестяной оконный откос, вытаскиваешь кирпичи из наружной стены, углубляя нишу сверху вниз. Главное – не слишком уменьшать в этом месте толщину стенки, граничащей с комнатой. Но в квартире Йефа стены – ого-го! – в два с половиной кирпича толщины. Поэтому, если оставить стену толщиной в один кирпич, а далее шириной еще в один сделать пустой короб тайника, то никакими простукиваниями из комнаты эту пустоту не услышать. Пользоваться этим тайником, конечно, не слишком удобно (открывать окно, снимать откос, вытаскивать верхний кирпич или даже два, да все с осторожностью, чтобы не подглядели), но его надежность окупала любые неудобства.

«Как ловко все-таки этот Йеф провел всех. Даже и меня чуть не провел... С Угучом прокололся... Думал, что немой, ни бэ ни мэ, а Угуч всех – вокруг пальца... Обидно, что прав оказался Недомерок. Не зря они там в конторе никому не верят – именно поэтому и оказываются правыми. Может, людям и вообще верить не надо?..»

Григорий полностью протрезвел, но его не отпускала какая-то внутренняя дрожь, не давая сосредоточиться и придумать, как ловчее забраться в тайник Льва Ильича... А может быть, там и не один тайник, а при каждом окне? Угуч ведь тоже мог что-нибудь пропустить. Выходило, что сокровища могут быть почти что несметными...

Мысли Григория все время перескакивали с насущной проблемы скорейшего опустошения тайника (или даже – тайников) в то будущее, где он наконец заживет на полной скорости. Он даже не думал, как попадет за границу к чудо-врачам, не считая это такой уж большой проблемой.

А ведь для огромного количества людей именно это и было тогда самой главной проблемой – как попасть за кордон?.. Придумывались совершенно авантюрные варианты с воздушными шарами и дельтапланами.

Один мой знакомый замыслил побег еще в школе и дальше жил для него. Поступил в политех и стал отличным специалистом по редким металлам (за границей ведь не котируется наша безграмотная инженерия, сильная лишь в художественной самодеятельности, – им подавай специалистов). В совершенстве выучил немецкий и нашел себе такого же друга – напарника по будущему побегу. После диплома отправились они с рюкзаками в Грузию глянуть издали на место предстоящего нарушения границы. И вот оно это место – перед ними. Друг моего знакомого и говорит: пошли, мол, пока все так ладно. Но у него мама, девушка, дела неоконченные. Договорились ровно через год на том же месте – с тем друг и ушел за кордон. А моего знакомого ровно через год на том самом месте и повязали. Я с ним встретился уже в лагере.

Да и в диссиду многие шли не для того, чтобы, скажем, очистить гнилостный воздух родины от удушающей цензуры (простите за пафос), а с надеждой остохренть конторе своими свободолюбивыми криками и получить столь желанное разрешение на выезд. Правда, это была рулетка – могли отправить совсем в другие места.

Такие клубились страсти у желающих хлебнуть атмосферу загнивающего капитализма, а Григорий почему-то не беспокоился по этому поводу. Притом он никаким боком не был евреем, и стандартный путь прошений о воссоединении с седьмой водой на киселе ему был напрочь заказан.

Может, в тайне он надеялся на своих кураторов из конторы? А может, намеревался пробиться к высокому военному начальству и потребовать реальной заботы о ветеране и почти что герое? Никто не знает, на что именно рассчитывал Григорий, и главное – он сам этого не знает.

Мысль его стремительно перескакивает в то время, когда он едет-качается в долгом поезде и, точно как в детстве, плющит лицо о вагонное стекло (новое лицо). Далекое-далекое деревья быстро перемещаются, забегая вперед поезда и этим наглядно демонстрируют, что земля крутится на самом деле – крутится вокруг поезда, в котором качается Григорий, и вокруг Григория, который качается в этом поезде...

Какими-то странными кругами Григорий все-таки приблизился к основной проблеме и стал перебирать варианты тайного проникновения в квартиру Льва Ильича. Трудно что-нибудь толковое придумать, когда в квартире постоянно кто-либо болтается из ее обитателей, если не все сразу...

«Посадить», – озарило Григория. Йефа надо посадить. А уж с женой и с их недоделком он как-нибудь справится...

Григорий рванул искать Недомерка.

* * *

Недомерок маячил в начале липовой аллеи, которая вела к вечно закрытому парадному крыльцу школы. Похоже, кого-то поджидал. Он вопросительно посмотрел на подошедшего Григория.

– Я согласен, товарищ капитан, – тихо произнес Григорий. – Буду разоблачать всю подноготную.

– А куда ты денешься...

– Все, что надо...

– Само собой...

– Как он меня уговаривал сбечь с ним к его хозяевам за границу, чтобы сделать мне там операцию на роже, – пойдет?

– Да тише ты. Разорался. Дела у нас деликатные...

– Так нету ж никого.

– И у деревьев иногда вырастают уши...

– Да хоть хрен... Так я погнал писать?

– А он уговаривал?

– Чего уговаривал?

– Чтоб за границу уйти?

– Натурально... Умолял даже. Говорил, что только там мне могут рожу поменять...

– Ну и как?

– Я – несогласный... Лучше с такой рожей, но на родине.

– Да я не про то... Как должны были уйти? Морем, например, или по суше? Где намечался переход? Кто должен был помогать?

– Этого я не знаю. Не говорил...

– Вот что, лейтенант, иди-ка ты проспись... Потом с тобой побеседуем...

– А если поздно будет?

– Чего будет поздно? Он что, за границу уйдет, пока ты протрезвеешь?..

С насюка не получилось.

Григорий отправился восвояси придумывать, как заставить Недомерка срочно арестовать Йефа и увезти его хоть куда угодно из квартиры, наполненной сокровищами.

Он как-то вдруг притомился и вернулся на свою удобную лежанку за котлами кочегарки. Закуток Угуча был чуть в стороне и повыше. Не слышно было, спит Угуч или лежит и думает про что свое, как Григорий. Все-таки лучше всего Григорию думалось здесь...

«А ведь он и на самом деле мог меня уговаривать слинять за бугор. Если мог, то и уговаривал. Разница невелика. Но этого мало: им надо дотошно – где да как... Ну, допустим, он мне предложил соорудить дельтаплан... или даже легкий самолет. Сам-то он с техникой не дружит, а я дока. Я и самолет могу... Наверное, могу – не пробовал... А что, если и на самом деле соорудить самолет, типа “Сесны”?.. Построить и улететь ото всех этих Недомерков... Нет, ерунда какая! На самолет надо столько денег – всех Йефовых сокровищ не хватит... Не стоит об этом и заикаться. Скажу про самолет – еще и в дурку упекут... А как же он мне предлагал бежать? Да хрен его знает как!.. Предлагал – и все тут! Не нравятся вам мои показания – пишите сами. Надоели, право слово, – только спать мешают...»

Григорий проснулся, как от толчка, уже в следующую минуту. Голова была ясная и без малейших следов опьянения. А главное, она хорошо соображала, на какие именно противогосударственные поступки подбивал его Лев Ильич.

Он, оказывается, требовал, чтобы Григорий создал копировальную машину. Товарищи чекисты могут спросить: а как же устроена машина, которую надо было создать? Есть ли чертежи этой машины? Если нет чертежей, то все это опять напоминает пустые разговоры. И Григорий ответит, что дорогие товарищи чекисты могут не волноваться, потому что в этом и есть главное злодеяние гражданина Прыгина – он должен был взять эти чертежи у своих зарубежных хозяев, продав им какой-нибудь секрет про Родину... Григорию казалось, что все придумано им складно и убедительно. Да и впрямь неплохо было бы сварганить такую машину. На ней можно было бы, например, тиражировать «Архипелаг», чтоб все... А если бы каждый

заплатил за «Архипелаг» совсем малые деньги, то ему бы и на рожу хватило... Все так прозрачно и правильно, что можно немедленно записывать: встать, взять бумагу и – сразу набело...

* * *

Григория разбудил Степаныч. Сначала он грукнул железной дверью, когда вошел. Огляделся, никого не увидел и вышел, с силой грукнув дверь еще раз. Через несколько секунд снова грукнул и опять вошел. Тут уже не осталось никакой надежды уснуть заново.

– Не надо спать на закат, – оправдал свое вторжение Степаныч, – голова будет болеть. Потому давай мы, вместо спать, голову поправим и поспешим к Ильичу в хату, не то самое веселье пропустим.

Голова и вправду болела как-то незаслуженно сильно. Столько и не выпили, насколько она болела – столько и вообще нельзя выпить...

«А может, и заслуженно, – подумал Григорий, – может, ты эту боль не выпивкой заработал, а желанием Йефа утопить?»

Тут Григорий вспомнил про тайник и про сокровища и сам стал подгонять Степаныча.

В квартире Льва Ильича было некуда приткнуться. Со скоростью слухов о пожаре новость о том, что Йеф спекся, облетела школу. Воспитателям было велено не спускать глаз со своих классов, а все свободные от службы подтянулись к месту основных событий.

После прихода Степаныча с Григорием Недомерок доступ в квартиру перекрыл, и опоздавшие терпеливо терлись под окнами, задрав головы и непрестанно вопрошая сидевших на подоконниках коллег.

– Ну, нашли чего?

– Ничога няма... Листики какие-то оттеревили, а чего настоящего – так и ничога...

Все ждали появления богатств. Если приехало так много чекистов – непременно будут искать богатства. Просто так столько народу не гоняют. Деды рассказывали, что если надо было попросту человека забрать, так чекисты и задницей не шевелили – милиционера пришлют, и всех делов. А вот если приеховали чекисты, то, считай, несколько дворов сгоняли на арест и хорошо еще, если не на убой. Но и для этого дела их было не шибко много – двое, ну от силы трое. А тут-то сколько понаехало! – страшное дело. Значит, за богатствами, и никак иначе...

Григорий сторожко следил за сыскарями. Голова уже не болела – не до нее. Можно даже сказать, что ему, единственному здесь, было весело, но и, конечно, чуток тревожно. (Не нашли бы.) Наверное, и Льву Ильичу было тревожно? Должен тревожиться – вдруг да снайдут? Однако Йеф был абсолютно спокоен – качал сына на руках, шепотал ему что-то, собачился с Недомерком, угрожая не подписывать протоколы.

Между полками и столом с жалкой стопкой отобранных чекистами листиков метался Йефов тесть, подкладывая чекистам книги пачками. Те даже и не смотрели. (С таким тестем и чекистов не надо.)

Григорий волновался, что ничего стоящего не найдут и его надежды пойдут прахом, потому что тогда Йефа могут не арестовать...

Подошел Степаныч и ткнул прямо в живот здоровенную хрустальную пепельницу:

– Бери – спрячь. У тябе вечно пепельницы няма – все на пол и на пол.

– Степаныч, ты сдурел... Люди смотрят – неловко...

– Люди смотрят, чего бы прибрать, а ты тут нежности разводишь... Бери, хозяйка не против...

Может быть, Надежда Сергеевна и на самом деле была не против, а может, ей просто дела до этого не было. Она сидела с отсутствующим видом и не очень понимала, о чем говорят, даже если обращались непосредственно к ней.

«...ею я управлю, – думал Григорий. – Лаской или силой, но – управлю. Только бы *его* забрали...»

По ходу обыска напряжение нарастало: у Григория даже пальцы дрожали. Он это заметил, когда от нечего делать снял с полки журнал «Новый мир». Снял машинально, клюнув на узнаваемую синюю обложку – он почему-то стоял в стороне от остальных, стиснутых по порядку номеров годовых подписок.

– Добро надо спасать от конфискации, – шипел ему в ухо Степаныч, – а ты журналчики листаешь...

– Чего вы здесь прячете? – залюбопытствовал, подходя Недомерок. – Улики прячете?

– Да какие улики?! Какие улики! – Степаныч крутил пепельницу перед глазами Недомерка. – Хозяйка вот подарила. Курить же вредно, а нам – в самый раз, у Григория нашего никогда на столе пепельницы няма...

– Ты бы лучше коллегам помог, – выговорил Недомерок Григорию, – а ты пепельницы воруюшь и журналчики полистываешь.

– Я здесь нелегал, – напомнил Григорий в Недомеркино ухо о своем статусе. – Но показания готов написать.

– Успеешь еще... Да оставь ты эту пепельницу!

Григорий вернул пепельницу на стол и заметил, что Йеф внимательно следит за ним. Если бы он мог краснеть – залился бы по уши. И действительно, это же сказать – не поверит никто: приперся в дом и мародерствует на глазах у хозяев.

Скрывая смущение, Григорий загородился ото всех журналом. Так и стоял – ждал, тревожно взглядывал в шарящих вокруг чекистов, листал странички.

Журнал открывал «Реквием» Ахматовой, а следом – «Котлован» Андрея Платонова. Григорий бездумно перелистывал страницы, а потом врубился, и пальцы, готовые листануть следующую страничку, замерли. Он посмотрел на обложку: Новый мир, № 1 за 1980 год. Григорий равнодушно (чтобы не заинтересовать Недомерка) поставил журнал обратно на полку и глянул на Йефа. Тот ему подмигнул...

«Такой же фальшивый журнал, как и та моя “Красная звезда”. Молодцы, все-таки: и шрифт, и все остальное – тютельница в тютельница... Нет, граждане сатрапы, это вам не желторотые болтуны – эти своего добьются. Не хотите у себя в “Новом мире” печатать ахматовский “Реквием” – они для “Реквиема” выпустят свой “Новый мир”, но сделают поэму известной каждому...»

– И что толку? – спросил себя же Григорий. – Пусть хоть у каждого на полке стоит по такому журналу – что толку?..

* * *

Веселье заканчивалось. Льва Ильича увели вниз к машинам. Народ разочарованно расходился, толкаясь и мешая друг другу в дверях. Ни тебе найденного богатства, ни другого удовольствия. Эка невидаль – пять бумажонок! Несправедливо, чтобы за такую ерунду людей из дому забирать!

– Какие будут указания? – подкатил к Недомерку Сергей Никанорыч.

Капитан распоряжался людьми, прекращал прощальные процедуры, думал об улетающих вдаль майорских погонах, и этот неугомонный старик оказался совсем некстати. Недомерок наклонился к стариковому уху и шепнул что-то короткое. Старик буквально взмыл по лестнице в уже пустую квартиру. Григорий оглаживал в это время прочный подоконник.

– Безобразие! В наше время... почетный чекист... член ВКПб и всех последующих партий... Двадцать пять грамот... жаловаться... Тесть за зятя не отвечает...

Сергей Никанорыч бегал по квартире и что-то запихивал в распахнутый уже чемодан. Засунул зачем-то ту самую хрустальную пепельницу. Убежал в другую комнату и аккуратно вынес оттуда пиджак с навьюченными наградами.

– Уезжаете? – вроде и незаинтересованно спросил Григорий.

– Ноги моей...

– Я вот что думаю, товарищ полковник, – вспомнил Григорий из застольных разговоров звание старика... (А может и не полковник?)

– Да, – с готовностью застыл отставник с пиджаком в руках. – Весь внимание, товарищ... э-э-э...

– Лейтенант, – подсказал Григорий.

– Афган?

– Так точно, товарищ полковник.

Григорий все более и более нравился Сергею Никанорычу.

«Вот ведь достанется кому-то зять, – с завистью думал он, – мечта, а не зять. Не то что мой... Правда рожа... Вот если бы ему рожу моего, а все остальное, как есть... Не пойдет – я его жидовскую рожу видеть не выношу!..»

– Говорите, лейтенант, – разрешил Сергей Никанорыч.

– Я думаю, что вам обязательно надо забрать дочку отсюда. Немедленно забрать. В квартире и после обыска – тут можно с ума сойти.

– Я сам так думаю, – радостно перебил Григория старик. – Слышишь, Наденька, что молодой человек говорит? – обратился он к входящей Надежде Сергеевне с Данькой на руках.

– Мне все равно, – равнодушно ответила Надежда Сергеевна, выслушав отца.

– Не надо уезжать, – закричал Данька. – Я никуда не поеду. Завтра папа придет, а нас не будет...

– Не придет, – как-то по-особому весомо отозвался Григорий.

Данька затих.

Договорились, что перед отъездом Надежда Сергеевна занесет Григорию ключи от квартиры.

– Присмотришь тут, – вполне равнодушно сказала она. – Цветы полить... Да и адрес тебе оставлю, – очнулась она из своего ступора. – Если новости какие – ты уж сообщи. Телеграммой сообщи.

Надежда Сергеевна взялась собирать вещи в дорогу, а Григорий отправился к себе – ждать.

Все устраивалось, как Григорий и мечтать не мог. Наверное, кто-то там наверху – Григорий даже голову задрал к небу – ворожит на него.

– Выпьем с горя, – предложил Степаныч, вваливаясь в котельную.

– Не могу, Степаныч, – решительно отказался Григорий. – Поздно. Спать хочу. Да и голова раскалывается, – вспомнил Григорий давнюю уже боль.

– Ты прям как нерусский, – огорчился Степаныч. – И голова потому болит.

Он ушел совсем разобиженный – настолько, что и дверь не грукнул, а только тихонечко скрипанул, прикрывая за собой.

Еще пару раз подкрадывался Григорий к дому Льва Ильича, чтобы убедиться, что ничего не изменилось и Надежда Сергеевна собирается в дорогу.

* * *

Был уже второй час, когда Надежда Сергеевна принесла ключ от квартиры. Григорий вышел проводить ее до машины. Простились. Григорий обещал немедленно телеграфировать о новостях.

Он еле сдерживался, чтобы не побежать со всех ног в котельную за приготовленными инструментами. Теперь-то уже куда спешить? Школа спала. На всю землю вокруг спустилась темная ночь.

«Самое время для темных делишек...»

Григорий без малейшего шума проник в квартиру. Подумал и запер дверь на ключ, вытащив его из замка. Все должно выглядеть так, будто в квартире никого нет. (Для кого выглядеть? – спят ведь все.)

Довольно долго Григорий стоял неподвижно в ожидании, когда глаза привыкнут к темноте. Ночь, к счастью, была не такая уж темная, и освещения из открытого окна вполне хватало. Григорий неспешно разложил на подоконнике инструменты.

Теперь вот торопиться не хотелось. Он закурил, пряча сигаретный огонек в горсти. Смотрел на поле, подступающее прямо к окну, и знал, что за ним – ладный грибной лес. Подумал, что лучше бы окно выходило на другую сторону: на школу и дорожку от нее – вдруг кто-нибудь да придет по той дорожке?

«Да кто придет? – спрашивал он себя. – Главное – зачем?»

«А кто угодно, – отвечал он себе. – Степаныч, например, чтобы еще чего спасти от конфискации...»

«Степаныч не знает, что они уехали, – успокаивал он сам себя. – Не знает, что дом пустой – не то бы пришел...»

Посмеиваясь над самим собой, Григорий открыл дверь и спустился во двор. Постоял, чутко вслушиваясь в ночь, и осторожно вернулся назад. Запер дверь изнутри, вынул ключ, положил рядом с инструментами на подоконник.

Угуч не ошибся – жестяной откос легко снялся под ловкими пальцами Григория. А вот и кирпич, который надо вынуть.

Тут Григорий услышал шаги за дверью и скрежет вставляемого в замочную скважину ключа.

«Забыли что-то и вернулись? Нет, машину бы я услышал. Не было машины. Кто-то другой. Может, кто прознал, что хозяева съехали, и пришел мародерствовать? Скорее всего так... Вот он свое и получит... По полной получит, чтоб неповадно...»

Григорий с молотком в поднятой руке караулил мародера, который медленно открывал дверь.

Еще не светало, когда Григорий в два приема принес добычу из квартиры Льва Ильича. Сначала он притащил свернутый в дуду ковер, что висел у Даньки в комнате. Пристроил ковер между котлами и пошел на второй заход.

Угуч вылез посмотреть, что это торчит из ковра. Наверное, там все найденные богатства и надо поправить, чтобы они не высыпались. Богатств он не увидел, а увидел желтый сандаля на босой ноге и в ужасе шарахнулся к себе в укромку.

Снова пришел Григорий – теперь с большим узлом книг.

«Конечно, книги, – распекал себя Григорий. – Какие еще богатства могли быть у этого юродивого! Как же я лоханулся!..»

«Ты не лоханулся! – кричал он себе. – Ты влип!..»

«Я же не хотел, – оправдывался он перед собой. – Я все исправлю...»

«Что тут теперь исправишь?» – издевался он над собой.

«Я спрячу... Я все спрячу... Никто ничего...»

Григорий раскопал топку и потом в самый ее жар затолкал свернутый ковер. Хотел и книги отправить туда же, но передумал. Раскопал яму в угольном холме перед котлами, застелил ее плотным брезентом, аккуратно сложил туда книги из Йефова тайника, надежно завернул их брезентом и засыпал этот свой схрон углем.

Как же он устал. Он не чувствовал ног. Он ничего не чувствовал. Он бревном рухнул на свою лежанку, но сон бежал прочь. Не было сил ни жить, ни спать...

Григорий дымил и отгонял от себя все картинки сегодняшнего дня, все мысли, все предположения...

«Чего колготиться? Как будет – так и будет... А как будет? Наверное, завтра начнут Йефа искать – он же сбежал. Конечно, сбежал! Иначе зачем бы ему так вот, крадучись, в свой собственный дом?.. Ну и пусть ищут... Я, например, его в глаза не видел... Даже во сне не видел... хотя во сне...»

Темнота громыхнула в Григория – черная стремительная молния пронзила его от макушки до пяток. Он подумал, что надо открыть глаза и осмотреть разрушения. Наверное, эта молния прошла через всю котельную?.. Григорий почувствовал, что пол уезжает из-под него. Что же это рвануло? Может, Угуч гранату приволок из лесу? Надо было оглядеться, но все залепляла темнота... и пол уползал. Пусть будет свет, – попробовал скомандовать (кому?) Григорий. Никакого результата... Откуда-то пыхает жаром. Может, он в Афгане и горит заживо?

– Свет, – заорал он. – Свеет!

И свет пробился к нему. Он был какой-то проблесковый, как и сознание. Тем не менее Григорий краем глаза увидел и сразу понял, что Угуч тащит его за ногу к распахнутой топке, в которой бушует такой же огненный ад, что сжигал его в Афгане...

– Что же вы все пытаетесь меня спалить? – спросил Григорий неизвестно у кого.

Григорий в тот же промельк определил, что Угуч бросил его тащить и стоит над ним, стиснув черенок шахтерки в руках. «Непонятно, за что это Угуч намеревается меня убить? Станный какой парень...» В несколько следующих промельков Григорий понял, что Угуч убежал. Смотреть на мелькания света было невыносимо, и Григорий закрыл глаза.

«Свет, – передразнил он сам себя. – На хрен он нужен, свет этот?..»

5. Недоделок

Эпилог

«Что он сказал?» – про это Недомерок и забыл уже любопытствовать. Сейчас его занимало другое – куда он подевался?

Наутро после того, как Льва Ильича отпустили из областного управления КГБ, капитан Матюшин прибыл к месту своей физкультурной службы в школу-интернат и первым делом ткнулся в квартиру гражданина (или товарища?) Прыгина. Тарабанил, ходил кругами и снова тарабанил, пока не убедился, что действительно заперто, и в запертой квартире, скорее всего, – никого. Тогда он пошел с расспросами по школе и сначала заглянул в котельную.

Там Федор Андреевич распекал на все лады Григория, который и всегда-то выглядел как страх божий, а нынче с повязкой на голове и красными, под цвет всей физиономии глазами, – не приведи господи...

– Это же в разум не вобрать, зачем надо так пить? Тем более буквально учора организовали свое общество для трезвости – все чин-чинарем, как у людей, а тут на тебе, опять за рыбу гроши... Ну выпей стакан-другой для аппетита, но разве ж можно так жрать? Голову пробил чуть не насквозь, котлы раскопегарил, как в лютую зиму... А дети так и задыхаются от жары. Опять же, уголь зазря дымишь... А мне этот уголь тоже не задарма достается. Что мне зараз робить? Высчитывать с тебя уголек?.. Да хрен с ним, с угольком! – ты глянь, чего с собой сотворил...

Федор Андреевич увидел, как вошел Недомерок, и его вдохновение, с которым он начал начальственный разнос, сразу же стало сходить на нет...

«Чего ему еще надобно? – думал Федор Андреевич, как бы не замечая Недомерка. – И кем он нынче приперся – учителем по физкультуре или капитаном по безопасности?..»

– Товарищи дорогие, – обратился Недомерок с неожиданными дружелюбными напевами в гласных звуках. – Подскажите мне, куда подевался наш Лев Ильич?..

Повисло тягостное молчание. Федор Андреевич внимательно вглядывался в капитана, пытаясь уразуметь тайный смысл его вопроса, потому что никакого другого смысла в этом вопросе точно не было, но и тайного было не сыскать.

– Наш Лев Ильич, – Федор Андреевич надавил голосом на слово «наш», – уехал пасярод ваших гавриков учора у вечер, – говорил директор, не стараясь даже, чтоб дружелюбно. – А куды подевался ваш, – снова ударение на «ваш», – Лев Ильич, это вам лучше вядома.

С груком и скрипом ввалился Степаныч.

– А мне казали, что ты башку расшиб, – заорал он с порога Григорию, – а ты и вправду расшиб, – уже нормальным голосом закончил он, придумывая, как бы незаметней исчезнуть, опасливо взглядывая на директора и удивленно на Недомерка.

– А я, Андреич, вечером еще ему казау, что пить надо с умом, а не то голову можно потерять. А он вона что!

– Да уж повеселились, – проворчал Федор Андреевич.

– А ты... А вы к нам чего? – обратился Степаныч к Недомерку, передумав про исчезать. – Забыли чего?..

– Ён Ильича шукае... Льва Ильича, – уточнил директор, предотвращая возможные непонятки.

– Потеряли, – сочувственно поцокал впереди слов Степаныч. – Как же вы так?

– Наверное, убег, – догадался Федор Андреевич, и ему сразу стало легче и веселей. – Ай да Лев Ильич!.. Не зря он Прыгин, а не кто-то другой. Упрыгал все-таки! Ай да молодец!..

– Ну что вы, товарищи... Ну куда он мог упрыгать?.. То есть это я и хочу узнать, – опомнился капитан. – Куда он делся?.. А от нас он не сбежал – мы его сами отпустили. От нас, знаете ли, не сбежишь... – Недомерок не удержался подчеркнуть, кто есть кто, и от дружелюбных мелодий сразу же – ни следа...

– От вас не сбежишь, – согласился Степаныч.

– Некуда, – подтвердил Федор Андреевич.

– А как же тогда вы его упустили? – вернулся к теме Степаныч.

– Не упустили, а отпустили, – поправил Недомерок. – Поговорили, разъяснили товарищу про его заблуждения и отпустили. А он вот взял и – исчез. – Недомерок горестно развел руками.

– Ну да, ну да, – согласился Степаныч и повернулся растолковать директору: – Оне всегда так: разъяснят человеку его заблуждения, а потом – ищи-свищи, а человечка уже и нету... А его, оказывается, отпускают.

– Ага, – хмыкнул директор, – из жизни вон...

– Ну что вы несете? Что несете? – зачастил Недомерок. – Я вам русским языком толкую: мы его вчера отпустили... вечером.

– Вечером забрали – вечером отпустили... – засомневался директор. – Чего надо было забирать?

– Чтобы объяснить, как надо, а как не надо, – занервничал Недомерок.

– Вядомое дело, – ухмыльнулся Степаныч. – Забирают, разъясняют и – нет человека. Эдак у них сдавна устроено. Мне еще батька рассказывал...

– Вот что, капитан, – наехал на Недомерка директор, – не крути тут. Что там у вас приключилось?

– Да вы сдурели?! Ничего у нас не приключалось. У нас ничего приключаться не может – только то, что требуется для безопасности страны, – снова заплутал Недомерок, сея все большие сомнения в своей искренности.

– Замочили Ильича! – ахнул Степаныч. – Замочили и теперь следы заматают.

– Ты мне это брось! – закричал возмущенный капитан. – Чтобы я такого не слышал! Распустились совсем! Болтают не весть что... Не смей клеветать на наши органы! Не позволю!

Его слушали с избыточным вниманием, вслушиваясь даже не в слова, а в голос, в паузы, в дыхание, в эти нотки возмущения...

– Ни сном, ни духом, – бросился оправдываться Степаныч, как только Недомерок замолчал. – Мне не треба ничога разъяснять – усе разумею.

– Все-таки замочили, – буркнул директор выходя из котельной.

Недомерок аж вздрогнул от грохота двери.

«...разве им чего объяснишь? – капитан махнул рукой на Григория со Степанычем. – Одни мысли – про опохмел...»

Недомерок оставил тупых собеседников и пошел по школе искать того, кто видел Льва Ильича сегодняшней ночью или поутру. Он не закончил еще маловразумительный разговор с Алексеем Ивановичем, а вся школа уже знала, что палачи-чекисты насмерть замучили Льва Ильича. Капитан ловил на себе враждебные взгляды – как правило искоса, но натыкался и на откровенные.

– Злодень, – бросила тетя-Оль, проходя мимо, а потом еще обернулась и плюнула вслед.

– Учора еще был живехонек, – гнал Степаныч впереди себя волну вражды и страха. – А зараз что? Добра, что у меня от него поднос на память остался, – радовался Степаныч, – ну и еще там по мелочи.

– С ума посходили? – взрывался капитан, наталкиваясь в очередном разговоре на глухую враждебность. – Какой-то алкаш распускает нелепые слухи...

Нелепые или какие другие, но слухи катились впереди него, мешая исполнять профессиональные обязанности.

Капитан заставил себя успокоиться и наметить план действий. Сейчас он может немного. Надо узнать на станции, выходил ли пассажир с ночного поезда «Ленинград – Киев». Заодно расспросить про утренних пассажиров. И на автобусной узнать...

Разумный план тут же дал сбой. Ночной дежурный на железнодорожной станции в сильнейшем перепуге от красной книжечки уже никак не мог признаться, что почти все дежурство сладко проспал.

– Никогда не было, – клялся-божился станционный служака.

Все запутывалось на глазах.

Лучше было его не выпускать, а теперь что? Теперь надо было обращаться к начальству с пренеприятнейшим рапортом. К начальству не хотелось. А эти слухи?.. Возмутительная сплетня, которую школьный завхоз отправил гулять по всему поселку, просто бесила. Недомерок мечтал убить этого Степаныча. А потом найти Йефа и тоже убить... Достали!..

* * *

Капитан так забегался в поисках объекта оперативной разработки, что напрочь забыл о подробном рапорте, который должен был в понедельник лежать на столе у республиканского руководства, чтобы убедить его в продолжении операции «Лесная школа».

Вспомнил об этом Недомерок лишь в утро понедельника, когда шел на доклад к полковнику. Вспомнил и обомлел. Первым желанием было развернуться и бежать, а потом уж придумать, как выкрутиться. Это желание было таким глупым, что капитан сделал морду штирлицем (помните, когда Мюллер завел его в подвал? вот такую) и толкнул дверь полковничьего кабинета, которую надо было тянуть на себя (перепутал с дверью в котельную интерната?).

– Беда, товарищ полковник! – заявил Недомерок с порога, едва прикрыв за собой дверь. – Требуется срочный план действий...

Голос его был такой, будто он сейчас сообщит об очередной смерти генсека. Полковник решил погодить с разносом, пока не узнает, что там стряслось с генсеком.

– Мороженный гондон, – орал он через минуту. – Штопанный в придачу... Недозаштопанный, – усилил полковник меру своего презрения.

Много разных слов вывалилось из начальника, а потом он вспомнил про рапорт, который необходимо было отправить в Минск, и совсем потерял голову.

Капитан довольно ловко уворачивался от разной писчебумажной всячины, скопившейся на столе полковника.

– Убил, – произнес вдруг полковник с тихим отчаяньем и упал в кресло.

– Да нет же, не убивал я его! – вскрикнул капитан, даже и со слезой. – Эти говорят, что убил, вы говорите...

– Кто говорит? – спросил начальник, еще не понимая, о чем, собственно, он спрашивает.

Страшное подозрение проникло в его сознание. По всем прикидкам получалось, что у капитана Матюшина был основательный мотив мести этому антисоветчику – хотя бы из-за разлетевшихся надежд на майорские погоны, а за это и убить мало.

Полковник мудро решил отодвинуть свои подозрения до окончания мероприятий по поиску фигуранта незавершенной операции. Кстати об операции. Придумали отрапортовать наверх об исчезновении подозреваемого, но отрапортовать так, чтобы они там наверху и получались крайними – это ведь они требовали завершения операции и вместе с тем не позволяли задержание объекта. Вот и спугнули...

Минское руководство из полученного рапорта сделало неожиданное предположение, что витебские мушкетеры завалили своего антисоветчика. От дури, или чтобы досадить начальству, или, может, скрывая какие-либо детали своей кретинской школьной операции.

Впрочем, все эти подозрения еще только клубились фантастическим паром, не оседая в какие-то реальные проверки и расследования. Ведь подозреваемый антисоветчик еще мог и найтись.

Однако не нашелся.

Медленной волной ползли захватывающие слухи о том, как кровавая гегня забрала у детей их любимого учителя и той же ночью лишила его жизни в своих пыточных подвалах. Работники интерната, а вслед и богушевские поселчане не сомневались, что все именно так и было. Жители Витебска пока еще ничего не знали, потому что волна слухов катилась медленно, проталкиваясь дальше каждым новым слушателем. Но возмущенный слушатель отходил, покачивая головой и поцокивая языком, и волна замирала опять. По прикидкам аналитиков из областного управления, к началу осенних уборочных работ вся эта история должна была позабыться, совсем уйти из памяти злобного населения.

* * *

В начале июня по телеграмме Григория приехала Надежда Сергеевна с сыном. Первым делом она почти что случайно встретила с Недомерком, который продолжал наезжать в школу в надежде, что вот он приедет, а навстречу ему откуда ни возьмись сам Лев Ильич. В тот раз он подходил к школе, лелея эту мечту, а встретил вовсе даже Надежду Сергеевну.

Разговор получился эмоциональный и совершенно бессодержательный. Недомерок отправился прочь с расцарапанной рожой под градом весьма изобретательных матюков. На следующий день Надежда Сергеевна посетила начальника богушевской милиции, но беседа вышла совсем короткой. Чуть ли не тотчас она уже выскочила из кабинета начальника, а тот остался сидеть с расцарапанной рожой и неразрешимым недоумением, чего это ему приходится расплачиваться за чужие грехи?

Через неделю Надежда Сергеевна попала на прием к начальнику областного управления КГБ. Полковник подготовился и расцарапать себе рожу не дал. Вместо этого заранее вызванные санитары успокоили буйную посетительницу своими шприцами и увезли в известном направлении. Получается, что предчувствие Надежды Сергеевны частично сбылось – ровно в том месте, где она говорила о себе и о Даньке. Его забрали в детдом инвалидов уже на следующий день.

Тут же родилась сплетня о том, что начальник областной безопасности, чтобы обрубить все концы, посадил в психушку вдову ранее замученного им же антисоветчика. Откуда рождаются подобные нелепые сплетни, никто не знает, даже профессионалы государственной безопасности. При этом такие сплетни очень точно соответствуют отношению нашего народа к бойцам невидимого фронта, даже когда они не соответствуют реальным событиям. А главное, с подобными сплетнями не в силах совладать вся эта самая госбезопасность. Против сплетен (особенно сплетен, так похожих на правду) даже они бессильны.

В республиканском КГБ работники, допущенные к самой секретной информации, перемигивались со значением.

– Слышали, чего учудили в Витебске? – как бы спрашивал первый подмигивающий.

– Еще бы! – как бы отзывался подмигивающий в ответ. – Что с них взять? – палачи отороженные, – мигал он, завершая обмен особо секретной информацией, и высматривал, кому бы подмигнуть дальше...

В Богушевском интернате муссировали те же сплетни, но не подмигивали, а выпивали на помин Льва Ильича (не чокаясь) и во здравие Надежды Сергеевны с дитенком (с чокам и расплесканием). В общем, как не чокнется кто, так и знай – это на помин, а как чокнется – это уже за Надежду Сергеевну.

Недомерка из-за этого заздравно-поминального стола гнали нещадно. Время от времени он наезжал в школу, но уже не по службе, а по собственной воле, надеясь отыскать своего подозреваемого. Ему ничего не оставалось, как холить эту надежду. Из управления его поперли, для начала – в безвременный отпуск.

– С глаз моих вон долой, – напутствовал начальник. – Пока мы тебя не проверим и не установим, как ты его завалил. А лучше бы поберег силы своих товарищей и сам во всем сознался...

Начальник управления, отстраняя капитана, пытался оградить себя от идиотских подозрений минского руководства и от кособоких взглядов разномастных областных чиновников. А что он еще может? Только показать, что ведется проверка, и держать морду сейфом с грифом секретно.

И вот сидит Недомерок за дверью котельной и чутко вслушивается в поминальный гомон за столом. Он предполагал, что работники школы состоят в преступном сговоре и прячут Льва Ильича из злобной неприязни к органам и к нему лично.

* * *

Это было не первое поминальное веселье в честь Льва Ильича и, конечно же, не последнее. Йефа вспоминали чуть ли не каждый день, и совершенно естественным образом всякий восмин рождал идею выпить за это самое дело, чтобы вспомнить уже не мельком на бегу, а по-настоящему и вразумительно. Так продолжалось изо дня в день и довольно долго, нарушая устоявшийся многими годами школьный распорядок.

– Пора, мужики, это дело притормозить, – решил Федор Андреевич урезонить школьных работников. – Сами знаете, я к Ильичу всегда был всей душой, но это ни в какие ворота. Пора эти поминанки заканчивать. Работы не робятся, у Григория вона целая фабрика нечищенных машин, даже дети ходят неприкаянные...

– И никак это не связано с нашим горем, – качнулся несогласием Степаныч. – Машины сабе стоят, а мы тута трошки на помин, и усе это совсем друг от друга в отдельности...

– Усе в мире связано, – осадил Федор Андреевич завхоза. – Я такие умные слова слыхал, что если в Японии бабочка крылом...

– Знаем-знаем, – обрадовался Алексей Иванович, – а потом воробушек прыг, значит, прыг сабе... Это из кино, а не из умных слов.

– Я про другую бабочку, – утихомирив Федор Андреевич электрика. – Так вот, если она в Японии своим крылышком брякнет, то на Америку цунами грохнет. Ну или наоборот: бабочка в Америке, а цунами в Японии. Во как все друг с дружкой повязано и друг от дружки меняется. – Директор еще раз поднес к носу непочатый стакан, нюхнул и решил – не чокаясь. – А вы говорите... – выдохнул он самогонным смрадом.

– Это у их там, в Америках и Япониях, все меняется одно от другого, – завозражал Степаныч. – А у нас ничога не меняется. Хоть атомную бомбу на нас взорви – усе будет, как и было: очухаемся, отстроимся, поизбираем сабе таких же упырей в правители и заживем по-старому...

– А хотя бы и так, – неожиданно согласился Федор Андреевич. – Тем более пора возвращаться к привычной работе, – вывернул он к тому, с чего начал.

– Это же какую силу воли надо над собой учинить, чтобы отставить наше горе в сторону? – взялся сокрушаться Алексей Иванович.

Степаныч повернулся утешать коллегу.

– Если над собой усилиями себя не совершать, то и человеком можно перестать остаться, – закрутил он штопором какую-то свою мысль и тут же взялся раскручивать обратно: – Это я к тому, что без усилий человек может и в скотину... Иногда глаза разлепить апосля вчерашнего и то требует усилий. А если не разлеплять, а остаться лежать сиднем, то можно свинья свиньей...

Григорий не включался в эти беседы. Иногда он не слышал и вовсе, о чем говорят собутельники, – будто кто-то властный и могущественный выключал звук, а люди продолжали шевелить губами, жестикулировать и безуспешно доказывать один другому свою немую правоту. Но слова Степаныча о необходимости усилий его зацепили.

«И верно ведь, – подумал он. – Только чтобы остаться человеком – не стать лучше, не стать умнее или добрее, а просто остаться человеком, – только это требует постоянного труда...»

Федору Андреевичу надо было срочно переходить от уговоров и увещаний к сугубо отечественным способам управления хозяйством. Без этого хозяйство начинало сбоить по всем сторонам.

«Правильно сказал Степаныч, хоть и сболтнул спьяну, – думал Федор Андреевич. – Мы сами воспроизводим свою власть и все механизмы её над нами злодейств. А я вам тут кто? Я вам и есть власть...»

* * *

Интернатовские дамы тоже горевали по Льву Ильичу, хотя, конечно же, совсем не так, как их коллеги-мужчины. Теть-Оль, например, забыла устраивать свою женскую судьбу и даже, можно сказать, махнула на себя рукой. На работу она приходила с опухшим от слез лицом и измятыми губами, да и делала она все машинально, на автомате.

– Как-то ты стала невкусно готовить, – решила Ирина Александровна на правах старой подруги сделать замечание поварихе, уводя своих семиклашек с завтрака.

– И порции очень маленькие, – поддакнул Махан из-за спины воспитательницы.

Ольга Парамоновна и ухом не повела на такие инвективы в свой адрес – даже и не услышала.

– Дай сигаретку, – попросила она Ирину. – Куда-то свои затеряла – найти не могу.

Махан с независимым видом быстренько слинял с глаз долой.

– Держи! – Ирина протянула пачку. – Я тебя без сигареты уже и не помню, – сказала она. – Курение тебя убьет.

– Мне бы до этого дожить...

Наверное, Ирина совершенно напрасно выговаривала теть-Оле. Она и сама работала примерно так же. Приходила, отбывала, а дети, как верно заметил Федор Андреевич, оставались неприкаянными и даже забыли про «ходить хором».

Накануне того давнего и проклятого пятничного вечера, когда увезли Льва Ильича, Ирина взяла у него почитать стихи начала века. Ранее она стихи не читала да и не любила, но по совету Йефа взяла, а после его исчезновения и вчиталась, можно сказать, присосалась, как другие, бывает, к рюмке.

Она и в рабочие часы не закрывала книжку и, чтобы совместить свой стихотворный запой с воспитательными обязанностями, читала эти же стихи детям. Они старались пристойно слу-

шать, но не выдерживали и разбегались по более важным делам. Однако совершенно неожиданно это насильственное кормление поэзией принесло диковинные плоды.

Муравей решил, что и он может научиться говорить стихами. Долго бродил один с гибким прутом, которым отхлестывал ритм своих творений по стволам деревьев или по чему ни попадя. Наконец, все у него сложилось, и он предложил одноклассникам странную игру, которая как-то вдруг затопила всю школу.

Игра была такая простая и такая идиотская, что трудно было не подхватить эту заразу своим участием. Правила простые. Первый играющий подходит ко второму (на самом деле – к любому) и говорит, например, так:

«Скажи: “Веревка”».

У второго два варианта на выбор. Если он не знает ответ, то должен сказать, что требует первый.

«Веревка», – говорит он.

«Твоя матка воровка», – лепит в него первый играющий и отходит с видом победителя.

Второй играющий, стало быть, утирается и понуро бредет прочь, потому что это не просто обвинение, а обвинение в стихах, и поэтому оно неоспоримо, как государственная бумага с гербовой печатью.

Но может быть и другой вариант: второй играющий знает ответ и сам говорит первому, что у того матка воровка. Тогда уже первый отходит в унынии и тоске, несмотря даже на то, что у него нет матки – ни воровки, ни какой другой. Этой вот дурью в считанные недели заразилась вся школа и до самых зимних холодов можно было слышать со всех сторон:

– Скажи: «Утка»...

– Скажи: «Хор»...

– Скажи: «Рак»...

Муравей выдумывал все новые рифмы и вбрасывал их в игру на ходу, сразу став признанным поэтом. Со всеми спорами в игре обращались к нему. Махан помирал от зависти.

Он целый день бродил в стороне от шума и веселья всей школы, но сочинил свой стих и после ужина подошел к Муравью.

– Скажи: «Чайник», – начал он игру.

Муравей долго шевелил губами, пытаясь сымпровизировать неведомый ему ответ, и наконец сдался:

– Чайник.

– Твой батька – начальник, – победно врезал Махан.

Муравей отползал совершенно раздавленный (это еще хуже, чем «матка воровка»), а Махан сразу же решил, что вырастет и станет настоящим поэтом, а потом приедет сюда и всем-всем расскажет, кто они на самом деле и кто их родственники до десятого колена. Расскажет, разумеется, в стихах, чтобы припечатать так припечатать – с рифмами и навсегда...

Махан ходил и мечтал, пока не натолкнулся на Муравья.

– Скажи: «Звезда», – потребовал Муравей...

* * *

Федор Андреевич упрямо гнул свою линию, и интернатовские работники уже не так часто собирались на полюбившиеся им поминальники. К тому же всю шел новый учебный год, и повседневные заботы вперегон директорским понуканиям постоянно теребили все школьные службы, не давая полностью отвлечься общим на всех горем. Под треньканье звонков школьная жизнь входила в привычную колею.

Тем временем секретные специалисты из областного управления безопасности своим порядком установили, что слухи, порочащие доблестные органы, исходят из школы-интерната,

а потом распространяются далее разными клеветниками. Результатами своих открытий чекисты поделились с партийными работниками, которых тоже взволновали разговоры о замученном в подвале КГБ учителе. Поверили обкомовские работники исследованиям чекистов или нет, неизвестно, но Федора Андреевича вызвали в обком партии, чтобы сделать категорическое внушение и пресечь подрывные сплетни. Товарищи из КГБ на этом настаивали с особенным упорством, и товарищи из обкома не решились обидеть их отказом. Внушение так внушение.

Федор Андреевич привычно испугался (вызовы к начальству никогда не сулят ничего хорошего), но не сильно (как известно, его приятели и особенно их приятели были в хороших отношениях со всем областным руководством).

– Собирайся, Алевтина, – велел Федор Андреевич. – В обком поедем.

– Меня вызывают? – зашлась в испуге Алевтина Николаевна.

– Вызывают меня, но кто у нас руководит бездельниками коммунистами – я или ты? Ты руководишь – вот ты и отчитывайся за их усех.

– Зато вы руководите всеми бездельниками школы, – заспорила Алевтина.

– Поэтому если бы вызывали в облоно, я поехал бы без тебя, а вызывают в обком.

– Я же совершенно не готова, – забеспокоилась Алевтина.

– Ты заусегда уся готова, – одобрительно осмотрел ее Федор Андреевич.

Конечно же, Федор Андреевич брал Алевтину не для каких-то отчетов, а только для того, чтобы на нее там глядели да облизывались, глядели да завидовали, глядели да потели.

А так и будет. И никто не спросит: зачем бабу с собой таскаешь? Он вперед представит: знакомьтесь, мол, секретарь нашей школьной парторганизации коммунистов и пламенных борцов. После этого им только облизываться.

– Жалуются на тебя, Федор Андреевич, – встретил его инструктор обкома по народному образованию. – Коллеги говорят, что сплетни про них распускаешь, народ настраиваешь против органов. Спрашивается вопрос – зачем?

– А с чего это они тебе коллегами стали? – не очень приветливо отозвался Федор Андреевич, рассчитывающий на встречу более высокого уровня (даже разнос желательно получать от серьезного начальника, а не от попрыгунчика на посылках).

– Значит, правильно жалуются, – по-своему расценил нелюбезность Федора Андреевича инструктор. – Ты и впрямь их не любишь.

– Мне, признаться, есть кого любить и без ваших коллег.

– Вижу-вижу, – заулыбался в ответ инструктор, кивнув на Алевтину. – При ней-то и не поругаешь.

– Это наш секретарь... тоже коллега... Алевтина Николаевна. Ругай при ней – у меня от партии секретов няма...

– Вот и ругаю. Поручили передать... Слухи всякие... Ты сам знаешь, – затарабанил инструктор, но вырулил в убедительную гладкость. – А слухи отражают, но отражать должны правильно, а неправильные сплетни роняют достоинство, куда не поднять, а в наше сложное время нам, как никогда, надо защищать светлые идеалы, на страже которых всегда...

Монолог инструктора был абсолютно невразумителен и при этом полностью понятен. Да и интонации его были вполне дружелюбными. Федор Андреевич позволил себе несколько расслабиться и подумал, что Алевтину можно бы и не таскать с собой.

– Но между нами говоря, это форменный ужас, – понизил голос инструктор. – Замучить в подвале... страшно подумать даже... Только разные там ля-ля все равно на замок...

– Кто это у нас тут? – благодушно забасил третий секретарь, колобком вкатываясь в кабинет инструктора. – Не тянись ты, – махнул он рукой на подчиненного, – все равно никакой выправки! Вот на Федора Андреевича любо-дорого посмотреть: вишь, как надо перед началь-

ством... А вам, милая дама, и вставать не надо – это перед вами... Кого это ты нам привез, Федор Андреевич?

– Это наш секретарь всей партии... Так сказать, лицо партийной организации школы...

– И не только лицо, – облизывался секретарь, на что и рассчитывал Федор Андреевич. – Я бы сказал – фигура партии. Вот на кого должна равняться наша партия в смысле фигуры...

– И лица, – добавил Федор Андреевич.

– Ну, про это я молчу. Если бы нашей партии такое лицо... – Он не решился закончить вслух свою достаточно крамольную мысль, что это и была бы партия с человеческим лицом, как мечтают некоторые клеветники по их клеветническим «голосам».

Третий секретарь уселся между Федором Андреевичем и Алевтиной Николаевной на стульях у стены, как какой-то обычный директор, вызванный на торжественное вручение партийного выговора.

«Чудные какие дела, – удивлялся Федор Андреевич. – Эдак всей партийной дисциплине может настать как-то. А что потом?..»

Про потом даже думать не хотелось. Маячили мрак и разруха.

«Если партийные руководители начнут так вот запросто обнимать своих посетителей, то и до голода недалеко, – продолжал недоумевать Федор Андреевич. – А может, ему просто захотелось пообжиматься?..»

– Вот гляжу я на тебя, Федор Андреевич, – мечтательно заурчал Третий, продолжая приобнимать Алевтину и директора, – гляжу и думаю: а не устроиться ли и мне в такую же школу – жить себе помещиком на свободе, и чтобы такие вот красивые крестьянки вокруг...

– Барщину заведете или оброком ограничитесь? – поддержал начальственную шутку Федор Андреевич.

– А ты что посоветуешь? Я в этих сельхозтонкостях не специалист. Я же по культуре в основном руковожу... А в сельском хозяйстве я силен только чтобы поесть, – засмеялся собственной шутке Третий.

«То-то и оно, – ворчал про себя Федор Андреевич. – Отрастил лицо ажно и на загривок – теперь только в помещики осталось...»

– А не опасаетесь в помещики-то? – спросил Федор Андреевич.

– А кого мне опасаться? Я третий человек в области, все, считай, подо мной.

– Так если в помещики, то уже и не третий, а, так сказать, первый... первый помещик в стране, – встрял в разговор инструктор.

– А кое-кому это не понравится, – остерег Федор Андреевич. – Оне же не для того всех помещиков под корень, чтобы те снова поразвелись. Не для того... А как они умеют с людьми, мы нынче знаем...

– Да, страшное дело, – уже серьезно сказал Третий.

Он сразу же прекратил обнимашки, вскочил и забежал по кабинету, похлопывая всякий раз инструктора по плечу, чтобы тот сел, но тот все равно вскакивал, когда начальник опять оказывался рядом...

– Страшное дело, – повторил Третий, – сгубили человека, а ты и говорить не смей... Палачи – одно слово. Но ты не смей! – остановился он напротив Федора Андреевича. – Время такое: сметь не смей!.. Мы не смеем, и ты не смей... Чтобы я больше ни-ни!.. Палачи, чего поделаешь? – он развел руками. – Ни-ни... Всяк разговор про то пресекать нещадно. Ты знаешь, я знаю, все знают, а больше – чтобы никто...

* * *

– Как странно тут нынче, – передернула плечами Алевтина, выходя вперед директора на промозглую улицу (то ли от промозглости этой плечами передернула, то ли от того, что странно ей тут, – не разъяснила).

– Чего странного? – не дождался пояснений Федор Андреевич. – Странного, спрашиваю, чего?

– Да вот обжималки эти... Никогда такого не было. Начальник блюдет свое место, а посетитель знает свое. Не к лицу...

– К тебе, Алевтина, любой с радостью – только дай!

– Да ну вас... Я не про то. Я же чувствую, кто с чем лезет обниматься. Тут не для страсти, прости господи, а для публики, – мол, смотрите, какой я простой и как я с народом душа в душу.

– Дурное время настало, Алевтина, я тебе скажу. Если таким макаром и дальше, то жди беды, – озвучил свои горестные недавние мысли Федор Андреевич. – Либо голод настанет, либо чего похуже... Это им примеры с Москвы подают, что теперь надо душа в душу, а не через мать-перемать – вот они и стараются. Но хоть вывернись, а натура своего требует. А как всего хутчей возвратиться к старому управлению? Беду накликаешь, а уж там рули, как умеешь, но – кровь с носу – держи всех в кулаке... Вот так они, Алевтина, нам беду и устроят.

– Что-то совсем вы не в духе, – попробовала Алевтина остановить откровения директора. – Радоваться надо, что убрались из обкома без потерь – ни выговора, ни замечания. Когда сюда ехали, о таком и не мечтали, а вы всё недовольны.

От обкомовского крыльца идти надо было направо, и почти сразу на перекрестке еще раз повернули направо – лицом прямо в порывы осеннего ветра с иголками мелкого дождя. Над высокой обкомовской оградой выблискивала спираль колючки, за которую цеплялся стылый ветер осени. Дальше путь лежал прямо, не сворачивая, до вокзала, но можно было и подъехать пару остановок. По правую руку бронзовый Машеров мокнул без шляпы и смотрел на прохожих безо всяких новомодных послаблений и уж точно безо всякого намерения обниматься, к тому нечем было бы ему обниматься, приди такая дикая мысль в его бронзовую голову...

– Как вам нравится бюст Машерова? – снова попыталась Алевтина отвлечь директора от его мрачных раздумий.

– Твой бюст мне нравится куда больше. Не в обиду вам, Петро Миронович, – поклонился Федор Андреевич в сторону бронзовой полутушки. – А коль всерьез, – он посмотрел на Алевтину, – не нравится, зусим не нравится. Придумали сами себя славить и плакатами, и портретами, а потом и бюстами. В бессмертие рвутся, а бессмертие не в этих истуканах. Их всех в один день снесут.

– Я, Федор Андреевич, даже не имею права все это слушать. А Машеров, между прочим, был совсем неплохим вождем...

– Пожалуй... Да и я не про него. Это же нынешние мудрят с бронзовым бессмертием, а Петро Мироныч был поскромнее...

– И в бюстах ничего плохого. Вот решили ставить дважды героям бюсты на родине и при жизни – это же замечательно! Приезжает этот герой на свою родину, и первым делом хочется ему привести в порядок улицу у своего бюста, и дома на этой улице, и сквер, что рядом. И он-то уж найдет деньги – герой ведь, даже и дважды с бюстом в придачу. Непременно найдет! Так вот от бюста к бюсту постепенно и приведем в порядок всю страну.

– Это же скольких героев патребна на всю страну?

– Страна мечтателей, – напела Алевтина, – страна героев...

– Мечтатель у нас одна ты, Алевтина, а героев что-то зусим не бачымо...

* * *

Федор Андреевич болтался в поезде на боковой сидухе у окна и костерил обкомовское начальство.

«Это ж ни якая душа не принимает такого: всю кровушку у человека выпили, а ты и горевать не смей... говорить даже не смей...»

Федор Андреевич чувствовал, что все его душевные силы заняты удержанием привычной жизни, населенной привычными людьми, и ни на что новое, ни на что другое этих сил уже не хватает. Он думал, что, наверное, стареет и потому упрямо не желает отказываться от чего-то ему дорогого, даже если это одни лишь воспоминания. С какого-то времени начинаешь понимать, что не все старое можно заменить новым, ни людей не заменить, ни воспоминания – просто-напросто уже не хватит ни сил, ни жизни.

«Разве обкомовские холопы могут это понять? Им всего дороже последние указания начальства. Но я вам не холоп!..»

Федора Андреевича грело это его внутреннее отстранение от всеобщей системы начальственных отношений. Он ведь и в интернате никогда особо не корчил из себя барина и перед своими данными ему по службе барамы никогда не преображался в холопа.

«А попробуй это холопые племя распознать – шиш распознаешь. Люди как люди. Но вот они вдруг начинают с умилением вспоминать своих прежних хозяев, и тут уж холопые нутро так и прет. Или когда начинают их же высмеивать, чувствуя, что уже можно, и не умея иначе откреститься от них».

За спиной Федора Андреевича крепкий бритый юноша напористо объяснял хлипкому азербайджанцу, что нечего ему тут на древней витебской земле сорить и вонять своими погаными цветами...

– Домой ехай к своим ишакам-кизякам!

– Ты мне что? Да?.. – лез на рожон кавказец. – Я твою маму...

За маму, естественно, сцепились. Защитник земельной чистоты при всей своей природной силушке был довольно медлителен, а юркий кавказец, несмотря на верткость, довольно слаб. Силы оказались примерно равными, как и аргументы в споре. Проводница не стала дожидаться, кто победит, и вызвала милиционера, а тот сразу же пошел толкать драчунов к выходу, еще и подпинывая коленом. Так они все втроем вывалились на перрон, но там совершенно неожиданно национальная обоюдная вражда уступила место общей социальной ненависти, и двое нарушителей дружно набросились на милиционера с обеих сторон. Тому оставалось только свистеть, что он и сделал. Молодой «нацик» и не очень молодой «хач» вперегонки шуганули с перрона...

Поезд встряхнулся и гроыхнул всеми своими вагонными сцепками. Медленно поплыли назад фонарные столбы, а дальние деревья пошли разгоняться, забегая вперед поезда.

Алевтина дремала напротив Федора Андреевича, чуть вздрагивая осунувшимся без хозяйкиного присмотра лицом. Два ее глобуса с той же частотой, что и лицо, подрагивали на откидном столике. Федор Андреевич одобрительно покашивался на бюст Алевтины. Потом вспомнил бронзовый бюст Петра Мироновича, а потом уже подумал, что хорошо бы при входе в школу поставить бюст Льва Ильича. Наперекор всем этим приказам про молчать и ни-ни.

Понятное дело, никто ему такой вольности не разрешит. Он же не свободный помещик, а государственный чиновник, и школа у него, к сожалению, не частная лавочка.

Всякий человек рано или поздно бунтует против наглого всеподавляющего диктата, а если и не бунтует, то мечтает взбунтоваться. Федор Андреевич не был готов всерьез взбунтовать, но и никак не мог согласиться с запретом любых разговоров о гибели Льва Ильича. Он искал возможности обойти обкомовский приказ, но не выказать явного неподчинения власти.

Он подумал, что можно было бы повесить портрет учителя Прыгина где-нибудь на стене.

«Висят же там всякие портреты. Макаренко висит, да и Луначарский. Или то не Луначарский? Надо будет прочесть, кто там висит... А можно оформить Доску почета и втиснуть туда меж другими ударниками педагогики. Нет, припрется кто-то с проверкой и донесет потом. Непременно донесет. И тебя, дурака старого, высекут почем зря, а потом еще и выгонят взащей...»

«Такой крепкий был хозяйственник, – услышал Федор Андреевич доброе слово о себе, которое произносил недавно покинутый инструктор обкома. – Такой знающий был работник, а связался с Ильичом этим – и вся жизнь под откос...»

«А не связывайся с Ильичами, – погрозил пальцем третий секретарь. – От них все беды...»

«Вы про какого Ильича?» – насторожился инструктор.

«Про какого надо».

«От него точно – все беды», – согласился инструктор.

«Мы об ём говорим, а он спит себе, как Ильич в Разливе».

«И совсем я не сплю», – взялся возражать Федор Андреевич, сразу же встряхнувшись из дремы.

«Надо переименовать школу, – нашел выход директор интерната. – Пусть называется “Лесная школа-интернат имени Ильича”. Няхай они сабе думают, какого такого Ильича, а мы никому не скажем».

* * *

Шила в мешке не утаить, тем более выдуманного.

К середине декабря информация о зверствах советской тайной полиции просочилась за бугор, а оттуда через дипломатические каналы в настороженные кремлевские коридоры.

– Как это объяснить, Александр Николаевич? Вот скажи мне, как это объяснить? Мы направляем страну в перестройку, а они толкают нас в международную изоляцию. Ну честное слово, нельзя понять... Вместо помогать всеми силами – у меня и слов нету...

– Михаил Сергеевич, я говорил с товарищами из Комитета. Они просят поверить, что ни сном ни духом... Они отпустили этого гражданина Попры... – помощник Президента зашуршал бумагами, – ...гражданина Прыгина, а после этого он исчез.

– Просят поверить? Ну честное слово, никакого сознания не хватает – они просят поверить... Для того чтобы им поверить, надо иметь совсем другую, так сказать, историю... репутацию... А ты что думаешь, Александр Николаевич?

– Палачи... И убийцы...

– Я с тобой полностью... Но ведь нам придется защищать их точку зрения. Мы не можем пока еще заявить на всю страну, что замучили, так сказать...

– Не можем.

– Вот честное слово, не знаю, что предпринять. Нас специально хотят рассорить с западными руководителями. Мы предлагаем всему миру новое мышление, а нас тянут в прошлое... Чтобы захлебнулась вся перестройка. Вот, честное слово, к этому нас и толкают. Сначала помирает от голодовки этот вот... подскажи, Александр Николаевич... Макаренко этот?

– Марченко.

– Да, Марченко. Это же, как нарочно... Это не просто помирает, а палки в колеса всей нашей перестройке. Мы, получается, тянем страну возвратиться к демократическим нормам, а они тянут назад. Если теперь и этот скандал выйдет наружу...

– Этого нельзя допустить, Михаил Сергеевич.

– Сам знаю, что нельзя. Но как? Что мы можем сделать? А может, все-таки они его не убили, и он просто исчез. Может, они его не сегодня-завтра найдут?

– Не найдут, Михаил Сергеевич. Не надо на это рассчитывать.

– Я и сам так думаю... Ну палачи ведь – никакого у них нового мышления и быть не может. Таковую свинью подложить и в такой ответственный момент! Сейчас может начаться очередная антисоветская вакханалия...

– Надо не допустить. Надо перехватить инициативу.

– Ты конкретней, Александр Николаевич, а то я тебя, честное слово, не понимаю. Ты предлагаешь устроить в комитете... перестройку, так сказать? Поснимать их к чертовой матери и перевести работать послами, чтобы неповадно было... Так?

– Нет-нет, нам не надо показывать, что эти преступления имеют место.

– А что тогда?

– Давайте амнистируем всех антисоветчиков.

– Всех сразу? Это не выход, Александр Николаевич. Честное слово, не выход. Тогда окажется, что Юрий Владимирович ошибался... Или еще хуже... Нет, на это мы не можем пойти...

– Давайте тогда амнистируем академика Сахарова.

– А вот это ты интересное предложение предложил... Тем более товарищ Сахаров сам написал нам и обещал отказаться от своей деятельности, а только в науке... Вот, честное слово, интересное предложение. Главное – весь мир увидит, что мы идем по пути нового мышления и возврата к ленинским нормам демократии...

– Ни у кого уже язык не повернется обвинять нас в смертях гражданина Марченко и этого... – помощник снова сверился с бумагами, – Прыгина.

– Да-да, тут мы на правильном пути. Честное слово, на правильном...

– И вот что самое интересное, Михаил Сергеевич, насколько я помню, товарища Сахарова отправили в город Горький безо всякого судебного решения...

– Безобразие!.. Полное нарушение социалистической законности...

– Но сейчас это нам очень поможет.

– ?

– Если не было судебного решения, то и не надо никакой амнистии.

– А что надо?

– Просто разрешить ему вернуться.

– Но кто тогда узнает о нашем личном участии в этом акте гуманизма и милосердия?..

Нам надо наглядно продемонстрировать, чтобы весь мир... чтобы все...

– Тогда позвоните ему лично, Михаил Сергеевич... Такой вот будет жест заботы и милосердия...

– Это другое дело... – Президент задумался, раскачивая в пальцах острый карандаш. – А ведь хорошо, Александр Николаевич, честное слово, хорошо придумал!.. Не будем откладывать в долгий ящик, а то все и всегда откладываем и вечно опаздываем... Давай, так сказать, сразу порешим все эти вопросы. Соедини меня с товарищем Сахаровым.

– Это сейчас невозможно, Михаил Сергеевич. У него нет телефона.

– Как это – нет телефона? У академика?.. У дважды героя?..

– Трижды... Только его лишили всех наград.

– Кто лишил? Ты же говоришь, не было суда...

– Мы и лишили, Михаил Сергеевич.

– И про телефон тоже мы принимали решение?

– По рекомендации Юрия Владимировича...

– Сатрапы... Честное слово, сатрапы... Надо все это перестраивать... А то не будет вам никакой социалистической демократии...

* * *

Григорий читал, мало отвлекаясь на что-либо другое. Раскапывал очередную книжку из сокровищницы Льва Ильича, прочитывал и снова закапывал в уголь. К весне 87-го уже и вся страна постепенно погружалась в беспробудное чтение, но до книг из Йефового тайника разрешенная свобода пока еще не добралась, и Григорий несколько опережал остальных соотечественников. Иногда он запирался в квартире Льва Ильича, ключи от которой ему передала Надежда Сергеевна, и листал вполне законопослушные книги.

Надо сказать, что на эту квартирку косились многие работники интерната, с жизненными планами улучшения бытовых проблем. И вправду ведь: квартирка простаивает, а у людей проблемы. Однако Федор Андреевич сказал, чтоб не смели и думать, потому что возвратится Надежда Сергеевна с сыном и займет свою кровную жилплощадь. Народ поворчал, но после очередного тайного поминальничка временно согласился с директорскими аргументами.

В квартиру Григорий навещался не из-за какой-то конкретной книги, плотно стоящей в ряду остальных на пыльных уже полках. Неотступный Угучев взгляд прожигал его затылок, как красная точка снайперского прицела. Григорий полагал, что это вполне справедливое наказание за его грехи, но иногда ему все равно становилось невольно, и тогда он скрывался за стенами Йефовой квартиры. А кроме того, к нему сюда довольно часто заглядывал сам хозяин. Не в виде, скажем, молчаливого призрака вестового в болезненных галлюцинациях генерала Хлудова, а почти натуральным образом – приходил, усаживался, осматривался по-хозяйски и частенько втягивался в разговор. Григорий понимал, что, наверное, это ему только кажется и никакого Льва Ильича в действительности нет, но, пусть даже призрачный, он был ему необходим, потому что ни в чем не упрекал, а лишь посмеивался по своему обыкновению, без каких-либо предъев и обид, а от призрачного гостя подобное отношение еще более важно. Настоящий всегда может передумать, закапризничать, и вот тебе пожалуйста – сплошные упреки. А призрачный, если не обвиняет, то не будет уже ни проклинать, ни мстить. Вот увидел бы их разговор Угуч и, может, перестал бы изводить своей неистребимой ненавистью...

«Все корпишь? – вместо приветствия обратился Йеф к Григорию. – Как не приду к себе – ты все тут. Зарылся в книжки и не выковырнуть, будто рыскаешь чего в страницах... Чего ищешь?»

«Ищу понять, – скрывая радость встречи, отрывается от книги Григорий. – Чем они так затягивают? Ведь выдумка чаще всего, а, оказывается, может соперничать с реальностью».

«Так реальность – это, как правило, свалка всякой ерунды – хаос из мелочей, страстей, алчных устремлений, тщеславных мечтаний... Всякий жизненный сор. А книги этот сор упорядочивают и этим помогают ориентироваться в мире хаоса и суеты...»

«Может, и я когда-нибудь напишу книгу», – поделился потаенной мечтой Григорий и покраснел бы от смущения, если бы мог краснеть.

«Интересно узнать, каким это бесценным опытом ты хочешь упорядочить мировой хаос? – насмешничал Йеф. – Исповедь стукача, что ли?.. Прости уж за прямоту, но в нашем отечестве этим никто ничему научить не может, потому что этот личный опыт отнюдь не уникальный».

«А если я вовсе и не стукач? – обиделся Григорий. – Если я специально к ним завербовался, чтобы изучить их изнутри, а потом всем рассказать?»

«Увлекательный сюжет можно накрутить».

«И поучительный. Так можно рассказать про важные вещи».

«Я тебе предлагаю сделать сюжет еще увлекательней: твой герой с этой вот исследовательской целью вербуются в чекисты, а потом его разоблачают, и – долой башка, но перед смер-

тью он успевает прознать, что буквально все вокруг коллеги пришли в тайную службу с той же целью – разоблачить и рассказать...»

«Идиотский сюжет... хотя, конечно, забавный поворот. Но я же не забавы для».

«Не обижайся – это всего лишь еще одна книга».

«За книги иногда помирают», – совсем разобиделся Григорий.

«Это потому, что за них иногда убивают».

«Но ты же сам за книги эти...»

«Так то я. А ты же не со мной сейчас разговариваешь, а с собой...»

«Зачем мне – с самим собой?»

«Подумай... Пришло время искупать...»

«Чего искупать?.. Кто ты такой?..»

«Ты сам знаешь...»

«Не может быть...»

«Если бы я взлетел, ты бы поверил?..»

* * *

Ранним утром Григория разбудил Недомерок. По школьной территории да и мимо домов поселчан отставной капитан пробирался с осторожностью, понимая, что никакие встречи тут не будут отличаться радушием и гостеприимством. Из органов ему давно уже пришлось уйти, но он не оставлял надежд на реабилитацию и для этого обдумывал всякие новые варианты по нахождению Льва Ильича. В управлении областного комитета, да и во всей службе шли эпохальные изменения, а Недомерок как баран уперся в своем стремлении доказать, чтобы не смели пятнать...

ТЬфу ты, господи, честное слово – зла не хватает... Другой бы давно успокоился и думать забыл. А совсем другой так извлек бы большую пользу – выставил бы морду Мюллером (помните, как он приводит Штирлица в подвал? вот такую морду) и носил бы так: я, мол, крутой, и на моем пути становиться не советую, а не то будет, как с антисоветчиком этим... Нет, все разумные варианты поведения проносились со свистом мимо Недомерка, потому что он упорно искал Льва Ильича. Уже и жену потерял, и квартиру, где томилась его долгая семейная жизнь, и мечту о майорских погонах, и красную книжечку, позволявшую иногда взмыть выше всех этих, кто без такой книжечки... все, считай, потерял, а так и не образумился.

– Ну как, не объявился? – спросил он Григория.

– А почему он должен вдруг объявиться? – скрыл свое удивление за равнодушным голосом Григорий.

– Так завтра ровно год, как его того...

– Как ты его – того? – хмыкнул Григорий.

– Не забывайся!

– Ты сам вроде забылся, – повысил голос Григорий. – Ты, собственно, что за хмырь? Чего это ты тут вынюхиваешь все? Сейчас мужиков кликну – они тебя живо... на вилы...

– Ну-ну... Ты про вилы-то не загибай – не двадцатые...

– И тем более – не тридцать седьмой. Грамотные все... Поначитались про ваши художества...

– Ну чего ты завелся? Чего завелся? Я же по-дружески...

Григорий совсем и не завелся – ему дела не было до Недомерка. Он хотел, чтобы Недомерок заткнулся и не мешал наново вспомнить разговор с Йефом нынешней ночью. А скорее всего и не с Йефом вовсе...

«А ведь и точно год прошел... Конечно, пришло время искупать все, что натворил... И, ясен пень, я знаю, что мне надо делать...»

- Куда-то собираешься? – подозрительно спросил Недомерок.
 - Собираюсь, – не стал таиться Григорий. – Помнишь сына Льва Ильича?
 - Пустой номер, – махнул рукой Недомерок. – У меня там все схвачено, если объявится – мне сообщат...
 - Хорошо, что все схвачено. Значит, сможешь помочь.
 - В чем помочь?
 - Надо мальчика спасать... Ты понимаешь хоть, что его там совсем ни за что гробят? А что ты все это ему устроил, понимаешь?..
 - Ладно-ладно, не шуми, – остановил Недомерок Григория. – Я понял: ты хочешь Йефа нашего поймать на сына как на живца. Замечательная идея. Мы выкрадываем его сына, а он должен ведь за сыном следить и, узнав, что его нет, – бросится искать. И вот тут мы его...
 - Совсем ты, Недомерок, ума лишился...
 - Ладно, не хочешь сознаваться – не надо. Я все равно с тобой... Как на живца – р-раз и – здрасте... А куда ты его хочешь украсть?
 - Поедем к матери моей – в Осташков. Как-нибудь устроимся...
 - Пусть и в Осташков...
 - Слышь, Дим, – окликнул Григорий Угуча, – собирайся! Едем твоего Даньку спасать.
 - Зачем тебе этот припадошный? – запротестовал Недомерок.
 - Чтобы за тобой приглядывать. Если чего вздумаешь против нас, он кирдык и – каюк тебе...
- Недомерок опасливо взглянул на выбравшегося из закутка Угуча. Тот еще больше поздравил, и посмеяться шутке Григория у Недомерка не вышло.
- Такой точно может, – согласился Недомерок, – и кирдык может, и каюк...
 - Может-может, не сомневайся, – подтвердил Григорий.

* * *

Дом инвалидов для детей располагался неподалеку от Богушевска в селе Рябцево. Часа в три пополудни тамошнюю санитарку взбудоражил из дремы непрерывно тренькающий звонок, и она, все еще сонная, двинулась открывать.

На пороге стоял давний знакомец – чекист, который пасет недоделка Даньку, а с ним два инвалида: натуральный страшилище в военной форме и слюнявый здоровяк. Этот, может, еще и несовершеннолетний, но тот, в форме, на дите никак не тянет...

– Узрослых не примаем, – обрушилась санитарка на непрощенных гостей. – Тута дитячий дом...

– Вот и хорошо. – Григорий вставил тяжелый башмак в проем приоткрытой двери, не давая санитарке захлопнуть ее. – Мы на свидание пришли. К Даниле Прыгину...

– Я зараз узнаю, можна але няможна, – попыталась отделаться от посетителей санитарка.

– Можна-можна, – встрял Недомерок. – Почему это вдруг няможна? Вся страна поворачивается лицом к инвалидам, вся партия поворачивается лицом к инвалидам, а у вас почему-то няможна?

– А партия правда поворачивается?

– Вот те крест.

– А навошта ей это?

– Посмотреть на свой народ...

– Ну разве что так... – с некоторым сомнением протянула санитарка. – Зараз прикачу. Вы тута будете свиданиться але на вулице?

– Лучше на вулице, – передразнил ее Недомерок. – Там тепло, а тут у вас запах – хоть святых выноси.

– Дык усех по горшкам не рассадишь – рук не хватит, – огрызнулась санитарка.

Данька за этот год страшно изменился. В кресле-коляске косо сидел махонький старичок и все время норовил завалиться на бок. Кроме того, он был обдолбан всякой лекарственной дрянью по самые уши. Узнал ли он старых знакомых – оставалось тайной, да и вообще не было уверенности, что он способен был что-либо узнать.

Угуч безо всяких разговоров усадил Даньку на свои плечи, и Данькина иссохшая задница, поерзав туда-сюда, вспомнила это удобное место и напряглась, удерживая все тело. Странные посетители вместе с пациентом этого заведения вышли за ограду и не мешкая начали рассаживаться в растрепанный Тимкин «Москвич». Санитарка неслась от крыльца, исторгая звонкие матюки, но перехватить машину не успела. Тогда она, не прекращая ругани, побежала к телефону, чтобы звонить в милицию и спасать инвалида, на которого может «вернуться посмотреть вся партия», а его как раз и украли.

Чтобы избежать встречи с богушевскими ментами, Тимка добросил всю компанию до Орши.

– Но, между нами говоря, – сообщил он своим пассажирам, – дело ваше дохлое: я в жисть не видал правонарушителей с такими выдающимися приметам. Вот разошлют ориентировку, и вся ваша лафа до первой встречи с ментом.

– Да на кой ляд мы им сдались? – легкомысленно отмахнулся Григорий.

– Ну не скажи... Вдобавок к слухам о замученном отце и запертой в психушке матери пойдут еще разговоры о похищенном сыне – совсем что-то мафиозное получается...

– Пожалуй, – посмотрел Григорий на ситуацию под этим углом. – Будем осторожнее.

– Кстати, а почему ты решил сына его спасти, а не жену из психушки?

– Даже и не знаю... Кажется, так правильнее... Впрочем, знаю: они с женой сами сделали выбор, который привел кого куда. А Данька ничего не выбирал и, значит, точно ни в чем не виноват...

– Может, и так... А сможешь спасти? С дитем, да еще таким, – не сахар.

– Попытаюсь.

– Думаешь, мамаша твоя обрадуется такому прибавлению?

– Надеюсь... Да и мы с Угучем рукастые – не пропадем...

– Ну счастливо, коли так...

* * *

Примерно через сутки на дороге Торжок – Осташков, не доезжая до города Кувшиново, притормозил грузовик, из кузова которого вытряхнулась весьма странная компания: взрослый инвалид, двое малолеток-инвалидов и один сопровождающий, с виду почти нормальный, только ростом не вышел.

Грузовик свернул на какое-то Сурушино, а спешившаяся необыкновенная команда взялась ловить попутку до Осташкова. Машины пылили мимо. Григорий не терял терпения, понимая, что и сам вряд ли бы остановился, чтобы подобрать такую вот банду уродов.

– Не так, – заявил Угуч.

– Что? – не понял Григорий.

Через какое-то время Григорий допер, что, по мнению Унуча, ловить машину надо не так. Григорий поднимает руку вверх и этим показывает водителям, что путь открыт, а надо загораживать рукой... В общем, Григорий не стал спорить и уступил Угучу место на обочине.

«Все-таки он говорит, – думал Недомерок про Угуча. – Не-ет, все это неспроста. За этим что-то кроется... Сейчас вот приедем, а там Йеф собственной персоной...»

Угуч вылез с обочины на дорогу и выставил руку поперек движения, пытаясь показать едущему грузовику, что путь закрыт. Грузовик притормозил, вильнул в сторону, объезжая помеху, и дал полный газ.

Данька, которого Угуч усадил на обочине, засмеялся.

– Ну слава богу, очнулся, – радостно возвестил Григорий. – А я-то боялся, что все зря и тебя там до овоща долечили... Давайте устроим перекус, – объявил он, снимая с плеча походный рюкзак.

Они разместились подальше от дороги, на краю неухоженного поля, отгородившись от пыльной трассы чахлыми кустами. Григорий раздавал всем хлеб и вареные яйца. Ничего другого у него в припасах не было. Была еще фляжка. Он достал и ее, показывая Недомерку: будешь, мол? Тот согласно кивнул.

Ушло напряжение последних суток. Путешественники отдыхали и даже посматривали друг на друга без скрытого подозрения, которое не отпускало их все это время, когда каждый придумывал для другого какие-то тайные и недобрые планы.

Недомерок пересел, чтобы летний ветерок обдувал его не с Данькиной стороны. Теперь ветер был со стороны Угуча – лучше, но не сильно...

– Слушай, Угуч... – После глотка из Григорьевой фляги Недомерка потянуло на воспоминания. – Помнишь тот день, когда пропал Йеф?

– Не пропал, а был арестован... Тобой арестован, – слабым голосом встрял Данька.

– Хорошо. Пусть так. Помнишь или нет? – снова обратился он к Угучу.

Тот кивнул.

– Дело прошлое, но что Лев Ильич тебе тогда сказал?

– Когда?

– Вы шли с ним, и он тебе что-то шептал на ухо, а потом он ушел, а я тебя остановил, чтобы спросить...

– Напал, – вспомнил Угуч. – Ты напал.

– Хорошо, я напал... Но что он говорил, помнишь?

– Люби, говорил...

– Что люби? – Недомерок перестал жевать.

– Это вот все, – Угуч сделал неопределенный жест вокруг себя.

– Это? – Недомерок тщательно осмотрел окрестности.

Истерзанное поле покрывала неравномерная зелень упрямых всходов и неприбранные кучи от давно вырубленных кустов. Оставшиеся кусты вдоль трассы колкими ветками пытались задержать дорожную пыль, но не могли. Она покрывала желтеющую уже зелень молодой травы и клейкую зелень листьев на одиноких деревьях. Чуть поодаль зияла раной какая-то траншея, выкопанная для неведомых хозяйственных нужд, и хотя рядом не было видно никаких жилищ, траншея эта с верхом была засыпана бытовым мусором. Может, ее и рыли для мусора?..

Любить все это было трудно, и Недомерок подумал, что, может, Йеф имел в виду людей, которые везде и всюду. Он внимательно оглядел своих спутников и решительно отмел эту нелепую мысль.

С неба донеслось странное жужжание, и сотрапезники задрали головы вверх. Низко над ними пролетел белый маленький самолет, будто из сказки, а не на самом деле – такой он был ослепительный, чистый и весь какой-то нездешний.

– «Сессна 172 Скайхок», – диктовал Григорий, рассматривая самолетик в бинокль из все того же рюкзака.

Данька сидел окаменевший, с открытым ртом, а Угуч сразу понял, что это тот самый самолет-стрекоза из его давней песенки.

– Это что такое? Нет, что это такое? – бегал Недомерок взад-вперед и почти что на одном месте. – Это же иностранный самолет! Почему не сбивают? Это же шпионский самолет... Здесь

всюду объекты противовоздушной обороны... А он же летит прямо на Москву... А что, если у него бомба?.. Что, если он по Кремлю?..

– Вот славно бы было, – засмеялся Григорий.

– А может, это наш самолет? – спросил Григория Недомерок.

– Ну это вряд ли, – не согласился Григорий. – Мы такого пока делать не умеем, а покупать не смеем.

– Тогда это шпион. Где истребители? Где зенитки?

– Никакой это не шпион, – улыбался Данька. – Это самолет из будущего, когда ни границ, ни зениток...

– Не дай бог, – ужаснулся Недомерок.

Молодой немецкий пилот, ошалевший от собственной дерзости, сжираемый страхом и гордостью, помахал крыльями глядящей на него компании странных людей. Он хотел бы, чтобы после его полета у этих людей началась совсем другая жизнь, и это его желание исполнилось, хоть и с вывертами местного колорита.

Старая эпоха, упиравшаяся уходить, норвящая зацепиться за кирпичики Кремлевской стены или еще за какую-нибудь святыню, одряхлевшая вместе со своими вождами эпоха этим забавным полетом, будто пинком, бесповоротно улетела в прошлое. Будущее подступило тревожной тайной, а четверка уродов (как называл свою компанию Григорий) была наследниками этого будущего.

Бывший гебешник, подневольный стукач, ставший невольным убийцей, мозговитый, обдолбанный в дурь паренек с очень ограниченными физическими возможностями и юный громила, не различающий зла и добра... Они унаследовали это будущее.

Григорий прятал бинокль в рюкзак.

– Он правда сказал «люби»? – спросил Григорий Угуча. – Может, ты что перепутал?

Над книгой работали

Редактор *Татьяна Тимакова*
Художественный редактор *Валерий Калныньи*
Корректор *Ирина Белугина*
Верстка *Оксана Куракина*

Издательство «Время»

<http://books.vremya.ru>

letter@books.vremya.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2018